

ий

шим жиз-
аспиран-
л врачом,
В пере-
м. Создал
выборах
идеров Партии конституционных
овской организации Демократиче-
зовал финансовую компанию, его
несколько риелторских фирм.
и, рассказов, пьес и эссе («Потоп»,
«Случайная встреча», «Сказ про
Воспоминание», «Посвященный»,
«Психофрения», «Четырехугольник»,
«О, жизнь моя», «История теа-
публиковался в журнале «Москва»,
етком», книг «Потоп» (1990), «Экс-
», «Судьба» (2018), «Распад» (2019),
(2022). Лауреат премий «Лучшая
и» (2012), международной премии
и премии «Бежин луг» (2018), пре-
еллигентный сезон» (2020), сайта
гих. Главный редактор альманаха
актор электронного портала «Зо-

Часть I

ФИНАНСИСТ

Леонид
Подольский

Леонид

ФИНА

18+

Леонид Подольский

Финансист

«Автор»

2026

Подольский Л. Г.

Финансист / Л. Г. Подольский — «Автор», 2026

«Финансист» — это эпический роман о России на переломе, действие которого происходит в 1992–1994 годах, о людях и о стране, о первых годах нового российского капитализма, о переходе к рынку, о глубоком кризисе посттоталитарного общества, о несбывшихся мечтах. «Финансист» — это центральный роман из серии «Идеалист» о пути главного героя повествования, где идеалистом был не только он, идеалистами были все мы. «Финансист» — это роман о путях истории, о том, почему все произошло именно так и никак иначе быть не могло. «Финансист» — это роман-размышление, летопись времени и развенчание многих легенд.

© Подольский Л. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	162
-----------------------------------	-----

Леонид Подольский

Финансист

Финансист

Что это было? Революция, катастрофа, освобождение, неизбежность? Едва ли кто-то мог бы сказать однозначно. Лишь годы спустя Игорь Полтавский осознал, что – все сразу. Что революция – это и есть катастрофа и свобода одновременно. И что эта революция была неизбежна. Все к тому шло. Загнивание империи и системы – одновременно – было глубоким и долгим, только невидимым до поры, как рак, пока не распространились метастазы. И что революция только такой и могла быть. Воровской, криминальной, несправедливой. Вознесла на тех, но – других не было. Что яблоко от яблони не могло упасть далеко. Что все родимые пятна остались...

Советский Союз, для одних – нерушимый, могучий, вечный, для других – империи зла, не существовал больше.

Год 1992-й, первый после распада, начался кровью: Ходжалинской резней¹, войнами в Абхазии, в Таджикистане, в Молдове. Бешено росли отпущенные на волю цены, рубль падал, заводы стояли, сотни тысяч людей голодали, Съезд народных депутатов грызся с исполнительной властью, реформы буксовали, Россия находилась на грани Гражданской войны. Внешне, однако, в Москве мало что изменилось, разве что люди в тот год ходили особенно хмурые, мрачные, зато медленно стали наполняться магазины, как предвестники рынка появились палатки, но одновременно и толпы нищих стариков в центре, занятых мелочной торговлей. Росла безработица. Всюду было множество бомжей. Крушение социализма происходило совсем не так, как ожидал Игорь Полтавский.

В конце мая ему пришлось закрыть свой медицинский кооператив. Пациентов почти совсем не стало. Деньги на счете стремительно таяли.

Игорь давно был готов к перемене судьбы. Незадолго до того он закончил брокерские курсы «Марка», организованные вроде бы английской фирмой, хотя ни одного англичанина Игорь там не увидел, и теперь собирался заниматься ценными бумагами.

Ценные бумаги – это звучало красиво и модно, зазывно, напоминало звон золотых монет, в воображении Игорю мерещились биржи – Нью-Йоркская, Лондонская, Франкфуртская, в последние месяцы биржи появились и в Москве, – но, в сущности, он мало в ценных бумагах разобрался. Разве что в самом общем виде. Он видел, что и другие плавают. Даже очень серьезные люди: председатели областных комитетов имущества и бизнесмены.

Впрочем, больше говорили о другом. Как раз начиналась приватизация. Пока только малая, в сфере услуг и в торговле – со скандалами, забастовками, первыми убийствами. Собственность раньше всех получали торгаша, те самые, кто в советское время был приближен к дефициту. Бюджетники – врачи, учителя, научные работники, военные-наблюдатели за началом приватизации со смешанным чувством зависти и обиды. Их, как всегда, обошли.

Все, однако, было еще впереди. В конце 1991 года указом Ельцина создано было Госкомимущество, которое возглавил ленинградец Чубайс. Рассказывали, что он привез программу, разработанную в Ленинградском КЭР². Изданы были первые указы, готовилась Государственная программа приватизации. На курсах обсуждали разные ее варианты, но Игорю это было

1

² КЭР – комитет по экономической реформе исполкома Ленинградского городского совета. Образован решением президиума Ленгорсовета 24 сентября 1990 года с целью разработки концепции программ и механизма проведения экономической реформы, а также проведения мероприятий по созданию зоны свободного предпринимательства (создана не была). КЭР ликвидирован по распоряжению мэра от 1 августа 1991 года.

интересно только теоретически. Он не был ни директором, ни членом трудового коллектива, все это протекало мимо него, да и денег у Игоря было слишком мало, чтобы купить что-нибудь серьезное. А главное, он очень далек был от производства. И к тому же слабо верил в приватизацию: не понимал, отчего, если бесплатно разделить предприятие между сотнями собственников, оно станет работать лучше. Он не догадывался, да и мало кто мог догадаться, что главной целью приватизации является вовсе не немедленное повышение эффективности производства, а совсем другое: создание класса собственников. То есть быстрое и искусственное построение капитализма.

Много было странного на курсах. Очень подробно учили, например, как платить налоги с ценных бумаг. Но ведь, прежде чем платить, деньги нужно заработать. А как? Да и другому нужно было учить: как не платить. Минимизировать. Это было время, когда мало кто платил. Время, когда создавались состояния. Когда делали деньги из воздуха. Время обналички и финансовых спекуляций. Время первых бирж и банков – гремели «МЕНАТЕП», «Всероссийский биржевой банк» и «Столичный», – финансовых пирамид, всеобщего воровства и коррупции. Еще недавно на страницах «Литературной газеты» спорили, не стыдно ли быть богатым? Теперь же множество людей, не раздумывая, кинулись делать деньги, словно спешили наверстать то, что семьдесят лет было под запретом. Это не было свободой, хотя все вдруг стало можно. Это был хаос. Рыночные законы еще не были написаны.

... На курсах кормили черной икрой, водили в экскурсии на биржи – на ММВБ³ и РТСБ⁴, – правда, бегом, для желающих существовал дополнительный курс; среди других лекций читали финансисты, чьи имена в то время были на слуху: Потемкин⁵, Вавилов⁶, Захаров⁷, приезжала как-то Бэла Златнис⁸ – говорили, что за каждую лекцию им платили тысячи долларов, не за лекции, за имена, но, скорее всего, примечательны были курсы составом учащихся. В Доме туриста вместе обучались чиновники из Госкомимущества – министерские работники и будущие приватизаторы из областей, республик, крупные бизнесмены-нувориши, «кошельки», иные из них ходили на занятия специально, чтобы установить связи с чиновниками. Таких, как Игорь, любознательных, но без четкой цели, было немного, да и среди них тоже встречались разные люди. Одни стремились завести связи с пристроиться к «кошелькам», другие – это были молодые и красивые женщины – искали выгодные партии, как в иное время в МГИМО, или просто богатых любовников, за третьих платили разные структуры, и они ходили на всякий случай. Встречались и производственники, чаще экономисты – этих послали на курсы разведать про приватизацию. Как бы там ни было, за три недели Игорь узнал немало интересного, успешно сдал экзамены в Минфине, получил корочку специалиста по ценным бумагам, но,

³ ММВБ – Московская Межбанковская Валютная биржа, основана в 1992 году.

⁴ РТСБ – Российская Товарно-Сырьевая Биржа – основана в 1990 году. Одна из первых и долго крупнейшая российская биржа. Учреждена известным бизнесменом и политиком Константином Боровым.

⁵ Потемкин Александр Иванович (1956) – известный российский финансист. В 1982-1991 работал во Внешэкономбанке и Госбанке СССР, руководил отделом валютных аукционов Внешэкономбанка СССР, затем директором «Валютной биржи Госбанка СССР», в 1992 году преобразованной в ММВБ, один из главных участников формирования валютного рынка в России, в 1993-1999 годах – председатель Биржевого совета ММВБ.

⁶ Вавилов Андрей Петрович (1961) – видный российский экономист-кибернетик, в 1992 году начальник валютного управления Министерства экономики и финансов РФ, с октября 1992 года по апрель 1997 года – первый заместитель министра финансов РФ (в октябре-ноябре 1994 года в течение 3-х недель и.о. министра финансов), считался главным распорядителем денежных потоков.

⁷ Захаров Александр Владимирович (1955) – в 1991-1992 гг. – замдиректора Центра проведения межбанковских валютных операций Госбанка СССР. С момента основания Московской Межбанковской Валютной биржи в 1992 году – ее генеральный директор – до 2003 года.

⁸ Златнис Бэлла Ильинична (1948) – заслуженный экономист РФ, кандидат экономических наук, в 1991-1993 годах – начальник Управления государственных ценных бумаг и финансового рынка Министерства экономики и финансов (с 1992 года – министерства финансов), в 1993-1998 гг. – департамента государственных ценных бумаг и финансового рынка. С момента основания до ноября 1998 года входила в состав биржевого совета ММВБ.

увы, ни настоящим специалистом не стал, ни – почти – не завел нужных знакомств. Не то чтобы он был нелюдимым, но у него не было конкретных планов и оттого он не мог знать, кто ему в самом деле нужен. Он до последнего витал в облаках. То собирался с Вадимом Петренко, недавним выпускником МГУ – того на учебу по каким-то связям послано Дальневосточное морское пароходство, – Вадим, как и Полтавский, плохо представлял, чем заняться – то Игорь с Вадимом собирались открыть фондовый магазин и, как и другие хлебом, торговать акциями, то брокерскую фирму, то заняться недвижимостью – планов было много, но ничего конкретного. Недаром преподаватель из финакадемии сказал как-то на занятии: «Я много людей видел. Математики, физики, из Бауманки, из МИФИ, из МГУ, из этих часто выходят хорошие бизнесмены. Они общежития превратили в обменники валюты и в товарно-сырьевые биржи. Как-то заходил к нам один, Андрей Мельниченко⁹, лет двадцать парню, а уж ворочает миллионами долларов. Талант. Финансовый гений, можно сказать. Новый Ротшильд. А чтобы врачи – не встречал. Врачи и гуманитарии устроены иначе».

Игорь все-таки нашел идею – при посещении фондовой конторы, первоначально созданной Григорием Лернером¹⁰, что тоже входило в программу. Самого Лернера Игорь, правда, не увидел, о Лернере он много слышал потом, идея принадлежала некоему Лесину, как говорили, «светлой голове» с МИБ¹¹, тот рассказывал, что биржа вслед за Кононыхиным¹² под сто процентов берет деньги у граждан, то есть у тупорылых совков и выдает кредиты новоявленным бизнесменам.

- Работа не пыльная, – хвастался Лесин, – маржа до ста процентов.

- А если не вернут? – усомнился Игорь.

- Куда они денутся? Вернут. Им нужны новые кредиты. И служба безопасности... К тому же мы страхуем эти деньги. Невозвраты – не наша проблема.

Игорь не поверил тогда. Но запомнил: МИБ. И вскорости стал акционером. Акция МИБ стоила пять тысяч рублей. Но деньги обесценивались так стремительно, что вскоре оказалось: купил даром. Тем более, записавшись в реестр, акцию можно было продать. Игорь и продал вскоре Фридману – за двадцать тысяч деревянных. Зачем эта акция понадобилась Фридману, возглавлявшему группу программистов в НИИ, тот объяснить потом никогда не мог. Просто время было такое. Все покупали акции.

Но это – позже, пару месяцев спустя...

... Невероятное время. сдавать экзамены в Минфин на Ильинку Игорь пришел чуть ли не за час. Не успел оформить пропуск, как энергия дама, минфиновская, из активисток, что всегда суется вокруг начальства, прямо-таки бросилась к нему.

- У вас есть машина? Нужно срочно отвезти замминистра Вавилова. Очень срочно. – Игорь растерялся. Автомобиля у него не было. Да и – он был человек, не умел найти машину

⁹ Мельниченко Андрей Игоревич (1972) – российский предприниматель, миллиардер, соучредитель и президент группы МДМ, в которую входят три большие промышленные компании: ОАО «Еврохим», ОАО «СУЭК» и ОАО «Трубная металлургическая компания», а также МДМ-банк. В 2014 году с активами 11,4 млрд. долларов А.Мельниченко занимал 97 место в мире по рейтингу Forbes. Начиная свое восхождение в бизнесе в студенческие годы, занимаясь обменом валюты и обналичкой.

¹⁰ Лернер Григорий Львович (1951) – известный российско-израильский предприниматель. В период перестройки и в начале 90-х годов занимался финансовой деятельностью, в том числе ценными бумагами, создал первый в России частный промышленный банк. Эмигрировал в Израиль в 1990 году. Неоднократно судим в СССР, в РФ и Израиле по обвинению в мошенничестве.

¹¹ МИБ – Московская инвестиционная биржа, возникла и тихо прекратила свое существование в начале 1990-х годов.

¹² Кононыхин Александр Николаевич – один из первых российских кооперативов и предпринимателей, создатель одного из первых частных банков в России – Всероссийского биржевого банка, который прославился тем, что первым стал платить по депозитам 100% годовых. Финансировал Б.Н.Ельцина во время его избирательной компании в Верховный Совет РСФСР. Организатор первых в России валютных аукционов. Впоследствии «потерял» банк, обвинялся в финансовых махинациях, вынужден был бежать в США, где несколько раз был судим, в основном за незаконное пребывание в стране. По утверждению А.Н.Конаныхина, банк у него был «уведен» организованной группой бывших сотрудников КГБ, возможно, во главе с генерал-лейтенантом Л.В.Шебаршиным, который в течение ряда лет возглавлял Первое главное управление (Внешнюю разведку) КГБ.

мгновенно, к тому же не представлял, о чем он может разговаривать с Вавиловым. И оттого был немало изумлен, когда из-за спины у него торопливо, будто только и ждал шанса, выскочил Антон Спивак с курсов.

- Есть автомобиль, «Мерседес», отвезем по высшему разряду, - с радостной готовностью зашепшил Спивак. Игорю показалось: с подобострастием даже. Это был совсем другой Спивак, не тот, что на курсах. Тот казался гордым и неприступным.

Ехать оказалось недалеко, Спивак скоро вернулся, успел к экзаменам, тридцатилетний Вавилов, пожалуй, мог бы и пешком. В то время, вопреки даме, он не был замминистра – станет только через несколько месяцев, пока же только начальник управления, правда, важнейшего, молодой эрудит из мэнээсов, совсем недавно, говорили, бегал с авоськой, даже портфеля у него не было. По-настоящему влиятельным лицом Андрей Вавилов станет несколько лет спустя. К залоговым аукционам и к президентской компании. Как же, кассир Кремля. Это он придумает столь же блистательную, сколь и скандальную комбинацию с ГКО¹³ и с дочкой Центробанка ФЕМАКО¹⁴. Ельцин будет ему премного благодарен за выборы. И отблагодарит...

Вавилов сказочно разбогател прямо на тощих чиновничьих хлебах. Но это – позже. Тогда же просто молодой человек. Талантливый экономист-кибернетик. История с красавицей Марьяной Цареградсой, которую он увел у чеченца-боевика, болезненная любовь-страсть, объяснения в любви на плакатах и билбордах¹⁵, развешенных по всей Москве, «Северная нефть», с которой начнется опала Ходорковского, все – позже. К началу двухтысячных заговорили, что лицо Андрея Вавилова, симпатичное, молодое, интеллигентное – это и есть лицо российской коррупции. Но это в конце девяностых и начале двухтысячных, пока же, казалось, ничто не предвещало.

Спивак в тот день сумел установить отношения. Хотя, очевидно, имелись у него и другие возможности... Полковник КГБ... Игорь, конечно, точно не мог знать... Спивак был профессионально обаятельный человек. В улыбочивой маске. Много лет потом они будут с Вавиловым друзьями и деловыми партнерами, а это кое-что значило в то время, когда в считанные дни надувались огромные состояния. Да, «кто был никем, тот станет всем» - что-то в этом роде происходило в России... Первичные накопления... Хотя, нельзя сказать, что Спивак к тому времени был никто. Очень даже немаленькая птица. Как там, «из тени в свет перелетая»¹⁶... Да, так вот, вовсе не бабочка, а большая, хищная птица, но еще в тени. Но, опять же – все позже. А тогда – только начиналось. Ни с чем подобным еще и подумать было невозможно...

... Спивак. Ничего еще Игорь о нем не знал. Не догадывался, что орбиты их не то, чтобы пересекутся, в какие-то моменты сблизятся. Что Светлана Кленова¹⁷... Но это, опять-таки, потом, позже... знал только, что военный, вроде бы служил в Западной группе войск. Хотя, догадывался, что не простой вояка, из внешней разведки, из Первого главного управления, от Шебаршина, тот как раз прославился в это время, служил начальником службы безопасности

¹³ ГКО – государственные краткосрочные облигации, официально: государственные краткосрочные бескупонные облигации РФ; государственные ценные бумаги, эмитентом которых выступало Министерство финансов РФ. Это были дисконтные облигации, которые погашались по номиналу, зато приобретались с дисконтом, то есть с уценкой номинальной стоимости при покупке (в основном выкупались банками). Основой экономической модели ГКО был механизм финансовой пирамиды.

¹⁴ ФЕМАКО – дочерняя оффшорная компания Центробанка, на счета которой выводились резервы РФ. История с ФЕМАКО так и не была до конца расследована. Вокруг этой компании вскоре после дефолта произошел громкий скандал, связанный, в частности, с расследованием Генеральной прокуратуры.

¹⁵ В один момент супруга покинула А.Вавилова. чтобы вернуть ее, он оплатил плакаты и билборды по всей Москве с фотографиями Марьяны и подписями: «Привет, Марьяна» и «Я тебя люблю».

¹⁶ «Из тени в свет перелетая» - первая строчка стихотворения поэта А.А.Тарковского «Бабочка в госпитальном саду» (1945). Слоган «из тени в свет перелетая» широко использовался в качестве символики как более известной фирмы-пирамиды «МММ».

¹⁷ По замыслу автора роман «Финансист» - третий роман из серии «Идеалист», включающей пять романов: «Кооператор», «Политик», «Финансист», «Риэлтор» и «Инвестком». В настоящий момент закончены только романы «Финансист» и «Инвестком». Светлана Кленова – одно из действующих лиц романа «Политик», и «Финансист», и «Риэлтор».

у Конаныхина... шпион или разведчик, как посмотреть. В Африку летал: в Анголу, в Египет, в Сирию. И еще бог знает куда – пересекался с Гайдамаком¹⁸, с палестинскими террористами, арабист был и военный переводчик... Но это через несколько лет узнал от Светланы после смерти Спивака. А при жизни не разговаривал с ней ни разу...

Игорь его приметил сразу. Красивый мужчина, лет сорока пяти, с Игорем примерно ровесник, подтянутый, аккуратный, душа компании. Цену себе знал. Со всеми приватизаторами установил дружбу. Особенно его интересовали Свердловск, Кемерово и Красноярск, конечно. Заводы, ГОКи¹⁹, «Уралмаш», «КРАЗ». Становой хребет державы. Руда, металл, нефть. Хотя, и Калуга тоже со своей спичечной фабрикой. Но это так, мелочь...

О делах, впрочем, говорили мало. Разве что приватно. Рассказывали больше анекдоты. Истории всякие. Как Виктор Коровин²⁰, тогда комсомольский вожак, напился во время посещения Ельцина – не президента еще, секретаря обкома – и мирно проспал. И про самого Ельцина, который, бывало, пил сразу из двух бутылок. Умел и любил. И как за одну ночь спасли Ипатьевский дом²¹. Про «уралмашевских» и их битву с «центровыми» и «синими», про Анатолия Быкова²² и сражение за «КРАЗ», про алюминиевые войны, которые были в самом начале – да, все еще было впереди: братья Черные²³, Сэм Кислин²⁴, «Trans Commodities», Рубены²⁵, толлинг, измайловские²⁶, Алимжан Тохтахунов²⁷ и, наконец, «Сибирский алюминий» и «РУСАЛ».

¹⁸ Гайдамак Аркадий Александрович (1952) – российско-французско-израильско-ангольский бизнесмен, гражданин Израиля, Анголы, Канады и Франции, родился в Москве (по другим данным в Бердигаве), эмигрировал из СССР в 1972 году, первоначальный капитал заработал в качестве строительного подрядчика и дельопера во Франции. Занимался торговлей оружием, в частности являлся фигурантом «Анголагейта» во Франции, где заочно осужден на шесть лет за поставки оружия в Анголу в обход международных санкций. Считается офицером Главного разведывательного управления (ГРУ) министерства обороны РФ, был посредником в списании значительной части ангольского долга РФ, причем большая часть возвращенных средств была расхищена, в значительной мере структурами Гайдамака. Подозревался в сотрудничестве с другим торговцем оружием, Виктором Бутым, отбывающим срок в США, в поставках, через посредников, оружия в некоторые арабские страны и в Латинскую Америку. Участвовал в выборах на пост мэра Иерусалима, но получил незначительное количество голосов, был спонсором ФЕОРС (Федерации Еврейских общин России), некоторое время возглавлял КЕРООР (Конгресс еврейских религиозных общин и организаций России).

¹⁹ ГОКи – горно-обогатительные комбинаты.

²⁰ Коровин Виктор Викторович (1952) – генеральный директор АО «Уральский завод тяжелого машиностроения» - «Уралмаш» в 1992-1999 годах. В 1992-1994 гг. – член Совета по промышленности и предпринимательству при правительстве РФ, председатель Совета директоров Уральского коммерческого индустриального банка.

²¹ Ипатьевский дом – дом, принадлежавший до Октябрьского переворота инженеру Ипатьеву, в подвале которого в ночь с 16 на 17 июня 1918 года были расстреляны во исполнение решения Уральского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов низложенный российский император Николай II, его супруга, четыре дочери-великие княжны, сын-наследник, а также доктор, повар, камердинер и горничная. По секретному постановлению Политбюро ЦК КПСС Ипатьевский дом спасен в ночь с 17 по 18 сентября 1977 года под руководством первого секретаря обкома Б.Н.Ельцина.

²² Быков Анатолий Петрович (1960) – согласно широко распространенному мнению, криминальный авторитет, «король» преступного мира Красноярского края, причастен к убийствам конкурирующих уголовных авторитетов, дважды судим, один из крупнейших акционеров Красноярского алюминиевого завода (КрАЗ) и с октября 1997 года вице-президентом банка «Российский кредит», в 1998-2000 гг., председатель совета директоров Краза, участник «алюминиевых войн», в течение многих лет депутат Законодательного собрания края, возглавлял «блок Анатолия Быкова», который набирал до 40% голосов красноярских избирателей.

²³ Братья Черные – Лев, Михаил и Давид – криминальные предприниматели, первоначально видные кооператоры в Узбекистане, связанные с организованной преступностью; в дальнейшем, используя «выходы» на вице-премьера РФ Олега Сосковца, в сотрудничестве сначала с американцем Сэмом (Семеном) Кислиным, а затем с братьями Рубеи из Великобритании, владевшими компанией «world metals», контролировали в течение нескольких лет большую часть производства в России цветных металлов и значительную часть черной металлургии. Использование толлинговых схем и минимизация налогов позволила Черным извлекать максимальную прибыль, в то время, когда металлургические предприятия владели жалким существованием, часто за гранью рентабельности.

²⁴ Кислин Сэм – крупный американский предприниматель, эмигрировавший из Одессы в 1970 году, владелец компании «Trans Commodities», при посредничестве братьев Черных участвовал в бизнесе с цветными металлами в России, однако через некоторое время, столкнувшись с российским криминальным миром, вынужден был отказаться от участия в российских проектах.

²⁵ Братья Рубены, Дэвид и Саймон, британские миллиардеры, владельцы трейдерской фирмы «Trans World metals», совместно с братьями Черными вели исключительно прибыльный бизнес в России, используя схему толлинга и занимаясь торговлей цветными металлами, получили контроль над рядом алюминиевых и глиноземных заводов.

Да, все больше беллетристикой занимались в перерывах, хотя – с кровью. Подспудно, незаметно – от Калининграда до Владивостока уже шла Гражданская война Игорю бы понять тогда, что на время одиночек, что тут – клан на клан, сила на силу.

Спивак в то время серьезные переговоры вел. Приценивался. Создавал агентуру. Разведчик. Клуба на Воробьевых горах²⁸ еще не существовало, однако немало было других мест. И – гэбэшное братство. Эти первыми поняли, перестроились. Спивак знал, чего хотел. Только-только родились империи Березовского, Ходорковского, Гусинского, Смоленского, Виноградова, Потанина, они готовились к приватизации, ждали своего часа... Спивак чуть припозднился, он не был ни _____ кооператором, ни создателем Центра НТТМ²⁹, он давно выбыл из комсомола. Спивак делал деньги в другом месте. Его профилем были оружие и золото партии. Он тоже готовился к приватизации. Но это лишь много позже узнал Игорь – от Светланы...

Спивак скрытно, как и положено офицеру спецслужб – скрытно и скрупулезно готовил к предстоящим схваткам свою империю, о которой мало кто знал. Его люди продолжали делать деньги в Африке и на Ближнем Востоке, контрабандой продавали оружие и имущество Западной группы войск. Армия тоже входила в рынок. «Паша-Мерседес³⁰», доклад Юрия Болдырева³¹, статья Марка Дейча в «Литературке» убийство Димы Холодова, трусливый суд – все это будет чуть позже; истории с генералом Димой Якубовским и с государственным инспектором Кобецем тоже выплыли только через год, но слухи – бродили и росли. Бесквартирные офицеры и особенно их жены не хотели молчать. Да и время – свободное, и пресса... Задним умом Игорь стал догадываться, что в этой вакханалии Антон Андреевич Спивак играл не последнюю скрипку. Но опять-таки, задним умом. Во время курсов Антон Спивак его интересовал мало, Игорь был человек самодостаточный и не слишком любопытный. Да и не мог предположить, что перед ним будущий олигарх.

Закончились курсы торжественным вечером в Доме туриста на Юго-Западе. Вручали дипломы финансовых брокеров, пили шампанское, водку и коньяк, заедая красной и черной икрой, устрицами и хамоном, импортными колбасами, сырами, бужениной, стол ломился от горячих и холодных закусок, от клубники, винограда и ананасов – бóльшая часть продуктов

²⁶ Измайловские бандиты (Измайловская ОПГ) во главе с Антоном Малевским активно участвовали в алюминиевом бизнесе совместно с братьями Черными и Олегом Дерипаской. Согласно некоторым сведениям, лидер Измайловской ОПГ Антон Малевский был официальным партнером братьев Черных и Дерипаски.

²⁷ Тохтаунов Алимжан Турсунович (Тайванчик; Алик, 1943) – российский предприниматель и криминальный авторитет, профессионально занимался карточной игрой, один из легендарных «катал», выходец из Ташкента, где учился в одной школе с Михаилом Черным, обеспечивал связи братьев Черных с криминальным миром, был совладельцем московских казино «Метрополь», «Европа», «Азия» и других. По состоянию на 2012 год состоял в розыском списке Интерпола.

²⁸ Клуб на Воробьевых горах был организован в старинном особняке с видом на Москву-реку на Воробьевых горах по инициативе одного из ближних помощников московского мэра Василия Шаховского в сентябре 1994 года. Это было место встреч виднейших представителей нарождающейся олигархии, где они могли в непринужденной обстановке обсуждать важнейшие проблемы и урегулировать постоянно возникавшие между ними конфликты, а также встречаться с ведущими чиновниками. Среди первых членов клуба были М.Ходорковский и Б.Березовский, банкиры А.Смоленский, М.Фридман и В.Потанин, а также известные в то время, но позднее потерявшие свои позиции Олег Бойко (финансист, в течение некоторого времени казначей «партии Гайдара «Выбор России», основатель компании «Олби-Дипломат» и банка «Национальный кредит») и Александр Ефанов (президент компании «Микродин»).

²⁹ Центры НТТМ (Научно-технического творчества молодежи), по существу «комсомольские кооперативы», организаторы которых получили широкие возможности для обогащения.

³⁰ Паша-Мерседес – это прозвище, данное министру обороны генералу П.С.Грачеву журналистами «Московского комсомольца», было связано с реализацией по его приказу имущества Западной группы войск в Германии и с приобретением за счет вооруженных средств двух «Мерседесов» для Министерства обороны. Прозвище надолго закрепилось в российских СМИ. Отрицательное отношение к генералу Грачеву подогревалось его общей некомпетентностью и развалом армии.

³¹ Юрий Болдырев – политик и государственный деятель, один из организаторов партии «Яблоко» (вышел из партии в 1995 году). С марта 1992 по март 1993 года возглавлял Контрольное Управление администрации президента России. К этому времени относятся доклады о коррупции в Москве (мэр Ю.М.Лужков), расследование коррупции в Краснодарском крае и ряд других дел. Освобожден от должности, вероятно, из-за попытки «московского» расследования. Один из создателей Счетной палаты РФ, заместитель председателя Счетной палаты в 1995-2001 гг.

была из валютного магазина, в обычных по-прежнему было пусто. То было, как громогласно провозгласил президент «Марки» Павел Волоцкий, торжество новоиспеченной буржуазии, вернувшейся и победившей, на сей раз навсегда.

- За новую Россию! – говорил он. – За нашу Россию!

В кулуарах рассказывали, что Волоцкий был из семьи заслуженных советских банкиров, до последнего времени занимал посты в ВЭБе³² и Центробанке Союза, а до того много лет работал в Бейруте и в Лондонском «Моснарбанке»³³, ныне же один из лидеров валютной биржи. Это был вальяжный, дорого одетый господин с усами и старорежимной бородкой, выдававшей в нем тайного гедониста и бабника, наверняка связанный с Комитетом, по слухам, правая рука Геращенко.

- «Пир во время чумы», - подумал Игорь. За спиной тут же в зале стоял новый японский телевизор с большим экраном: по телевизору транслировали заседания VI съезда Народных депутатов. Там шла борьба, мелькали то усталое, обрюзгшее, недовольное лицо Ельцина – президент пытался говорить примирительные слова и даже заискивал перед съездом, но видно было, что он едва сдерживается и клокочет от ярости, - то коварное, улыбочное лицо Хасбулатова – тот упивался своей властью над депутатами и, словно гениальный дирижер, невидимой дирижерской палочкой управлял съездом, - то расстроенное лицо Гайдара, пытавшегося убеждать депутатов в правильности проводимых реформ, то возбужденные, злые, ненавидящие лица народных избранников. Это было прежнее, ничуть не изменившееся, агрессивно-послушное большинство.

- Содом. А не съезд, - запомнил Игорь слова чиновника из Свердловска. – Не хотел бы я быть на месте правительства. Гайдар, похоже, не жилец.

- И приватизации канут, - сказал кто-то. – А мы тут...

- Нет, - засмеялся Спивак. Он сидел почти рядом с Волоцким, они, судя по всему, были давно знакомы. – Приватизацию не отменяют. Это *и х* приватизация. Красных директоров. Покричат, поторгуются и сойдутся в цене. Советская власть кончилась. Пути назад нет. Не о том спор. Просто стадо не понимает, куда его ведут. Но и пастухи тоже... Разруха в головах... Та же смута... Только мы не поведем биржевиков с российским знаменем на баррикады, как Боровой³⁴... Глупо. Смешно... Хотя, картинка, конечно, хорошая... Нет, мы пойдем иным путем. Мы возьмем эту власть изнутри...

Игорь не понял тогда слова Спивака. Скорее, не придал им значения. Он много чего не понимал. Множество нюансов. Например, чего хотят кэжэбэшники? А депутаты? Большинство. Или это одно и то же? Но и чего хотят Гайдар и Чубайс? Разногосударствления любой ценой? Но откуда вдруг возьмутся эффективные собственники? И отчего оживут убыточные заводы, если людям дадут дармовые акции? И – как, где можно будет проводить собрания, если собственников будут тысячи? Десятки тысяч? Он жил в кооперативном доме и помнил, что почти каждое собрание заканчивалось громким скандалом. А все вопросы решало вовсе не собрание, а правление. А тут? И в чем тогда смысл? И как можно разбогатеть, получив акции убыточных, неконкурентоспособных предприятий? И – одни предприятия новенькие, с иголки, а другие – развалюхи. Значит, в сам механизм приватизации заложено чудовищное неравенство. И – еще большее неравенство заключалось в том, что трудовые коллективы получали бесплатно большие части предприятий, а остальные – нет. И – что такое трудовые коллективы? Эвфемизм, за которым прятались директора? Все похоже было на гигантскую аферу.

³² ВЭБ – Внешэкономбанк.

³³

³⁴ Во время ГКЧП (19-21 августа 1991 года) две тысячи сотрудников и брокеров с РТСБ во главе с Константином Боровым демонстративно прошли через центр Москвы от здания Главпочтамта, где располагалась биржа, до осажденного Белого дома с огромным бело-сине-красным российским флагом.

А они, эти спорят о власти. Они тупо ненавидят реформаторов. Но, похоже, чего-то главного, важного, не знают ни эти, ни те. Что они вообще хотят построить? Капитализм? Но какой? Капитализм тоже бывает разный. Говорят о социальном государстве. Но когда, как его собираются строить? Или это как коммунизм, где-то там, у линии горизонта?

Еще недавно Ельцин говорил: «Потерпите полгода. Через полгода все наладится». А теперь: «Легких путей не обещали».

Откуда вообще в России специалисты по рыночной экономике, если рыночной экономики не было семьдесят пять лет? У кого учились наши реформаторы-теоретики? В журнале «Коммунист» и в газете «Правда»³⁵? На полуподпольных семинарах, проходивших под ненавязчивым патронажем органов³⁶? В социалистической Венгрии, у Яноша Корнаи³⁷? Но это как в бородатом анекдоте: «секс по-русски – это когда русские едут в Польшу и в компании им рассказывают, как ездили в Швецию и смотрели там порнофильм».

Да, он много чего не понимал. Например, что такое ГКО. В 1992-м казначейские облигации еще только собирались эмигрировать. На курсах рассказывали: новый финансовый инструмент, ценная бумага, необходимая для развития рынка и поддержки банковской системы. Очень аккуратно говорили, деликатно, но Игорь засомневался:

- Это что же, государственная пирамида? Если один выпуск гасить за счет другого, они же скоро перестанут приносить прибыль. Увеличивать размеры траншей до бесконечности невозможно. А что потом? Все обрушится? – он еще не знал слово «дефолт».

- Нет, - возразил преподаватель. – Государство не строит пирамиду. У государства достаточно ресурсов. В минфине сидят умные люди. И серьезные.

- Но в чем смысл? В чем смысл брать деньги в кредит, да еще под высокий процент, и тут же отдавать? Деньги ведь короткие?

- Есть большой государственный смысл. Развитие фондового рынка, - преподаватель из Финакадемии говорил так уверенно и серьезно, что Игорю неудобно было продолжать сомневаться. Мало того, он стал думать: «А вдруг я действительно что-то не понимаю? Вдруг и вправду есть большой государственный смысл?» Лишь много позже он сообразил, что это что-то вроде гипноза. Люди смотрят телевизор или слушают политиков – те говорят неправильные вещи, сомнительные, но так уверенно и бойко, безапелляционно, что зрители начинают сомневаться: «Может, это я не прав? Мы? А они правы? И это уже гипноз. Первая стадия усыпления разума. С этого и начинается внушение, что перестанете верить в себя. И он, Игорь, оказался подвержен внушению...

Впрочем, он не до конца уверовал. Он по-прежнему сомневался. Скорее, на время забыл о ГКО государственные казначейские облигации еще не существовали в природе, лишь в головах и в замыслах минфиновских чиновников и банкиров, сам Игорь в тот момент занят был другим: чертановской квартирой и операцией «Золотой дождь» - план к тому времени созрел, почти все было готово, около пяти месяцев прошло после курсов, когда Игорь встретил профессора Клейна. Тот, как всегда по вечерам, в глубокой задумчивости прогуливался по Тверскому бульвару.

Борис Маркович Клейн, как и многие другие знакомые Игоря, был из иной жизни, перестроечной. Из того недолгого времени, когда Игорь ринулся в политику. Он уже не помнил

³⁵ «Отец» российских реформ Е.Т.Гайдар в 1987-1990 гг. заведовал отделом экономической политики в журнале «Коммунист», а в 1990 году – отделом экономики органа ЦК КПСС газеты «Правда».

³⁶ Семинары экономистов, где рассматривались проблемы перехода от плановой экономики к рыночной, в 80-е годы XX века неофициально проходили в Ленинграде. Главным организатором этих семинаров выступал А.Б.Чубайс. в некоторых из них принимали участие и московские экономисты, близкие к Е.Гайдару.

³⁷ Корнаи Янош – видный венгерский, впоследствии американский экономист, основатель более либеральной, чем в СССР, венгерской экономической школы, сторонник реформирования плановой экономики, автор всемирно известных экономических трудов «Антиравновесие» (1971) и «Экономика дефицита» (в русском переводе «Дефицит», 1980).

точно, кто его с Клейном познакомил: то ли Виктор Сагдеев, сын знаменитого академика, женившегося на внучке президента Эйзенхауэра и переехавшего в США, то ли Александр Гуревич из «Московской трибуны»³⁸. Впрочем, это неважно было теперь.

Профессор Клейн был известный историк, специалист по народничеству, в советское время популярный в узких академических кругах. Его ценили за блестящую эрудицию, за редкие для советских историков познания в экономике, философии и литературе, но одновременно Борис Маркович имел репутацию не то, чтобы диссидента, но – не вполне нашего человека, оппортуниста, либерала и задника, чему немало способствовала и фамилия профессора. Оттого профессора ортодокса и антисемита, а таких немало было среди историков, кидали немало черных шаров его диссидентам, да и самого Клейна не слишком привечали в издательствах, в Академии, где он работал в Институте истории рабочего движения и особенно в Отделе науки ЦК. Из-за репутации изгоя, пусть и неполного, в диссертанты к Клейну, несмотря на его эрудицию, обычно шли неохотно, но зато люди с принципами, кто и сам умел быть несогласным и готов был отстаивать собственное мнение. Словом, вокруг профессора группировалась хотя и дозволенная и системная, но все-таки какая-никакая оппозиция, противостоявшая ортодоксам. Сам же Клейн в советское время считался ученым-отшельником, книжником, даже странным человеком, но – порядочным и эрудитом, автором фундаментальных исследований о Герцене, Чернышевском, о чернопередельцах и, особенно, о русском утопическом социализме. Однако, несмотря на имя, за границу дальше Болгарии и Польши профессора Клейна не пускали, но тут, то ли из-за чрезмерной, как говорили в академических кругах, неортодоксальности, то ли из-за еврейской фамилии. Соответственно, и путь в член-коры был ему наглухо закрыт.

Громко «выстрелил» и приобрел широкую известность Клейн уже перестройку, когда опубликовал неожиданно сразу два обширных и глубоких исследования – на сей раз не о народниках, зато образовавших новый тренд. Россия мучительно искала выход из тупика, стране нужны были новые герои, настало время переоценивать прошлое – работа о графе Витте и о Петре Столыпине произвели фурор. С этими трудами Борис Маркович и стал знаменит, но опять-таки в относительно узком кругу московской и ленинградской гуманитарной интеллигенции.

Хотя на сей раз искания Клейна совпали с трендом, профессор остался верен себе: в отличие от большинства исследователей, развернувшихся ровно на сто восемьдесят градусов, от огульного осуждения до неумеренного и некритического восхваления, он препарировал русский капитализм и своих героев во всех их глубинных противоречиях. Как говорил сам: «пытался препарировать историю, пропустив ее через сито последующего трагического опыта». И – не только препарировал и размышлял, но и учился сам и искал выход, пытался перекинуть мостки в совсем другую эпоху. Тогда, по-видимому, он и стал окончательно социал-либералом и апологетом «нравственного выбора в истории», недаром числился в единомышленниках и сподвижниках Григория Померанца³⁹. Правда, долго вынужден был скрывать истинные свои воззрения, ведь начал писать он труды о Столыпине и Витте еще за

³⁸ «Московская трибуна» - общественная организация (дискуссионный клуб), созданная в 1988 году на базе Дома ученых, где обсуждались важнейшие проблемы перестройки. Основателями «Московской трибуны» были Ю.Афанасьев, А.Сахаров, Л.Бабкин, В.Библер, Ю.Буртин, Ю.Карякин, Л.Карпинский, А.Адамович, М.Гефтер, А.Мигдал и другие видные представители интеллигенции, в основном московской.

³⁹ Померанц Григорий Соломонович (1918-2013) – российский философ, культуролог, писатель, диссидент (в советское время), эссеист, участник Великой Отечественной войны. В 1945 году «за антисоветские разговоры» исключен из партии, в 1949-1953 гг. находился в лагере по обвинению в антисоветской деятельности. Был известен в кругах гуманитарной интеллигенции и диссидентов рядом своих работ, в первую очередь своим антисталинистским докладом «Нравственный облик исторической личности», который прочел в Институте философии в 1965 году, а также многолетней заочной полемикой с А.Солженицыным, в которой отстаивал ценности либерализма и духовной автономии личности и выступал против того, что он называл «почвенническим утопизмом» и национализмом писателя. В последние годы жизни вместе со своей женой Зинаидой Миркиной вел собственный религиозно-философский семинар в Москве.

несколько лет до перестройки, в стол, а может собирался издавать свои произведения за границей, но справедливо опасался и ждал, власть-то загнивала стремительно, не только Амелерик предугадывал⁴⁰. И только в перестройку раскрылся – выступил одним из организаторов «Московской трибуны», а позже входил в «Дем.Россию», но скоро покинул из-за аппаратного переворота и несогласия с большинством. Но это – через год примерно события мелькали тогда, как картинки в калейдоскопе. Вот тогда Игоря ему и представили. Игорь как раз ушел из Демпартии, а разочарованный в лидерах демдвижения Клейн с несколькими энтузиастами собирался организовывать новую партию, исключительно из интеллектуалов, которая бы сочетала высокие моральные устои с идеалами социальной справедливости и рынка. Словом, профессор Клейн в жизни оказался утопистом, из тех, кого нещадно критиковал в своих прежних работах, он верил в «улучшенную шведскую модель» и до поры не замечал, что происходит в России. Правда, прозрел он довольно скоро и тотчас отказался от партстроительства: настоящих сподвижников не нашел, с интеллектуалами было туго, зато тут же набежало множество всякой, как тогда говорили, демшизы.

Году в девяностом, в самый разгар партстроительства, Игорь побывал у профессора Клейна дома. Обстановка у профессора была вполне совковая – старый шкаф, вытертый диван, стандартные книжные полки, зато библиотека... Сплошная ИМКА – пресс, тома Солженицына, Сахарова, Амалерика, Восленского, Авторханова, Зиновьева... Даже Синявский с Даниэлем и отпечатанный на Западе «Доктор Живаго». У нас этот роман к тому времени издали, но у Клейна – шестидесятых годов, с закладками, с комментариями на отдельных листах. И множество историков, запретных и западных, на английском, французском, немецком... Опять же, издательство «Посев», журнал «Континент», русские философы начала века, знаменитые «Вехи» и «Смена вех», евразийцы, славянофилы, западники, Плеханов, Серно-Соловьевич⁴¹, Михайловский⁴², Лавров⁴³, десятки монографий по народничеству, по эсерам, воспоминания лидеров белого движения, собственные его книги, самиздатовские лекции по истории и – Маркс, Энгельс, Ленин, Бухарин, Троцкий. Профессор вовсе не отвергал классиков, хотя и считал Октябрь семнадцатого величайшей, трагической и преступно й ошибкой.

- То, что произошло, безвозвратно, - говорил он в тот раз. – Россия оказалась в тупике. У истории нет обратной дороги. Помните, у Достоевского: «тысячу лет понадобилось России, чтобы вырастить свою лучшую тысячу». Тысяча лет потребовалась, а разбазарили за один день... Философские пароходы, геноцид интеллигенции, дворянства, крестьянства... Разрыв – народа, его души, его историю... Разрыв между прошлым и будущим... Братоубийство, репрессии не могло не подорвать нравственное состояние нации... Семьдесят лет страха и лжи... После Ивана Грозного с _____ - смута. После октябрьского переворота – смута. И сейчас опять – не выздоровление, но – новая смута.

Повторяющиеся циклы, все более короткие... Выздоровление не будет ни скорым, ни легким... Дело не только в макроэкономике, в отношениях собственности, в конкурентоспособности, в технологиях... Дело, прежде всего, в людях.

⁴⁰ Амалерик Андрей Алексеевич (1938-1980) – советский диссидент, писатель, публицист, историк. В 1969 году выпустил в самиздате книгу-эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», в которой предсказывал скорый и неизбежный распад СССР.

⁴¹ Серно-Соловьевич Николай Александрович (1834-1866) – русский революционер и публицист, член ЦК народнической организации «Земля и воля», философ-материалист, автор брошюры «Окончательное решение крестьянского вопроса», брат народника Александра Серно-Соловьевича.

⁴² Михайловский Николай Константинович (1842-1904) – публицист и критик, один из главных теоретиков русского народничества, участник «Народной воли», в течение нескольких лет, вплоть до закрытия в 1884 году, руководитель журнала «Отечественные записки», редактор журнала «Русское богатство» (1890-1904), в котором активно пропагандировал свои взгляды.

⁴³ Лавров Петр Лаврович (1823-1900) – русский философ, социолог, публицист и революционер, член первой «Земли и воли», но и Первого интернационала, редактором народнического журнала «Вперед» и одноименной газеты, автор «Исторических писем».

Homo soveticus – это особый тип, семьдесят лет его выводили сталинские садоводы, потребуются десятилетия, чтобы создать человека цивилизованного, нового, иного. Человек – самое консервативное звено перестройки... Нельзя лечь спать коммунистом, а назавтра проснуться демократом...

Либерализм, - продолжал Клейн, - очень разумное течение. Но для других стран, западных. Хотя и там он мало где существует в чистом виде, без сильного социального государства. У нас же, при нашем нетерпеливстве, при всеобщей вере в государство, при многолетней зависимости от него во всем, либерализм должен сочетаться сильной социальной политикой. Нам нужен не либерализм, но социал-либерализм, конвергентный строй, который сочетал бы достоинства двух систем: рынок и социальное государство. В прежней советской системе тоже были не одни недостатки, но в конце она отстала безнадежно, оказалась нереформируемой, настоящее социальное государство возникло не у нас, а в Швеции и Германии. А значит, нужно создавать сильную социал-либеральную партию. Должны мы, интеллектуалы, когда большинство извлеклось антикоммунизмом и вместе с лоханью грязной воды хочет выплеснуть и ребенка. Мы обязаны помнить, анализировать историю...

Партия наша не возьмет власть, интеллектуалы всегда в меньшинстве но нужно использовать весь моральный авторитет. Власть вынуждена будет прислуживаться к нам. Мы должны противостоять охранителям, сталинистам, но и либеральному фундаментализму и популизму – тоже.

Свобода и справедливость в одном флаконе. Они двуедины, неразрывны. Вот наше кредо.

Очень убедительно говорил профессор, очень правильные слова, и мысли тоже, но что-то интеллигентское, беспомощное было в нем – не организатор. Ума и знаний высоколбым было не занимать. Но... как-то очень скоро они оказались в стороне, не у дел, как и вчерашние диссиденты, которые боролись с режимом.

Клейн, Баткин⁴⁴, Гефтер⁴⁵, Юрий Афанасьев⁴⁶, Николай Шмелев⁴⁷...

Едва закончилась перестройка с ее бесконечными дискуссиями, рулить стали другие, прагматики. Практики без предварительной практики. Теоретики-экономисты. Эти другие знали, что Союз обречен и отказались от него без сожаления. После Беловежской пуши наступили другие времена...

... В этот раз на Тверском бульваре Клейн продолжил разговор-монолог, словно тот происходил не два года назад, но только вчера.

- Все подтверждается, - со страстной убежденностью говорил профессор – все, что я говорил, хотя больше всего на свете я бы хотел ошибиться. Но, увы...

Безнравственная власть не может проводить успешные реформы. Не может. Их не люди интересуют. Математические формулы. Человек для них никто. Полная абстракция. Но это же нонсенс!

⁴⁴ Баткин Леонид Михайлович (1932) – известный российский историк, литературовед, культуролог, общественный деятель, участник самиздатского альманаха «Метрополь», один из организаторов и активных участников «Московской трибуны».

⁴⁵ Гефтер Михаил Яковлевич (1918-1995) – видный советский историк и философ, диссидент с 1970 года, один из основателей и авторов самиздатского журнала «Поиски» (1977-1981), один из организаторов и активных участников «Московской трибуны».

⁴⁶ Афанасьев Юрий Николаевич (1934-2015) – видный советский и российский историк и политик, ректор Московского государственного историко-архивного института (1986-1991), с 1991 по 2003 год – Российского государственного гуманитарного университета, президент РГГУ в 2003-2006 гг., один из сопредседателей Межрегиональной Депутатской группы, один из создателей и сопредседателей Движения «Демократическая Россия», активный участник «Московской трибуны».

⁴⁷ Шмелев Николай Петрович (1936-2014) – известный советский экономист, профессор (1977), член-корреспондент РАН (1994), академик РАН (2000), писатель и общественный деятель, директор Института Европы РАН (1999-2014). Придерживался либеральных взглядов, однако негативно относился к приватизации, критиковал А.Б.Чубайса с Е.Т.Гайдара. по утверждению Н.П.Шмелева именно его идеи лежали в основе программы «500 дней», авторами которой стали С.Шаталин и Г.Явлинский.

Союз был обречен. Горбачев со своими неловкими реформами только ускорил распад. Но... не он виноват... История... А эти... Чтобы так по-воровски... Чтобы первый звонок американскому президенту... Трагический момент истории, а он – пьян! Ни капли вкуса, этического чувства... И все ради того, чтобы выбить кресло из-под Горбачева. И как они все засуетились, эти новоявленные президенты. Создали СНГ, но это почти та же Новоогаревская конфедерация⁴⁸, к которой неизбежно должны были придти.

А дурновкусие какое. Я могу понять Гамсахурдиа и Ландсбергиса. Им сам Бог велел рвать оковы. Но понять Ельцина и его команду я не могу. Знаете, политику тоже нужно делать красиво, прилично.. Но еще меньше Ельцина я могу понять депутатов... Стадо... Тьма беспросветная... Вот это и есть изнанка демократии... Люди без убеждений, но с комплексами...

А приватизация! Только началась, но уже видно: величайшая афера. Какую только знало человечество! Наши реформаторы - Монци⁴⁹ в квадрате. Под видом реформ замыслили разграбление государства: циничное, грубое, наглое. Да если бы только государства – народа! Пятьдесят один процент обещают трудовым коллективам. Но ведь это эвфемизм: «трудовые коллективы». Из старого советского лексикона. Нет такого юридического лица. Это – директора! Второй акт перераспределения собственности. А первый – грабеж в семнадцатом году! Тот же большевизм, только наоборот. А что потом? Нелегитимный капитализм, многолетнее перераспределение, рейдерство, бандитизм? Безнравственность верхов порождает цепную реакцию – надолго. И где тут эффективные собственники?

Я разговаривал с очень серьезными экономистами, либеральными. Ничего хорошего они не обещают. Воровство началось небывалое. Разграбление страны. Бандитизм и сверху, и снизу. Величайший нравственный упадок. Рыба гниет с головы! И эти люди еще называют себя либералами! Действительно, всезнайки в розовых штанишках⁵⁰. С реформами очень опоздали, но это не повод для деиндустриализации.

А ГКО, еще один замысел. Вы слышали про ГКО?

- Да, - подтвердил Игорь. – Слышал.- Еще одна афера. Государственная пирамида. У банкиров горят глаза. Ждут...

У меня зять банкир. Финансист. Циник. Говорит: «Надо успеть. Пирамида продержится лет пять. Такой шанс дается раз в тысячу лет».

- ГКО – это новый инструмент для развития финансового рынка, - попытался возразить Игорь.

- Инструмент? – возмутился профессор. – Да, конечно, инструмент, но... Афера... Вот увидите. Все рухнет. Не может не рухнуть.

Они не думают о завтрашнем дне. Безответственность полнейшая... В результате такой приватизации в России появятся несколько сотен Ротшильдов и десятки миллионов бедных...

Они решили – правительство, президент и депутаты – раздавать страну по дешевке, практически бесплатно, а в этом и есть смысл приватизации, и брать при этом дорогие кредиты. Создается баснословная среда для коррупции...

Правительство и депутаты ненавидят друг друга, но они в одной лодке, в разграблении страны они едины...

Просто безумная мистерия. Гайдар, Чубайс – большевики от капитализма. От дикого, жесткого, устаревшего капитализма, о котором писал Маркс. Уроки XX века не для них. Они считают себя либералами и мыслителями, но приведут дело к диктатуре.

⁴⁸ В апреле 1991 года из-за назревшего кризиса в отношениях между союзными республиками начат был так называемый Новоогаревский процесс – переговоры между республиками (всего участвовало девять республик) и союзным центром о подписании нового союзного договора. Фактически речь шла о создании конфедерации.

⁴⁹ Монци – один из известнейших мошенников в США, создатель денежной пирамиды.

⁵⁰ Выражение «мальчики в розовых штанишках» принадлежало вице-президенту РФ А.В.Рущкому (из выступления в Барнауле в декабре 1991 года).

Посмотрите: «МЕНАТЕП»⁵¹, «НИПЕК»⁵² - при ничтожном уставном капитале они объявили огромную эмиссию. Но ведь это афера, деньги из воздуха. И люди несут им деньги. Это чисто русская вера в чудеса. Так и создаются состояния. А сверху никто ни слова. В Америке, в Европе такое невозможно, там – законы, ограничения, они прошли эту школу, а у нас – дикое поле...

Наша власть и наши нувориши надолго скомпрометируют все: частную собственность, рынок, демократию, либерализм, даже свободу. Они, сами того не ведая, готовят реванш...

Это был очень важный разговор. Едва ли Игорь был согласен со всем, что говорил профессор Клейн. Но и спорить с ним не хотелось. Картина расплывалась... Истина раздваивалась...

Поток событий был так плотен и противоречив, все было так запутано, так и складывалось в одну, общую для всех правду, истину так долго приходилось искать наощупь, правда и ложь были так переплетены, что Игорь так до конца и не понял это время. То есть общая картина со временем стала ему ясна, но вот детали... Он стал догадываться, что реформы проводились не так, что многое нужно было делать иначе. Но – как? Могло ли получиться лучше, по-другому? И – кто был виноват?

Или – Россия была обречена и все было предопределено ее предшествующей историей? Когда поезд сошел с рельсов: в семнадцатом году или много раз – и до, и после семнадцатого – имелось немалое число развилок?

Была ли вообще революция девяносто первого года? А если не революция, то – что?

Много раз потом Игорю хотелось переговорить с профессором Клейном. Но в первое время ему было некогда, не до того, а когда жизнь слегка успокоилась, профессор уже уехал из России.

В девяносто восьмом, когда рухнула пирамида ГКО, похоронив под собой крупнейшие банки – Игорь тоже потерял несколько тысяч долларов; долгие годы он избегал играть в ГКО, но в самом конце не удержался – он снова вспомнил профессора Клейна: тот оказался пророком.

Заочная встреча с Борисом Марковичем все-таки состоялась. Года через два после дефолта накануне нового тысячелетия Игорь как-то увидел на книжных развалах толстую книгу профессора Клейна, написанную тем в Израиле: «От перестройки до дефолта. Взгляд либерального историка».

К тому времени Игорь почти перестал читать – не до чтения было, все силы отнимала работа, нужно было зарабатывать деньги, он душевно устал, да и – жизнь интереснее стала книг, реальность, с бесконечными скандалами, детективными историями и заказными убийствами, во многом превосходила литературу; не он один – духовная жизнь выродилась, ее все больше заменял телевизор: миллионы людей больше не ходили в театры и не читали книги, разве что Тополя и Маринину, - но Клейна Игорь по старой памяти все-таки прочел. Профессор доказывал, что все происшедшее закономерно. Что революция в России и не могла победить; мало того, происшедшее вовсе и не было революцией. И что наивно думать, будто революция может решить задачи, которые решаются эволюцией. Более того, Клейн утверждал, что распад скрепленной кровью империи был исторически неизбежен, сколько бы этому ни противилось имперское сознание. И что неудача реформ – расплата за многолетнюю изоляцию, за «особый путь», за так и не изжитый сталинизм, результат постепенного, но глубокого вырождения общества, отсутствия гражданских институтов, рукотворной генетической и моральной

⁵¹ МЕНАТЕП – в начале 1988 году на базе ранее существовавшего Межотраслевого Центра научно-технических программ, работавшего как кооператив и использовавшего все преимущества Центра НТТМ, был создан один из самых первых в стране кооперативных банков «МЕНАТЕП» («Межотраслевые научно-технические программы»), который уже в 1990 году был преобразован в акционерное общество. Чрезвычайно быстрый рост банка, по мнению многих экспертов, происходил благодаря использованию «партийных денег» и тесных связей с советским, а затем и российским руководством.

катастрофы, и что катастрофа эта началась давно – еще с крепостного права – и развивалась постепенно, но до времени носила скрытые формы. И что в итоге российское демдвижение оказалось слабым, разрозненным и неоднородным, а иначе и быть не могло, общество – апатичным, реформы – несправедливыми и эклектичными, реформаторы – циничными и близорукими, старое имперское ядро устояло, советские мифы оказались живучи, новая элита – воровской и беспринципной, а потому откат и контрреформация неизбежны. Словом, взгляд профессора был крайне мрачен.

По счастью, книга профессора Клейна прошла незамеченной, ибо что толку от огульного, хотя и здравого пессимизма, разве что в какой-то «патриотической» газетенке, то ли в «Молнии», то ли в «Будущем» его обозвали «сионистским русофобом» - в то время мало кто читал, тем более серьезные книги, внимание публики занято было назревавшей новой чеченской войной, ваххабитами и отчаянными поисками преемника; так вышло, что книга профессора Клейна ушла в песок, ее не заметили или замолчали. Никто не хотел столь глубокого анализа, стране, похоже, было все равно, она устала, как устает, бывает, человек, наступила мертвая апатия. Изголодавшаяся интеллигенция молчала, да и – мало стало интеллигенции, прослойка растворилась в реформы...

И сам Игорь – книга произвела на его двойственное впечатление. С одной стороны, Клейн говорил правду, все было именно так. Но, с другой, до последнего он стоял за реформаторов. Выбора не было. Другие были еще хуже...

Но это все – потом, накануне новой инаугурации. Пока же шел год 1992-й. Новая Россия только начиналась.

Глава 2

Кооператив давно почти не приносил прибыль. Пациентов с каждой неделей становилось меньше, потоки из Закавказья оборвались – там бушевали войны. Игорь давно задумывался, что делать дальше. Но ничего стоящего не приходило на ум.

Так и в тот день. Игорь мрачно ждал в кабинете – год назад он решился обшить комнату деревянными панелями и купить новый стол и вращающееся кресло, это была единственная роскошь, которую он мог себе позволить – теперь он размышлял, как заработать деньги. Деньги нужны были отчаянно. Маленькому сыну было уже несколько месяцев, но Ася с Артуриком жили на частной квартире.

Игорь с Асей знакомы были уже несколько лет. Их роман, поначалу платонический, то вспыхивал, то затихал – Ася жила далеко, в Баку, - но в девяностом она чудом спаслась от армянских погромов и с тех пор находилась в Москве.

У Игоря при кооперативе имелась маленькая гостиница – кооператив внимал для приезжих пациентов несколько частных квартир. Там и жила Ася с матерью. Там и разгоралась их любовь. Словом, теперь Игорю необходимо было купить квартиру: все в нем противилось тому, что его ребенок будет без жилья.

Итак, он сидел и размышлял, все казалось безысходно – жизнь вокруг рушилась, не видно было никаких перспектив, - когда вдруг зазвонил телефон. Так вовремя зазвонил, что Игорь потом был всегда уверен, что в жизни каждому дельному человеку хотя бы раз дается шанс, только нужно суметь им воспользоваться.

- У вас медицинский кооператив? Вы не сможете мне помочь? – несмело спросил голос. Очень выгодное дело...

- А профит будет? Мне очень нужны деньги, - прямо оговорка по Фрейду.

- Деньги будут, - заверил голос. – Очень выгодное дело. Нужно только съездить в Купавну.

- В Купавну, так в Купавну, - тотчас согласился Игорь, словно в Купавне раздавали деньги. – Хоть на край света. – В Купавну он ездил когда-то давно, еще в аспирантуре, покупать

метиленхлорид для своей диссертации и потом хранил огромную бутылку почти целый месяц на балконе на Соколе у Галиной тётки – в другой ещё жизни. А несколько лет спустя, ездить устраиваться в институт на работу, но в тот раз ему, к счастью, повезло и вместо Купавны он устроился в Москве. Он и сейчас ещё с содроганием представлял, что было бы, если бы пришлось работать в Купавне. Вся жизнь в автобусах...

- Можно, я приду к вам завтра? – деловито спросил незнакомец.

- Конечно. Я буду ждать.

Так Игорь Полтавский познакомился с Васей. Вася оказался спортсменом, даже, кажется, мастером спорта, бегуном из какой-то рязанской деревни. Он собирался стать чемпионом мира и выиграть олимпиаду, но – потом. – «Самый хороший возраст для бегунов на средние дистанции двадцать шесть лет, – объяснил Вася, – у меня ещё несколько лет в запасе. Я хочу сначала заработать деньги. Купить машину и квартиру, знаете, лучше всего в доме, где живут артисты.

- Ты с ними знаком? – полюбопытствовал Игорь.

- С артистами? Пока нет. Но обязательно познакомлюсь. У меня друг живет в одном доме с Джигарханяном. А я – на гитаре играю, и петь умею... немного.

Зато у меня все каналы готовы. У меня друг хороший на Западной Украине, и на той стороне, в Венгрии, тоже есть ребята, спортсмены. Валюту обещают. Они в Австрию ездят. Только нужен метандростенолон. Это такой анаболик для мышц. Все спортсмены им пользуются.

- Это не опасно? – спросил на всякий случай Игорь.

- Нет, не опасно, – заверил Вася. – Спортсменам, конечно, официально запрещают, но, сами знаете, чтобы получить результат... У меня тренер не одного чемпиона воспитал. Без этого, говорит, нельзя. У нас целые лаборатории работают. Думаете, олимпиаду мы просто так выиграли? А сейчас – качки, не одни спортсмены...

Игорь вспомнил. На курсе института он видел, как метандростенолон давали детям в туберкулезном санатории, куда студентов зачем-то посылали на практику и где они играли с ребятами в волейбол. А в инфарктном отделении использовали ретаболил. Тот даже сильнее метандростенолона, только в инъекциях. Кажется, вреден для печени и для потенции.

- Метандростенолон не очень полезен для здоровья, – ляпнул Игорь.

- А, ничего, – весело сказал Вася, – мы, спортсмены, люди крепкие.

- Нужно оформить через кооператив? – догадался Игорь.

- Само собой, – подтвердил Вася. – Метандростенолон делают на «Акрихине», это в Купавне. Я узнавал. Только у меня там нет знакомых. Вам, скорее всего, продадут. Вы представитель кооператива и вид у вас очень солидный. Если получится и мы подружимся, я вам ещё кое-что подскажу, как заработать деньги.

- Да? – заинтересовался Игорь. – Сейчас много чего везут за границу, – стал перечислять Вася, – наркотики, например. Я знаю человека...

- Наркотики – нет, – решительно сказал Игорь. – Наркотики слишком опасно.

- Ещё тяжелые металлы. Или изотопы. Везде сейчас открыли склады, – продолжал Вася. – Или карбамид. Я знаю ребят на таможне.

- Нет, давай вернемся к метандростенолону. Об остальном потом.

- Вы прямо завтра поезжайте, – засуетился Вася. – У вас наверное получится.

- Как, придти прямо с улицы и сказать: «Мне нужен метандростенолон»? У них же все по плану, все расписано.

- Я дам вам валюту. Немецкие марки, – предложил Вася. – Смотрите, какие красивые.

- Хорошо. Я попробую, – неуверенно согласился Игорь.

Ни в тот день, ни на следующий, пока он в автобусе ехал в Купавну, Игорь так и не придумал, с чего начать разговор. В советское время это выглядело бы фантастикой, все строго шло по разнарядке, но и сейчас...

Войдя в проходную, Игорь спросил, как можно попасть к коммерческому директору.

- А вот они. Как раз коммерческий и зав. торговым отделом, - указал на группу мужчин охранник. Игорь кинулся к ним.

- Я к вам. Мне нужен метандростенолон. У меня валюта.

Слово «валюта» произвело на них магическое воздействие. Они остановились и жадно, с вожделением уставились на Игоря.

- Григорий Александрович, поговорите, - коммерческий нехотя передал Игоря заведующему отделом.

Через двадцать минут все было решено. Игорь мог оплатить платежку и приезжать в любой день, нужно было только оформить заказ в бухгалтерии, подарить там женщинам колготки и конфеты и занести двести марок Григорию Александровичу Левченко, зав. Торговым отделом. Так заработал этот конвейер. Вася приезжал к Игорю домой, переупаковывал товар в огромные сумки, отвозил с братом на Киевский вокзал и переправлял в Мукачево. Нередко по дороге приходилось подкармливать милицию, но ни Вася, ни Игорь не были в накладе. Из Мукачево Вася привозил немецкие марки и все повторялось. Дело быстро росло. Вася оказался человеком предприимчивым. Вскоре он разведal, что объявления о продаже метандростенолона можно давать в «Из рук в руки» - газета объявлений только недавно начала издаваться – и обзавелся кучей новых покупателей.

Все было хорошо и Игорь был доволен, пока не появились на горизонте студенты-миллионеры. Игорь так и не узнал, где Вася их нашел. Студенты эти занимались фарцовкой, обналичкой и валютными спекуляциями – вот их Вася и решил подключить к торговле метандростенолоном. В самом начале, еще не подозревая, что они конкуренты, Игорь побывал у этих студентов в общежитии, благо жили они рядом с кооперативом – на Студенческой улице. Комната оказалась как комната, с железными кроватями и ободраным столом, довольно грязная, и студенты как студенты, обыкновенные простые ребята, не скажешь, что будущие светила науки, только пили импортный виски и пиво, ели валютную колбасу и оливки, а в углу комнаты стояли коробки с компьютерами, часами из Гонконга и лежали огромные пакеты с джинсами «Levi's», да, пока Игорь с ними разговаривал, заходили другие ребята купить доллары.

Поговорив с ними, Игорь понял, то его монополии приходит конец: у студентов оказалась своя фирма и клуб для качков. Он продал им две тысячи упаковок метандростенолона – в первый и единственный раз, - а вскоре узнал, что студенты приезжали к Григорию Александровичу. Тот, естественно, не мог им отказать: коммерция превыше всего. Левченко с улыбкой поделился: откат со студентов он взял большой.

- Учимся рынку, - прокомментировал он. – Они молодые и прыткие, еще успеют заработать. Не то, что мы...

Игорю стало ясно, что не без задней мысли рассказал ему это Левченко.

А потом и сам Вася появился на «Акрихине». Но еще до того он основательно подвел Игоря. Игорь авансом получил партию товара, нужно было срочно рассчитываться, но денег не было. Вася, между тем, объявился только через неделю, но вместо марок из Мукачево привез мешок рублей, и каких... Мешок был заполнен огромными заклеенными пачками с сургучными печатями, исключительно рублями и трешками, предполагалось, что в каждой пачке сто штук – пересчитать было невозможно – и даже мелочью в банках. Откуда были эти деньги, сколько они пролежали на складе и как попали к Васе, можно было только воображать.

- Кризис, - сказал Вася, - Хорошо хоть такие.

- А метандростенолон пошел за марки?

Вася ничего не ответил. Только пожал плечами. В тот раз Игорю пришлось разменять свои кровные. Он отправился в фирму на Новокузнецкой, которую присмотрел заранее – эти коммерсанты были мастера на все руки: отправляли челноков через райком комсомола в Польшу и Китай, занимались строительством и ремонтом, делали поддельные печати, прода-

вали компьютеры, так что Игорь справедливо заподозрил, что деньги у них есть и от марок они не откажутся.

Вот тогда и заработала эта схема, которой Игорь очень гордился, «вечный двигатель с высокой оптимизацией»: купив партию метандростенорлона на «Акрихине», Игорь продавал ее за доллары или марки, часть валюты оставалась у него, другую же часть он обменивал у коммерсантов на безналичные рубли, за что те доплачивали двадцать пять процентов, которые перечисляли кооперативу, безналичные рубли снова шли на «Акрихин» и Игорь получал новую партию. Правда, по бумагам, Игорь будто бы продавал коммерсантам стройматериалы, а закупал их у физических лиц.

К тому времени Игорь пошел по следам Васи: стал давать объявления в «Из рук в руки» и у него появилась своя клиентура. Приезжали из Смоленска, Воронежа, Курска, Санкт-Петербурга⁵³ - по всей стране открывались качалки, куда ходили рэкетиры; качалки эти стали чем-то вроде клубов для криминала, где модно стало принимать анаболики.

Сам «Акрихин», между тем, бедствовал, так что вскоре Игорю в нагрузку продали несколько больших коробок капотена, которые он тут же договорился продать в аптеку. Он поймал «Жигули» и по дороге разговорился с водителем – тот, увидев коробки с медикаментами, за несколько кварталов успел расспросить Игоря. Узнав про метандростенолон, он радостно свистнул:

- А мы ведь давно ищем подходы к «Акрихину». Тут, как говорится, на ловца и зверь бежит, - разговорчивый Виктор был вне себя от восторга. Через несколько дней он привел к Игорю своего приятеля Вадима из Таллина. Тот стал возить препарат в Эстонию. Скорее всего, у Вадима были и другие дела, потому что вскоре он заговорил о тяжелых металлах. Но Игорь не был с ними близок, он мало интересовался делами случайных знакомых контрабандистов, лишь один раз восторженный Виктор сильно разоткровенничался.

- Вот время, кайф, - с восторгом рассказывал он. – Люди голодают, ноют, а мы... Граница – решето, пограницы продаются пачками... Как увидят доллары, все... Оргазм... Все стало можно достать: металлы, изотопы, золото – все воруют, все за полцены. Или за четверть. Деньги. Хоть миллионы гребь... Сигареты вагонами... Не то, что в советское время скучно крутил баранку. На севера ездил.

Слушай, - с прежним восторгом, даже глаза закатил, продолжал Виктор, - жалко, тебя с нами не было. Только мы с Вадимом и еще один лоб. С севера приехал. Около гостиницы «Россия» познакомились с девочками. Лет по двадцать, не поверишь... Ой, девки... ноги до ушей... Буфера... Ой, буфера, не могу... Ой что устроили. На целые сутки залегли. И все вместе, и по одной... Ой... - Виктор долго чмокал языком, - ой, что делали, сучки... Первый раз в жизни... сколько денег им отдали... Не жалко... Еле живые остались. Сутки потом отлеживались...

... Да, время... Вася на два-три месяца исчез. Потом приехал похвастаться новой машиной. В страну во всю уже хлынули подержанные иномарки – бизнес был полубандитский, под бандитскими крышами, то и дело сообщали о перестрелках и грабежах на дорогах, - но Вася купил новенький «Москвич». Не просто похвастаться, привез в Москву свою всю в конопущечках и в коротеньком платьице деревенскую школьницу-сестричку. Обещал, что купит ей место в самом лучшем московском институте. Показывал Москву, возил на Ленинские – да, тогда еще Ленинские⁵⁴ - горы, отмечал день рождения с артистами, которые оказались студентами из Щукинки. Метандростенолон он покупал теперь сам, к Игорю обратится лишь через несколько месяцев – за соматотропином.

⁵³ 12 июня 1991 года одновременно с выборами президента России в бюллетени ленинградцев был включен вопрос о возвращении городу исторического названия. Большинство ленинградцев высказались за переименование и с 6 сентября 1991 года Ленинграду было возвращено историческое название Санкт-Петербург.

⁵⁴ Ленинским горам в 1999 году возвращено историческое название: Воробьевы горы.

С Левченко, хоть и предатель и подпустил к метандростенолону конкурентов, у Игоря сохранялись очень дружеские отношения. Как же: деньги, валюта... К тому же с середины девяносто второго стали говорить о приватизации. Просто Игорь теперь знал, чего от Левченко можно ждать.

С легкой руки Григория Александровича Игорь и нашел Андриша, фармацевта из Клайпеды. Тот звонил недавно на «Акрихин», хотел купить метандростенолон, но Левченко не решился договариваться по телефону. Он был советский человек и знал, что телефоны прослушиваются. Даже _____ его не переубедил. Страна могла гибнуть, все могло рушиться, но людей из Большого дома он боялся панически. – «У меня деда чуть не сгноили на Соловках», – признался он как-то во время дружеской беседы. Боялся, но номер телефона сохранил и передал Игорю...

... Литва к тому времени уже была независимой. Набив две огромные сумки под завязку, Игорь на поезде без приключений доехал до Каунаса. Если, конечно, не считать беседу с соседом по купе Йонасом. Тот был интеллигентный с виду литовец лет пятидесяти, всю дорогу, и с вечера, и с утра он читал газеты на литовском.

- Ну как у вас теперь? Свобода? – решил, наконец, спросить Игорь. – Стало лучше?

- Дорвались до корыта. Делят. Везде так. И у вас и у нас, – философски заметил Йонас. – У меня два дяди: один был в лесных братьях, потом сидел, а другой коммунист с тридцатых годов. Коллаборационист, как теперь говорят. Вот что делает политика.

- А я думал, вы за свободную Литву. У вас вид интеллигента. А интеллигенция за свободу. И читаете «Atgimimas».

- Понимаете по-литовски?

- Нет. Но приходилось сталкиваться. Был гостем «Саюдиса».

- А, вон как... Конечно, я за свободу. Еще двадцать лет назад после самосожжения Ромаса Каланты⁵⁵ выходил на демонстрацию. Нас тогда вывезли за город, обчистили карманы и велели молчать. Хамская была власть. Как вы думаете, это можно забыть? Когда большой народ угнетает малый, это все равно, что ребенка.

- А сейчас, как там происходило вокруг телебашни? Я так и не понял, кто стрелял?

- Я уверен, что это работа КГБ. Их почерк. Это много раз повторяется – в разных местах. Провокации, подкуп, шантаж – вот их главное оружие. Потом всегда отрицают...

Но и наши – не святые. У того же Лондебергиса отец состоял министром во временном правительстве при немцах. Наверняка сотрудничал с НКВД. Иначе бы... сами понимаете... не выжил.

И другие тоже. Мало кто сумел не измараться... Только эмигранты... В том числе Прунскене – тоже под подозрением.

Ваши такого заварили с пактом Молотов-Риббентроп. Такая грязь... И ложь... Пришли и стали арестовывать, депортировали в Сибирь... Мы, литовцы, оказались между молотом и наковальней... Без выбора... Мой дядя, студент, не зря оказался в лесных братьях. И потом – в Норильске... Десять лет оттрубил. От звонка до звонка...

Вы слышали про восстание заключенных в пятьдесят третьем?

- Нет, не слышал.

- Зэки все-таки поднялись. Когда Сталин умер. Показали характер. Организовали всеобщую стачку. И не только стачку, шли на Воркуту. Вот потому Хрущев и отступил. Стал демонтировать ГУЛАГ. Потому что испугались. Когда сотни тысяч одновременно поднялись.

Империя зла: очень правильно Рейган сказал.

⁵⁵ Ромас Каланта (1953-1972) – литовский диссидент, совершил акт самосожжения на центральной площади Каунаса 14 мая 1972 года в знак протеста против русификации и советской оккупации Литвы. Похороны Р.Каланты сопровождались значительными волнениями литовской молодежи.

А сейчас – трудно... Сколько лет нужно, чтобы очиститься? Недаром Моисей сорок лет водил древних евреев по пустыне... Не верю я вашему Ельцину... Секретарь обкома... Нам нужно поскорее бежать в НАТО, пока все не вернулись на круги своя... Да...

А другой мой дядюшка с Бурокаявичусом⁵⁶... Занимал немаленький пост. Теперь под судом... Как там: «Все перемешалось в доме Облонских»... И, главное, тоже искренно. Верил в дружбу с Россией, в социализм. Не глупый человек, но зашоренный. Не разглядел вовремя, как система ломает...

- Как там, не проверяют на вокзале? – робко перебил его Игорь.

- Что-то не то у вас? – сочувственно спросил Йонас. – Да нет. Пока нет. Редко.

Йонас вышел в Вильнюсе, на всякий случай оставил адрес. Игорь же доехал до Каунаса. Ему повезло ни полицейских, ни таможенников, ни пограничников из Службы охраны края – на вокзале никого не было и он со своими тяжелыми сумками по улице Лайсвес – вот и кафе, где не так давно, но, увы, в другой жизни, они сидели за столиками с Юдифью – с трудом дотатился до автостанции и – в Клайпеду, где Игоря встретил Андрис Витенас, фармацевт.

На несколько минут они заскочили в офис Андриса при аптеке, Игорь сдал груз и получил марки, и, заодно – подписал фиктивный договор, будто Андрисовва фирма поставила стройматериалы его кооперативу, на много месяцев вперед проставил свои печати Андрис. Им стало смешно: пусть теперь ищет концы налоговая инспекция – бывший Советский Союз превратился в одно большое решето с полупроницаемыми границами.

- Вы видели когда-нибудь, как моют золото? – спросил Андрис.

- Нет, никогда, - сознался Игорь.

- Вот так, через сито, изобразил Андрис. – У меня родственник был золотоискатель. Их всей семьей сослали на Колыму.

Андрис проводил Игоря в гостиницу. Они, кажется, прониклись друг к другу, зашли выпить кофе и Игорь спросил:

- А что на будущее? Мост Москва - Клайпеда?

- Мне, пожалуй, пока больше не нужно, - уклонился Андрис, - но, если хотите, есть ребята, контрабандисты, ездят в Польшу. Я с ними поговорю...

До вечера еще оставалось время, Игорь решил осмотреть Клайпеду, бывший немецко-прусский Мемель. Старый город оказался по-немецки хорош: брусчатка, садовая архитектура – ну, это литовцы, это новое время, послевоенное – старинный барочный театр, готические формы, собор, черепичные крыши, музеи, скульптура Аники⁵⁷, фонтан Симона Даха⁵⁸, парк скульптур, но, пожалуй, больше всего привлек Игоря старый порт с рыболовецкими в основном кораблями – здесь было спокойно, тихо, малоллюдно, душа отдыхала после шумной, мрачной, озабоченной, в любую минуту готовой взорваться Москвы.

Прогулявшийся по набережной, Игорь вернулся в центр, к театру. Вот и балкон, с которого в тысяча девятьсот тридцать девятом году выступал перед толпой Гитлер.

- «Мне бабушка рассказывала, - сообщил Андрис, - все ожидали тогда встречи Гитлера и Сталина. Советский Союз и Германия вместе вступили в Мировую войну, союзниками, даже

⁵⁶ Бурокаявичус Миколас Мартинович (1927) – литовский коммунистический деятель, возглавил коммунистическую партию Литвы на платформе КПСС в 1990-91 годах. После обретения Литовской республикой государственного суверенитета был осужден по обвинению в попытке государственного переворота и соучастие в убийствах во время Вильнюсских событий в январе 1991 года.

⁵⁷ Аника (Анхен из Тарау) – национальная фольклорная героиня.

⁵⁸ Симон Дах – немецкий поэт, родился в Мемеле в 1605 году. Наиболее известна его песня «Анхеи из Тарау», написанная им в 1944 году к свадьбе реальной Анхеи и пастора Иоганна Портациуса. Песня стала широко известна уже после смерти Симоа Даха, когда И.Г.Гердер перевел ее на литературный немецкий язык, а музыкант Зильхер написал к ней новую музыкальную аранжировку. В настоящее время эту песню широко исполняют во всех немецкоговорящих странах, воспринимая ее как фольклорную.

провели совместный парад в Бресте⁵⁹ по случаю раздела Польши. И нас они тоже разделили, как обыкновенный пирог. Вы ведь знаете про «Балтийский путь»⁶⁰? Два миллиона человек образовали живую цепь в годовщину пакта Молотов-Риббентроп, чтобы потребовать независимость.

- Да, я помню. Я был тогда в Партии конституционных демократов. Один из лидеров. Мы писали про «Балтийский путь» в своей газете. Мы поддерживали вас. Просто сейчас мне не до политики. Приходится зарабатывать на хлеб.

- Да, сейчас всем приходится зарабатывать на хлеб, - согласился Андрис.

Утром Игорь улетел, но через месяц вернулся. В офисе у Андриса ребята-контрабандисты, огромные, неприветливые, долго пересчитывали упаковки с метандростенолоном и что-то, бурно жестикулируя, при этом говорили между собой по-литовски, так долго и бурно, что Игорь стал сомневаться заплатят ли, парни не вызывали у него никакого доверия, он даже стал опасаться, что могут убить, но они заплатили и, как позже узнал Игорь, отвезли в Польшу, но там продали неудачно и больше заниматься метандростенолоном не стали. Зато Игорь возвращался не с пустыми руками: кроме немецких марок он увез с собой термос с охлажденным соматотропином для Васи и его мукачевского босса. Они словно прознали – от Левченко, что ли? – о литовских связях Игоря. Завод, где производили соматотропин, оказался в Клайпеде. Игорю все организовал Андрис, он же, Андрис, договорился с соседкой, начальницей таможни, чтобы Игорю был предоставлен зеленый коридор.

Глава 3

Не так просто оказалось закрыть кооператив. Свой первый кооператив «Гиппократ», который у него, можно сказать, украли партнеры по бизнесу⁶¹, это происходило повсеместно, кооперативными делами были завалены суды, Игорь открывал месяцев восемь – стоял в бесконечных очередях в райисполком, в Моссовет и снова в райисполком, пробивался на прием к членам моссобетовской комиссии, чьи подписи требовалось собрать и с каждым из которых обязательно было побеседовать и получить наставления – но и второй кооператив, «Доктор», где, наученный горьким опытом, он был почти полновластным хозяином, Игорь открывал месяца два-три. Но и закрыть...

Все те же бумаги, комиссии, инстанции, налоговая: сдать печать, сняться с учета, устроить ведомости в пенсионный архив. Появились, правда, специальные фирмы. Заккрытие стоило пятьсот долларов, огромные по тем временам деньги. Игорь плюнул – и не стал закрывать. Просто бросил, съехал из поликлиники, где арендная плата выросла сразу в десять раз – и все. Указатель на углу Кутузовского проспекта провисел еще лет пятнадцать.

Однако, вещи... За несколько лет, прежде чем понял что «все здесь рушится, все разворовывают и ничего хорошего не будет» и смылся в Израиль – сторожем - Гутман накупил

⁵⁹ Совместный советско-германский парад по случаю победы над Польшей состоялся 22 сентября 1939 года в Бресте. Торжественным маршем по центральной улице города прошли вначале подразделения XIX моторизованного корпуса вермахта (командир корпуса – генерал танковых войск Гейнц Гудериан), а затем бойцы 29 отдельной танковой бригады Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) – командир Семен Кривошеин.

⁶⁰ Балтийский путь – мирная акция, организованная Народными Фронтами Эстонии и Латвии и литовским «Саюдисом» 23 августа 1989 года по случаю 50-й годовщины советско-германского пакта о ненападении и секретных протоколов к нему о разделе сфер влияния. Два миллиона людей, то есть примерно 25% всех жителей трех Прибалтийских республик, взявшись за руки, образовали живую цепь, соединив Таллин, Риг и Вильнюс. Эта акция стала демонстрацией стремления народов Балтии выйти из СССР, восстановить свою государственность.

⁶¹ О перипетиях, связанных с кооперативом «Гиппократ», как и вообще о времени перестройки, автор предполагает написать в первом романе данной серии, которая, по замыслу автора, включает пять романов: «Кооператор», «Политик», «Финансист», «Риэлтор» и «Инвестком». В данный момент закончен только последний роман серии под общим названием «Идеалист», а именно «Инвестком».

несколько сейфовых шкафов, сейф, который в свое время пытались вскрыть, но не сумели, проникшие ночью в поликлинику воры, с десятков письменных столов и несколько десятков стульев. Столы были старые, бог знает из каких учреждений бог знает за какие деньги их списали, стулья же – последний писк советской эпохи: с металлическими ножками и спинками и с яркой, в горошек, безвкусной обивкой. Ткани не хватало, а потому на разных стульях она была разной, от коричневой до зеленой, а два стула были желтые. Это был страшный дефицит, за который не только деньгами расплачивались, но еще и постельным бельем. Белье тоже было дефицитом, его в тучные годы достал Анатолий Исаевич, снабженец от бога с двухдесятилетним стажем в огромном количестве, вернее, выменял на веники и метлы в МПС. Это тоже белье дарили по праздникам членам кооператива, так что у Игоря долго еще спали на простынях и наволочках со штампом МПС обе семьи.

Выбрасывать добро было жалко, но и девать некуда. Игорь снял квартиру в жилищно-кооперативе на Фруктовой улице. Не только ради вещей – он планировал открыть то ли фондовый магазин, то ли заняться недвижимостью. С ним оставалось несколько человек: бывшая секретарша Лена, некогда выпускница иняза, регистраторша Ира, по мужу Акопян, еще недавно она работала в библиотеке и писала стихи, и недавно примкнувшая к ним Светлана – у Светланы Игорь недавно смотрел квартиру, но в ней оказались вещи неизвестного торговца из Краснодара; тот вроде бы привозил их из Турции. И – Вадим Петренко; Вадим, предполагалось, будет работать на бирже или в фондовом магазине. Словом, планы были все еще неопределенные.

В квартире раз в неделю по вечерам заседало правление кооператива, в остальные дни она была свободна.

- Чем планируете заниматься? Торговлей? Главное, чтобы сюда поменьше ходили. Люди, знаете, недолюбливают бизнесменов. Пострадали от реформ, - председателем кооператива был пожилой, усталый человек. – Никогда раньше мы эту квартиру не сдавали. Но: времена. Жить не на что. Который месяц без зарплаты.

- Пока не будет людей, - пообещал Игорь. – А там – не знаю. Может быть займемся недвижимостью. Пока – вещи, - все следовало заранее обговорить, но Игорь не знал, что оговаривать. Тем более что зампреда кооператива, доцент из Академии внешней торговли, пел совсем другую песню:

- Люди, что люди... Видите, что творится с рублем. Становимся придатком Америки. Сейчас подпишем с вами договор на год, а через месяц окажется, что сдаем бесплатно. Умные люди сейчас фиксируют каждую сумму в долларах, - себя он, понятно, заслуженно причислял к умным.

- Я не против, - тотчас согласился Игорь. – Очень логично. Вы это сами придумали? – спросил он с уважением. Для Игоря идея доцента оказалась ценным ноу-хау, потом он пользовался ей много лет, вплоть до дефолта и дальше, до самой середины первого десятилетия двухтысячных.

- Сам, не сам, - отчего-то обиделся доцент. – Я ведь говорю: умные люди. Так теперь делают на биржах, если сделки заключают в рублях. Страхуются. Рублю доверия нет.

Едва подписали договор, и Игорь с Вадимом Петренко перевезли вещи, в кооперативе вспыхнул бунт. Грузчики еще разгружали, а уже набежали жильцы, человек пятнадцать.

- «Как? Бизнесмены? Кооператоры? Будут ходить здесь всякие. Не позволим. Только через наш труп. Гайдары проклятые!» - они кричали и даже пытались мешать, на пути грузчиков вырастали детские коляски.

В кооперативе жили не самые бедные люди, но Игорь почувствовал: житья здесь не будет. Вот оно классовое, советское. Эти были похожи на других, из Останкино и с Ленинского проспекта⁶², чьи лица целыми днями мелькали по телевизору, или на тех, кого Игорь не раз

видел в избирательную кампанию. Только те кричали: «Все скупит Кавказ! Надо им запретить! Выгнать из Москвы!», а эти – просто завидовали. Лицо было одно, злое, ксенофобское.

В тот же вечер позвонил председатель кооператива. Извиняющимся голосом он сообщил:

- Знаете, мы хотим расторгнуть договор. Они сегодня собрали собрание. Мы с Валентином Борисовичем не смогли их уговорить. Видимо, мне придется уйти. И так сию без заработной платы.

- А деньги? – спросил Игорь.

- Деньги мы вам переведем на счет. И санкции выплатим. Я – порядочный человек, - Игорь даже удивился. Порядочных с каждым днем становилось все меньше.

Через несколько дней Игорь снял квартиру у Александра на третьем этаже пятиэтажки в Царицыно. Александр был молодой человек, только недавно после армии. Квартира ему досталась от бабушки. Квартира была пустая, так что Игорь с Вадимом смогли кое-как расставить свои столы. Александр не возражал – он жил у любовницы и ему нужны были деньги. Мало того, Игорь скоро приобщил его к торговле метандростенолоном. Александр набирал полные сумки и относил на вокзал. Куда и кому, он не рассказывал, но деньги отдавал вовремя.

Теперь следовало заняться бизнесом. Но – чем? Он давно вынашивал эту идею: брать деньги у населения и выдавать кредиты. Правда, идея не его. Но какая разница? Ему очень хотелось стать банкиром. Он плохо разбирался в вещах, торговля его не привлекала, другое дело – деньги! Работать с деньгами казалось интересно.

Игорь отправился на МИБ: посмотреть. Биржа располагалась довольно далеко, где-то на западе ЗИЛа в здании региона НИИ, который давно не работал: рядовых сотрудников уволили, а начальство кормилось от биржи.

От станции метро Коломенской ехать нужно было минут пятнадцать на автобусе через мост – до Проектируемого проезда. Спроектировали этот проезд, видимо, не до конца. Кроме обнесенного забором НИИ с пропускной будкой – еще недавно это было режимное предприятие – вокруг почти беспорядочно располагались шлагбаумы, склады, пустые корпуса. При Советах на складах стояли огромные ЗИЛы, но сейчас валялась только старая рухлядь, да несколько полуразобранных, раскраденных машин.

Зато внутри здания биржа стремительно распространялась, захватывая все новые помещения. Здесь размещались торговые залы, где должны были торговать не привезенным еще ширпотребом – его так и не привезли, говорили, правда, что вместо этого биржа открыла торговлю в Лужниках, - вокруг залов размещались отдельные кабинеты, предназначенные для переговоров; по замыслу в кабинетах должны были сидеть оптовики, но было пусто, лишь скучали с барахлом несколько местных старушек. На другом этаже размещались обширная бухгалтерия, в которой сидело человек десять непонятно что считающего народа и кабинеты руководства – кроме корейца Хвана фамилии были сплошь азербайджанские, говорили, из недавних цеховиков, - пустой огромный зал для аукционов, где вяло шла торговля акциями биржи, и несколько комнат для риэлторов.

Недавно биржа устроила торжественный аукцион в Центральном Доме Работников искусств. Там, среди лестниц под мрамор, покрытых широкими ковровыми дорожками, в Большом зале, отделанном дубовыми панелями, за высокой трибуной стоял аукционист Громов, известный актер, специально нанятый биржей – четыре квартиры по бешеным ценам ушли на ура. Игорь был потрясен, хотя и не показал виду: откуда такие богатые бизнесмены, готовые выкладывать по многу миллионов за очень рядовые квартиры? При таких ценах, а цены все росли, ему не один год придется собирать деньги на квартиру для Аси, если, конечно, не лопнут доходы от метандростенолона. Он почувствовал отчаяние: он – Сизиф, обреченный вечно собирать деньги.

Через несколько дней Игорь решил поговорить с Алексеем Струмилиным, именно он, а не Громов, отбирал квартиры для аукциона и готовил документы; Громов, в эстрадном

костюме и в галстук-бабочке, с аукционным молотком в руках, только играл и, надо сказать, талантливо играл роль. Струмилина Игорь хотел соблазнить – тот, возможно, согласится открыть с Игорем собственную фирму. Но, к удивлению Игоря, сразу после аукциона Струмилинин исчез, оказалось, его отослали куда-то в Тмутаракань на завод, там, в пустом заводоуправлении, у биржи оказалось несколько арендованных под склад комнат. Игорь все же разыскал Струмилинина. В пустом здании разговаривать можно было свободно. Струмилинин обещал подготовить программу, как организовать торговлю недвижимостью. Но так ничего и не выдумал кроме аукционов. Написал проект на одном вырванном из тетради листке...

... Лишь позже Игорь узнал, что Алексей Струмилинин – обыкновенный пэтэушник и на бирже оказался случайно, и что аукцион был поддельный – для акционеров, лапша на уши, показать, что биржа работает. «Купили» якобы квартиры исключительно притворно, роли покупателей играли подставные лица, а сами квартиры принадлежали знакомым.

Аукционы на квартиры не прижились. Продавцов вскоре стало больше, чем покупателей. И – не аукционный товар квартиры. За то и отставили пэтэушника Струмилинина, пока не закончился контракт с биржей, что – не разобрался. Правда, не он один, все начиналось с бирж⁶³, все, что можно, тащили на биржи. Реформы начинались хаотично. Но это позже, не скоро еще понял Игорь.

Кроме Струмилинина, который всегда был отчего-то особняком, на МИБ сидели и другие риэлторы, даже несколько комнат занимали. Правда, еще не настоящие риэлторы. В одной комнате женщины принимали звонки от продавцов, в другой – от покупателей. Потом искали друг друга. Компьютерной программы еще не было.

Пожалуй, по-настоящему работал на бирже только один отдел, где торговали деньгами. Одни, кредиторы, обычно это были физические лица, приносили на биржу обесценивающиеся рубли – тысячами, десятками, сотнями тысяч, с каждым днем суммы все росли, и заключали договора на размещение, другие, как правило, новоявленные бизнесмены, на аукционах разыгрывали кредиты. Но это только говорилось: «на аукционах», на самом деле получить кредит было просто. Кредиты выдавали без обеспечения, зато проценты зашкаливали.

Распоряжались деньгами молоденькие мальчики-брокеры. Они складывали деньги в лоты и, не очень вникая, подписывали кредитные договоры. Судя по всему, их не очень волновало, вернут ли бизнесмены деньги. Договоры были составлены так, что биржа ни за что не отвечала.

- Их другое волнует, этих резвых мальчиков, откаты, - просветил Игоря Липский. – У них у каждого своя клиентура, - Липский был ушлый, остроумный и циничный еврей, с которым Игорь сошелся еще когда покупал акцию. Все-таки соплеменник, хотя и плут. Раньше Липский работал на радио, но его с полгода назад уволили из-за каких-то денег, вроде он делал левую рекламу и не отстегнул кому-то из начальства и теперь он занимался рекламой на бирже. Очень успешно занимался. Отдать кровные стояла длинная очередь.

- Деньги все равно пропадут, - объяснял Липский, - Гайдар отпустил цены, Верховный Совет давит, Матюхин⁶⁴ сопротивляется слабо, а придет Геращенко⁶⁵, окончательно включит станок. Тут и Гайдар не удержится. С такой чехардой рассчитывать не на что, - бог знает, откуда все знал этот пройдоха, но предсказания его скоро сбылись.

⁶³ Закон РФ «О товарных биржах и биржевой торговле» был принят 20 февраля 1992 года. В силу того, что рыночное законодательство принималось не комплексно, вразнобой, в течение некоторого времени имел место дисбаланс в сторону биржевой торговли, причем на биржах зачастую выставлялись небиржевые товары.

⁶⁴ Матюхин Георгий Гаврилович (1934) – экономист, председатель Центрального банка Российской Федерации с декабря 1990 по июнь 1992 года.

⁶⁵ Геращенко Виктор Владимирович (1937) – финансист, банкир, доктор экономических наук, почетный профессор, трижды возглавлял Центральный банк страны, в 1991 году – СССР, с ноября 1992 года по октябрь 1994 года и с сентября 1998 года по март 2002 года – Российской Федерации.

Летом девяносто второго Игорь окончательно решился. План этот зрел давно, с разговора с Лесиным, пора было начинать. Все расчеты он сделал в тетради. Впрочем, какие расчеты? Нужно как можно больше собрать денег и выдать как можно больше кредитов. При марже в двадцать процентов с каждых ста миллионов он сможет заработать двадцать. И нужно как можно больше наличных. Физлица выгоднее юридических. Не класть деньги на счет, а заниматься обналичкой. Менять наличные на безналичные – это еще двадцать пять-тридцать процентов, с каждого рубля двадцать пять-тридцать копеек. Объявления об обналичке были повсюду, стоило только купить газету. Даже на столбах. Через год он станет миллионером. Настоящим, долларовым.

Правда, оставались вопросы. Что, если бизнесмены не вернут деньги? Просто сбегут? Игорь видел, как все происходило на бирже. Никаких аукционов. Никаких проверок. Да и что, и как было проверять? Приезжали молодые ребята, совсем молодые, лет по двадцать – двадцать пять, брали кредиты и кидались в торговлю, покупали-продавали, в несколько месяцев становились миллионерами. Не все, но многим везло. Это казалось удивительно, что им давали деньги. Притом ребята чаще были немосковские – из Волгограда, Астрахани, Твери, кто и как будет их искать, если что? Но биржа только недавно начала работать, время возвратов пока не наступило.

С одним заемщиком Игорь познакомился. Это был паренек двадцати двух лет из Волгограда. Недавний студент, недоучившийся Петя Кораблев. На первый кредит он купил в Лужниках сигареты и отвез в Волгоград, на второй – спирт «Роял». Теперь он приехал продлить кредиты. Он был доволен: дела шли замечательно, Игорь даже почувствовал зависть, что этому Пете свобода выпала в двадцать лет.

- Биржа страхует кредиты, - объяснил Игорю ушлый Липский. Есть страховые компании. «Роспотребрезерв» и еще несколько. Они авалисты по векселям. Если что, они и будут платить. Главное, чтобы был вексель. А биржа ни за что не отвечает.

- В теории хорошо. А на практике? Кто будет их искать, этих заемщиков, если они не вернут долги?

- Страховая компания, - повторил Липский. – У них есть служба безопасности. Это их проблема. Главное, чтобы вексель. Страховой договор можно оспорить в суде.

- И все-таки? Ты веришь в наш суд? – спросил Игорь. – Я ни во что не верю, - отвечал Липский. – Ни в Ельцина, ни в Гайдара, ни в Верховный Совет. Мне все равно. Меня интересуют деньги. И еще – не сесть. И руководству на бирже тоже все равно. Они ни за что не отвечают. Они только размещают деньги. Их подписей на векселя нет. На бирже не дураки сидят. Это люди, как бы тоже казать, не московской национальности. Они уже лет двадцать занимаются бизнесом. У них давно везде связи. Бандиты, милиция, все у них в кармане.

Да, все выглядело заманчиво. Липский казался хорошим партнером, умным и знающим. Тем более, Липский не просился в партнеры, это, наоборот, Игорь – пока он только подумал. Пройдет еще несколько недель...

Это потом Игорь много раз задавал себе вопрос: как он мог не предвидеть? Но нет, понимал. Догадывался, хотя и не до конца. Он еще был непуганый. Прежний опыт забылся. Но, главное, очень хотелось...

Несколько недель Игорь привыкал к мысли. А Липский ждал. Не лез с разговорами. Хотя, возможно, не принимал всерьез. Да, его, Игоря, не принимал всерьез. Считал нерешительным прожектором. Он-то Липский, умел быть крутым, жестким. Неприятный тип. Но это – потом. Тогда еще Игорь не распознал. Он не очень хорошо, не с первого взгляда разбирался в людях.

Наконец, Игорь созрел. Тянуть больше было нельзя. У него был шанс, и этим шансом необходимо было воспользоваться...

Да, новое время, другое, особенное. Когда открылись вертикальные лифты. Новорусское время. Время взлетов и падений. В советское ничего было нельзя. Недаром застой. Игорь

вынужден был сидеть тихо. Выше профессора у него не было шансов. Да и там – все забито. Таких, как он, не брали в партию, интеллигент, еврей, да и – ему было противно. Не то, что сверхчестный, но Игорь испытывал физическую тошноту от *и х* партии, от *и х* слов, лжи, манер, от *и х* лже теории, от *и х* привычки говорить за все «прогрессивное человечество», от *и х* высокомерия, *и х* монополии на истину. Но – и *о н и* были несвободны. Никто не был свободен в этой стране. Все были повязаны.

До сорока лет он вынужден был смиряться, сидеть молча – все сидели молча кроме особенных героев или сумасшедших. Но сейчас... Вдруг настало время, когда делались судьбы, когда можно было подняться. Когда происходила смена элит. Игорь понимал, что это не надолго. Что скоро все устаканится. Что нужно успеть. Сейчас у нас был шанс. Еще недавно он хотел стать депутатом, политиком. Не получилось. Всюду была ожесточенная конкуренция. А у него неудачная стартовая позиция. Кооператор...

Нет, он не жалел. Ему не нравилось вечно толкаться локтями, участвовать в бесконечных интригах. До верха было слишком далеко.

На выборах на пост председателя московской организации Демпартии Игорь получил пятьдесят два голоса, ровно половину, конференция затянулась до позднего вечера, к тому времени большая часть делегатов ушла, ему не хватило сего одного голоса до победы. Он знал, кто его предал, организовал интригу в последний момент – Хаценков⁶⁶, один из лидеров партии, ответственный за оргработу; это был ловкий интриган из ЦК, который все время намекал, что он человек Яковлева, и с ним другие из центрального штаба – Хомяков, Лариса Зинченко, Ни Ли⁶⁷. Он так и не понял, почему: Хаценков же ему и поручил организацию конференции и рекомендовал его в оргкомитет. Сам Травкин в этот момент отсутствовал. Потом Игорь уехал в отпуск и выборы без всякой конференции, временные, прошли без него, хотя конференцию перенесли на осень. Вторым он быть не захотел, ему предлагали. Не захотел он и в команду Каспарова.

Он ушел без сожаления. Ему сразу наскучили бесконечные собрания, прения, пререкания. Он вдруг прозрел: вокруг было огромное количество крикливых дураков. Партия неожиданно оказалась совсем не либеральной, а – сборной солянкой.

Теперь он мечтал о богатстве. Ему нравилось заниматься бизнесом. В нем было творческое начало. Финансовая компания – это звучало гордо, громко. И – интересно...

Создать империю. Да, он грезил своей малой империей, на сей раз финансовой...

Он знал, что могут быть невозвраты, что могут придти рэкетиров. Убить. Но – не хотелось об этом думать. Все как-нибудь образуется. Следовало только найти надежную страховую компанию и обязательно оформлять векселя. Правда, зачем это нужно страховой компании? Он не хотел об этом думать. Страховую компанию должны соблазнить большие деньги. Ведь расплата – потом. а если она обанкротится или не захочет платить, она и будет виновата. Не он. А что касается рэкета, лучше всего снять офис рядом с биржей. У биржи наверняка есть крыша. И еще, найти хорошего бухгалтера. Но бухгалтер, Наталья Ивановна, была у Игоря на примете. В кооперативе в последнее время бухгалтера менялись каждые несколько месяцев. Последняя бухгалтер, Ольга, и рекомендовала Наталью Ивановну.

⁶⁶ Хаценов Георгий Федорович (1950) – журналист, в 1986-1990 гг. консультант Отдела партработы ЦК КПСС, подведомственного Е.Лигачеву. В начале 90-х годов создал и возглавлял ТОО «Якутский торговый дом», фирму «Посредник» и СП «Альтаир» (производство и торговля ювелирными изделиями). В начале 1990 года вышел из КПСС и стал одним из организаторов Демократической партии, занимал пост заместителя председателя партии, однако вскоре из-за разногласий и председателем партии Н.Травкиным и обвинений в коррупции был из партии исключен. Несколько лет жил в Великобритании и США. 1997 году вернулся в Россию, восстановился в ДПР и в 1998 году был избран ее председателем, одновременно возглавлял издательский дом «Правда».

Игорь много раз продумал свою схему. Все должно было сработать. Он вроде бы все предусмотрел. Стоило поговорить с Липским. Тот, вероятно, захочет стать партнером. Что же, одному было боязно.

Был еще август. Игорь решил: начнет с сентября, когда люди вернутся из отпусков. А пока – запустить недвижимость и освоить Биржу Технологий. На эту биржу, Технологий, одним из учредителей которой была МИБ, акционеры Московской Инвестиционной биржи получали доступ бесплатно.

... На Бирже Технологий Игорь так никогда и не побывал, времени у него не хватило, да и – оказалось неинтересно. По словам Лохова, бывшего одноклассника, который недавно еще работал над докторской в Институте Теплофизики и считался одним из наиболее перспективных ученых, но просидев полгода без зарплаты, забросил физику и стал «осваивать рынок», никаких технологий там и близко не было, одна барахолка. Торговали какие-то бабушки, пенсионеры, бывшие учителя, впрочем, и ушлые бизнесмены попадались с ширпотребом из Турции и Польши, но надолго: покупателей на биржу отчего-то не пускали, да и желающих не было, что делать брокерам было непонятно и народ через несколько дней стал разбегаться.

- На четвертую биржу хожу, - жаловался Лохов, - не биржи, а мыльные пузыри. Продаются брокерские места и на это живут.

- Здесь положим, с тебя деньги не брали, - уточнил Игорь.

- Но и ты мне не платил. Несколько дней сидел без зарплаты, а семью кормить надо.

- Ну, не сиди, - обиделся Игорь. – Зарабатывай в другом месте, если знаешь такое место.

С недвижимостью было чуть-чуть веселее. Поступали отдельные звонки, кто-то хотел продать квартиру – люди начинали уезжать из Москвы, так что картотека пополнялась, компьютеры еще встречались редко, карточки складывали по алфавиту о названиях станций метро. Пару раз приходили продавцы заключить Договор, но ни за что не хотели отдать документы. Покупателей же почти не было. То есть изредка звонили, но, узнав, сколько стоит квартира, начинали охать и торговаться или тут же исчезали.

Но, главное, Игорю никак не удавалось установить дежурства. Женщины приходили, когда хотели. Никто даже не додумался убрать в квартире. Постепенно Игорь начинал приходить в бешенство. Очевидно было, что при такой работе сделок не будет никогда. Для чего же он держит эту квартиру? Он давал объявления в газету, телефон звонил, но часами никто не снимал трубку.

Игорь велел Вадиму составить расписание дежурств. Тот кивал, но и через несколько дней все оставалось по-прежнему, пока Игорь не рассвирепел окончательно и не велел Вадиму больше не приходить.

Из всех женщин охотно на дежурства ходила одна Света. Она жила рядом, но – не только. Как-то Игорь заехал вечером. Светлана, не услышав его, продолжала разговаривать по телефону. Из разговора он понял, что она работает на себя. Увы, ни времени, ни терпения следить за всеми у Игоря не было. Да он и не знал, как. Он понял, что нужно закрывать богадельню. Уже если врачи в кооперативе, бывало, работали налево, то уже эти девочки...

К тому же они ничего еще не умели. Все вроде бы очень просто, но ... Та же Света несколько дней назад спрашивала:

- Игорь Григорьевич, договор нужно зарегистрировать у нотариуса и все?

- Да, вроде бы, - Игорь засомневался; что где-то еще раньше не приходило ему в голову. Однако, если только у нотариуса, квартиру можно продать много раз. Они же все самоучки, им никто ничего не объяснял. И законов они не читали.

- Говорят, нужно еще зарегистрировать в Мосприватизации на Зеленом проспекте, - подсказала Света.

- Да, наверное, действительно. Как же я раньше не сообразил? А еще решили заниматься недвижимостью.

- Я читала, что одни мошенники пять раз продавали одну и ту же квартиру, - поделилась Света.

В другой раз с Женей Глазковой, Эухенией, как иногда полушутя называл ее Игорь, полу-испанкой, с которой в другой жизни, когда Игорь работал врачом, у него был недолгий, но бурный роман – Женя как раз разводилась, мужа часто не было дома, он уезжал на дачу, и Игорь приходил к ней, и они тотчас бросались в постель, наслаждались до изнеможения, вздрагивая при каждом стуке, и он спешил быстрее насладиться и уйти, приходя в себя лишь в лифте, когда понимал: пронесло, а через день-другой приходил снова – о, горячая южная испанская кровь, о, необузданный темперамент иберов и мавров, о, изысканность восточных ласк – Игорь лишь много позже узнал, что она не испанка, а басконка. Роман довольно быстро закончился. У нее с мужем начались суды, драки, они делили квартиру – Игорь понял, что ни к чему ему во все это лезть. Но с тех пор они поддерживали некоторые отношения.

В новой жизни Жене сразу не повезло. Ее уволили из издательства, где работала, вернее, издательство обанкротилось – никому не стали нужны больше книги прежних вождей и философов-марксистов, последние тома за ненадобностью выбрасывали на помойку. На место издательства въехала коммерческая фирма, торговавшая мумиём, амулетами, кремами, импортными презервативами и экзотическими лекарствами из Восточных стран. Женя там оказалась не нужна и пошла работать к Игорю, если это, конечно, можно назвать работой, в его странную фирму недвижимости, где ничего еще не умели. Впрочем, всюду не умели, толпы людей безнадежно бегали с фирмы на фирму.

Да, так вот, в другой раз Игорю пришлось сопровождать Женю Глазкову – это был ее первый показ и она жутко волновалась. Квартира, по словам бойкой риэлторши, которая ее продавала, была готова к продаже, клиент божился, что намерен тут же купить, только посмотреть одним газом, так что Женя надеялась почти сразу получить деньги – уже несколько месяцев она жила в долг, - пришлось поехать с ней в Подольск, Игорь был уверен, что она все обговорила и узнала заранее. Лишь в Подольске выяснилось, что документы будут только через несколько дней, а покупатель собирается брать кредит в банке.

- В банке вы хоть договорились? – Игорь начал догадываться, что ездили зря.

- Завтра же и договорюсь, - заверил клиент.

- А с чего вы взяли, что вам дадут?

- Игорь почувствовал раздражение.

- А что, могут не дать? – покупатель изобразил удивление. – Я был уверен, что дадут, - на этом торговля закончилась. Игорь потерял к клиенту интерес.

С тех пор он твердо решил для себя, что не следует попусту терять время: нужно сначала заключить с клиентом договор и забрать документы или получить хоть маленький аванс, иначе пусть идет куда подальше, так все опытные риэлторы делали, и еще – он всегда впредь скептически относился к Жене Глазковой. Знал, что от нее шума и пыли много больше, чем дела. Но – нескоро Игорю пришлось использовать недолгий свой опыт.

Он не стал тогда риэлтором, мало того, вскоре вообще забросил свою «богадельню». Женщины тотчас разбежались, потерялись среди черно-маклерской Москвы. Правда, всегда потом вспомнили при редких встречах, что именно с легкой руки Игоря стали риэлторами: Светлана и Лена – матерыми, а Женя – так... Только Ирина исчезла навсегда...

... А Игорю на время стало не до недвижимости...

Глава 4

Готовился Игорь долго, пытался все предусмотреть, каждую мелочь, а выстроилось все в один день. Липский будто только и ждал, сам предложил себя в партнеры, хотя – зачем ему Игорь, мог бы и сам, - чем больше времени проходило, тем больше Игорь приходил к выводу,

что Липский – типичный кидала. Что действительно картежник, он узнал только лет через семь: услышал по радио, то Липского убили прямо в казино. За что, что нагло не раз срывал куш. Но, однако, как он очутился на бирже? Давно ли картежник? Куда смотрела служба безопасности? Через семь лет никакой биржи уже не существовало, спросить было не у кого, никого не оставалось из старых знакомых, да и Игорю было все равно. Еще один ушел...

В тот день Липский тотчас договорился с Новаковским – тот и на бирже, и в институте главный по хозяйственным вопросам; этот фигаро всюду был вхож, со всеми знаком, вертляв, с каждым нужным человеком умел полялякать и выпить, приветливый такой мужчинка, благочестивый, собрания радонежского общества посещал, пел в хоре, и жену главным бухгалтером пристроил на биржу. Одно только было неясно: он – красивый мужчина, общительный, легкий, она же – страшнее черной ночи, да еще с довеском – сыном. Тот, лет двадцати пяти, однако совсем не живой, блеклый, невыразительный, да еще сидел, говорили, за мелкое хулиганство; Виктор все вокруг Новаковского крутился, звал папой, зато она, бухгалтерша эта, все время зыряла по сторонам, на других мужчин, своего же, Новаковского то есть, отчего-то ненавидела. Игорь как-то зашел в бухгалтерию и случайно услышал, как она мыла Новаковскому кости: и подлец, мол, и негодяй, ёрник – Игорь поспешил закрыть дверь.

- «Неужели импотент? – подумал Игорь,.. – Или, наоборот, гуляет по черному?»

Этот Новаковский и выхлопотал Игорю в тот же день огромную комнату прямо на бирже, вернее, в институте.

- Здесь не тронет никакой рэкет, - заверил Игоря Липский. – У биржевиков все схвачено. Все местные бандиты под ними.

Да, полезный человек оказался Борис, ненавязчиво, само собой вошел он к Игорю в дело. Игорь директор, а он вроде бы зам, так договорились, хотя и на бирже он продолжал заведовать рекламой. Так, впрочем, лучше было, спокойнее: не будет лезть и все нужные связи при нем, напрямую или через Новаковского. Договорились и пасынка Новаковского взять, Виктора – то ли кассиром, то ли договора писать, одним словом, принимать деньги. Новаковский за него поручился: мол, согрешил по глупости, подрался, но честнейший парень. Хотели и жену Новаковского, ведьму, пристроить главным бухгалтером, но тут Игорь воспротивился – не с лица воду пить, конечно, но бухгалтер должен быть свой человек, а тут почувствовал: окружают. Нет, бухгалтером нужно было Наталью Ивановну – не то, чтобы своя в доску, Игорь ее почти не знал раньше. До кооператива, да и разговорчивая слишком, но, говорили, специалист что надо и честная. Раньше в институте работала много лет. Проверить Игорь не мог, конечно, он никогда не изучал бухгалтерию и не разбирался в счетах и проводках, но – в кооперативе часто менялись бухгалтера, то уходили на лучшие деньги, то уставали совмещать, была даже одна, которая и вовсе оказалась не бухгалтером, а экономистом, да еще унесла документы, так что Игорю пришлось ехать к ней домой выручать бумаги, да еще и объясняться с милицией; наконец, предпоследняя, имя тотчас выветрилось у Игоря из головы – Игорь с ней тоже намучился, веселая такая дамочка, разбитная, не успеет приехать, как за ней любовник на «Волге», время-то еще советское, вот эта предпоследняя и рекомендовала Наталью Ивановну делать последний баланс. Игорь чуть ли не молился на нее, гадал: подведет, не подведет, согласится распутывать после прежних? Не подвела, сделала, и он был ей благодарен, терпел ее вечную болтовню. А было у Натальи Ивановны две нескончаемые темы: муж, которого она все время ругала и которого, похоже, терпеть не могла, хотя отчего, Игорь так и не понял. Мужчина как мужчина, отставник, не гуляет и не пьет. А вторая тема – теснота; жили они вчетвером с бабушкой, то есть с матерью Натальи Ивановны, в однокомнатной квартире. Мужу, правда, обещали, еще с советских времен, но страна развалилась, а он так и остался бесквартирной. «Ну что за мужик, - делилась Наталья Ивановна с отчаяньем, - ни на что не способен. Я сколько аборт из-за него делала. А он никак не узнает, кому нужно дать и сколько. Я бы хоть в кассе взаимопомощи взяла, пока было можно».

- «Да я вам сам помогу, - думал иногда Игорь, - только не бросайте. Даст Бог, деньги скоро пойдут как платва. Золотой дождь». В том деле, которое он затеял, никак нельзя без верного бухгалтера.

Да, все почти сразу организовалось. Второго кассира по договору привела Наталья Ивановна, довольно невзрачную девушку от каких-то своих знакомых, Аизу. Игорю она не понравилась, для клиентов бы что-нибудь поярче и покрасивее, но – Игорь не Чумак и не Кашпировский, чтобы сходу решить, что там внутри. К тому же не с улицы, от Натальи Ивановны.

Только с Липским первые трещины пошли сразу, на первом же собрании. Игорь собрал людей на инструктаж, секретарей на домашних телефонах и кассиров, долго все объяснял, что и как говорить, как отвечать на вопросы и как будет работать финансовая компания. «Кредитная контора «Полтавский» - про «кредитную контору» настояли Липский с Новаковским, что, мол, ИЧП не годится, в слове «контора» есть что-то государственное, основательное, из-за чего и понесут деньги. «У нас же какой народ: привык верить в государство, хоть сто раз его обмани».

Игорь подробно объяснял сотрудникам, то деньги будут складывать в лоты и под векселя размещать через биржу, и что вексель – это ценная бумага, обязательная к платежу, и что для особенной гарантии авалистом будет страховая компания. Словом, все подробно растолковал, весь механизм работы, все попытался предусмотреть, о чем могут спрашивать вкладчики. Но только закончил, как слово взял Липский. Ах, хитрун, интриган оказался Борис Львович – тогда еще Игорь хорош с ним был, то по имени, а то по имени-отчеству, не ожидал подвоха, все заранее было обговорено, а тут стал Игоря поправлять, что не через биржу, а через другую фирму. Что биржа действительно не нужна, мальчики и так приведут заемщиков, это Игорь понял сразу, но вот зачем другая фирма? Поставил Игоря в дурацкое положение.

В том, наверное, и состоял замысел, что при людях Игорю будет неудобно и он не станет спорить. А замысел-то с двойным дном: другая фирма его, Липского, «Эльдорадо», Игорь раньше и не подозревал, что у Липского своя фирма.

Игорю нужно было реагировать, но как? Начать со скандала? Игорь только пролепетал: «Ну, мы с этим еще разберемся. Только нехорошо, Борис Львович, преподносить такие сюрпризы». Только одно было хорошо, до того он предполагал работать через биржу, как брокер, а тут понял: биржа ему не нужна.

На том и закончилось в тот день. Молодец Наталья Ивановна: «А вам, Игорь Григорьевич, не кажется, что он вас дурит? При чем тут его фирма? А если он возьмет деньги и не отдаст? Спрашивать-то с вас будут, его и знать не знает никто. Тут ведь что выходит: вам вообще не нужна биржа. А он со своим «Эльдорадо», что пятое колесо». Прямо как в воду глядела.

Пришлось Игорю серьезно задуматься в тот день. Механизм оказался еще не налажен. А дело завертелось уже. Вышли объявления и деньги понесли, тысячи, сотни тысяч. А значит, их срочно нужно размещать. Они, будто горячее железо, жгли Игорю руки. Проценты. Не разместишь, окажешься в убытке.

Первые два лота Игорь попытался разместить через биржу, с откатами мальчишкам. За деньги они сами готовы были вести заемщиков. Без всякой биржи.

Под номером один Игорь выдал кредит тому самому Кораблеву, двадцатидвухлетнему вундеркинду, которого несколько недель назад впервые, как ново-русское чудо, ему показали на бирже. За прошедшие недели Петя вошел во вкус, почувствовал себя настоящим большим коммерсантом и набрал новых кредитов – на все деньги он закупил сигареты и спирт «Рояль», как тогда говорили: «рояль». Никогда Россия так не дымила и не пила, как в те горячечные дни реформ.

- В Волгоград везешь? А где хранить будешь? Склад у тебя есть? Не прогоришь? – один только Игорь волновался.

- Есть сарай у деда. Он у меня на окраине живет. Сам будет сторожить с охотничьим ружьем. А если что, друзей позову, - заверил Петя. – Да вы не волнуйтесь, товара всего на несколько дней.

Се же было беспокойно. «Мальчишка, что с него взять». Но, с другой стороны, биржа Пете Кораблеву доверяет и в роли авалиста страховая компания «Роспотребрезерв». Взрослые дяди, опытные. Игорь был у них. Разговаривал. Подписал договор. Это были страховщики еще с советских времен. Пусть они и волнуются.

Вторым заемщиком был Олег, парень довольно странный, совсем непохожий на дельца. Пришел с приятелем, отрекомендовался книготорговцем. Но – кисель. С первого момента стало ясно, что – кисель. Олег не умел спорить, отстаивать свои интересы, тут же со всем соглашался. «Идеальный заемщик, - подумал Игорь, - вот только деньги никогда не отдает, такого растрясут до копейки». Тут как раз появился Липский, стал выкручивать руки, тотчас поднял процент, да еще залог потребовал. Ему, казалось, доставляло удовольствие издеваться над бедным Олегом. Впрочем, Игорю почти сразу сделалось не до Олега. Липский захотел провести кредит через «Эльдорадо», то есть вписать в вексель свою фирму в качестве кредитора. Выходило, что деньги дает «Кредитная контора «Полтавский», а получатель – бенефициар «Эльдорадо». Игорь вспылил, они долго пререкались при заемщике, Олег, хоть и размазня, но сразу все просек и стал искать защиты у Игоря, ребята с биржи даже рты разинули. Игорь понял: сейчас будет скандал, нельзя при всех выяснять отношения, нужно хоть на время договориться. Он не сможет работать с Липским, но не сейчас же... Потом... Он уступил, но ровно наполовину: вексель оформить на «Эльдорадо», но останется у него, пока не составят кредитное соглашение. «А там посмотрим, - решил, - посмотрим, что делать дальше». Избавиться от Липского. Упертый. И от биржи тоже... Работать через биржу и этих пройдошливых, наглых ребят получилось невыгодно. Они забирали чуть ли не треть от маржи. Только маржа-то через год, а им – сейчас. Через год деньги, может, обратятся в труху.

Что касается залога, деньги, оказывается, Олег уже занял, теперь ему срочно нужно вернуть кредит, со дня на день попадет на зверские проценты, а занял – на какой-то особый брусок, вроде бы сплав с никелем, будто бы и платина там есть, чуть ли не по цене золота, тяжесть неимоверная, теперь ждет, друзья обещали найти покупателя по двойной цене. Только кто его проверял, этот брусок, что там на самом деле? Только одно ясно: если продержит несколько месяцев, окажется в убытке.

Хитрован Липский тотчас потребовал отдать металлический брусок в залог.

- Хорошо, берите, - тотчас согласился Олег.

- А где возьмешь деньги вернуть кредит? – заволновался Игорь. – Нет еще покупателя?

- Ребята обещали за несколько недель найти покупателя. Есть один бизнесмен в Питере. Обещал приехать.

- Отдает, - прервал разговор Липский. – Не будет отдавать, кожу сниму. У меня есть кому снимать.

- Отдам, - подтвердил Олег. Его, похоже, несколько не смутила угроза Липского.

С Липским нужно было поставить все точки над И, но, как назло, сразу после подписания кредитного договора с Олегом он исчез. Он будто нарочно избегал разговора.

Лишь дня через три, когда Игорь начал остывать, возможность, наконец, почти представилась. Почти...

Для хранения денег потребовалось привезти старый кооперативный железный шкаф из Царицыно. Липский сел за руль, Игорь рассчитывал выяснить все дела по дороге. К тому времени он решил окончательно, что – нет, он не станет оформлять кредиты через «Эльдорадо», Липский, если не согласится иначе, пусть уйдет, да и Наталья Ивановна воспротивилась: «Он просто хочет вас подставить. Ужасный человек. Ему нельзя доверять». Увы, Липский зачем-то захватил с собой Новаковского, при нем Игорь разговаривать не стал. Решил отложить разго-

вор до возвращения. Но – они погрузили шкаф на машину, Игорь вернулся на минуту в квартиру, а когда спустился на улицу, машины не было.

- Уехали, - сказал Федосеев. – Не стали дожидаться. Сильно спешили, Федосеев был новый сотрудник, капитан второго ранга, только демобилизованный с Тихоокеанского флота, которого Игорь два дня назад принял на работу. Игорь рассчитывал, что со временем бесквартирный капитан станет надежным помощником. В этот день Игорь специально отправил Федосеева в Царицыно, чтобы помочь со шкафом, а заодно посмотреть, как идут дела у риэлторов.

Игорь, понятно, пришел в ярость. Липский с Новаковским пренебрегли им демонстративно, вызывая, словно бросили перчатку в лицо. Хорош был и Федосеев, попытался смягчить, будто был на их стороне. Игорь хотел в тот же день объясниться с Липским, чтобы не было больше недомолвок, но, когда он вернулся на Коломенскую, того уже не было. Зато пасынок Носаковского нагло ухмылялся.

С Липским нужно было заканчивать. Но – люди несли деньги, они словно спешили избавиться от своих кровных, Игорь слышал: в очереди целый день костерили Гайдара, демократов, Демроссию, но и депутатов, и Верховный Совет, - но без Липского Игорь не мог выдавать кредиты. Ребята с биржи устроили тихий саботаж: утверждали, будто у них нет заемщиков. Игорь попробовал дать объявление в «Из рук в руки» - оно еще не вышло, когда в пятницу пришел Липский, сообщил, что в понедельник едет в Королев, там его ждут на заводе и он от имени «Кредитной конторы «Полтавского» будет собирать деньги. А потому ему нужна печать.

- То есть как, без согласования? – возмутился Игорь. – От имени «Кредитной конторы»? Никакую печать я не дам.

- Как хочешь, - Липский пожал плечами. Игорь догадался, что у него печать есть. Вероятно, сделал по оттиску.

Игорь не знал, подделал ли Липский печать, или ставил печать «Эльдорадо», или – на слово ему давали деньги, что ли? – но только во вторник Липский словно нарочно привез в сумке миллион рублей и зачем-то попросил Лизу поставить в сейф. Что он собирался делать с этими деньгами, так и осталось неясно.

Когда Игорь узнал про сумку с деньгами, он тотчас потребовал у Липского документы, но тот – не стал объяснять. Мол, не Игоря это дело.

- То есть как, деньги у меня в сейфе, от имени моей фирмы, и не мое дело?

- Да, не твое.

Игорь запер сейф и положил ключ в карман.

Теперь пришел черед Липского приходить в ярость. Он тотчас стал у двери, угрожая, что не выпустит Игоря из комнаты.

- Я – каратист, если хочешь знать, со мной эти шутки не пройдут. Тут я хозяин.

- Ты? – Игорю ничего не оставалось, как позвонить в дирекцию и вызвать Хвана. Тот пришел, выслушал Игоря и тут же объявил, что увольняет Липского с биржи.

- Мы, Борис Львович, долго вас терпели, но, как говорится, сколько веревочке не виться...

Праздновать победу, однако, оказалось рано. Поздно вечером в тот же день Игорю позвонил Федосеев.

- Я хотел посоветоваться, Игорь Григорьевич, - сообщил он. – Они сегодня подходили ко мне, Липский и Носаковский, спрашивали, не соглашусь ли я стать директором фирмы.

- Какой?

- «Кредитной конторы «Полтавский».

- Как? – удивление и возмущение Игорь испытал вместе, не знал, чего было больше. – Это же моя фирма. И что ты сказал?

- Я сказал, что подумаю. Что мне трудно каждый день ездить на работу из Малаховки. – Федосеев говорил так, будто все было в порядке вещей. – Игорь почувствовал острую неприязнь, но сдержался.

- А Лиза с Виктором что? Они в курсе?

- В курсе. Виктор еще несколько дней назад говорил, что вас снимут. Что ему отец сказал. Что главным будет Липский.

- А что Лиза?

- Сказала, что ей все равно. Ее же Виктор трахнул. У них любовь.

- Интересно, когда он успел?

- Успел.

- Но как они могут? – спросил Игорь. – Фирма же моя. Они ведь никто.

- Не знаю, - сказал Федосеев. – Они же не дураки. Значит были основания.

- Выходит, дураки. Я завтра же выгоню Липского. Хван уже его выгнал.

- Как хотите, - примирительно сказал Федосеев. – Игорь Григорьевич, я вот о чем хотел вас спросить. Мне в самом деле трудно каждый день ездить на работу. Я ведь в Малаховке. Можно, я буду работать через день?

- То есть как, то ты думаешь, не стать ли тебе директором вместо меня, то просишь, чтобы я разрешил тебе работать на полставки.

- Да.

- Нет. Нельзя.

- Тогда я уйду.

- Уходи.

На следующий день, когда Игорь приехал на работу, дверь офиса оказалась заперта. Объявление гласило: «Кредитная контора «Полтавский» временно не работает.

- «Хорошо хоть, что деньги догадался забрать», - подумал Игорь. За несколько дней работы набралось почти полтора миллиона рублей. В сейфе оставалась только сумка с деньгами Липского.

Несмотря на объявление, в коридоре продолжали толпиться несколько вкладчиков, самые упорные, которые все еще надеялись, что все как-нибудь образуется и фирма сейчас откроется, что кто-нибудь придет и возьмет их деньги. От фирмы они ждали спасения, хотя инфляция давно перевалила за сто процентов. Но – надежда умирает последней. На бирже проценты были намного ниже.

- Фирма сегодня работать не будет, - торопливо объявил Игорь. – Мы переезжаем. Откроем недели через две-три, обязательно, в другом месте. Где, пока не знаю. Следите по газете «Из рук в руки».

- А вы директор? – спросил один из вкладчиков, невысокий пожилой мужчина с бородкой. Вы уже держитесь. Не поддавайтесь этому государству. Оно всегда что-нибудь придумает, всегда обманет. Как пить дать. Сталинские облигации лежали чуть ли не до этих пор. А павловская реформа⁶⁸? Вот сукин сын. Прямо по телевизору было видно: жулик и негодяй. А сейчас эти... Реформаторы... Тоже жулье... Как посмотрю по телевизору, плакать хочется.

⁶⁸ Павловская реформа – денежная реформа, которая проводилась в течение трех дней (23-25 января) 1991 года. реформа была подготовлена министром финансов В.С.Павловым, который за несколько дней до этого (14 января 1991 года) стал председателем совета министров, введено в действие указом М.С.Горбачева и носила конфискационный характер. Целью реформы было избавиться от избыточной массы денег, однако официально она мотивировалась тем, что, якобы, в СССР завезено из-за границы значительное количество фальшивых купюр. Из обращения изымались и подлежали обмену, который был значительно ограничен (по срокам – три дня); суммой 1000 рублей на человека; разрешение на обмен больших сумм давали специальные комиссии). Одновременно были ограничены суммы наличных денег, доступных для снятия в Сбербанке СССР – не более 500 рублей в месяц. В результате «реформы» были изъяты из обращения около 14 миллиардов рублей, но главным последствием «обмана» денег стал подрыв доверия населения к власти. В продолжение павловской реформы со 2 апреля 1991 года были установлены новые цены, примерно в три раза выше предыдущих.

Депутаты... Да откуда они все взялись? Цены во сколько раз выросли... У нас в Егорьевске не подступиться. За что же такая напасть? Только на вас и надежда. Всю жизнь копил...

- Постараюсь. Спасибо, - растроганно пообещал Игорь и пожал протянутую руку. Рука была мозолистая, крепкая – простой мужик, подмосковный. «Народ, - подумал Игорь, - народ. Теперь они верят. А недавно еще, на выборах, голосовали за КэГЭБэшника. Да он, Игорь, и не знал, о чем с ними говорить. И Клейн не знает. Народ – не «Московская трибуна». А кэгэбэшник с мегафоном ходил по подъездам и обещал посадить цветы и покрасить скамейки. Много ли народу надо?

Свобода, демократия, многопартийность- для них слишком абстрактные слова. Говорить нужно было о чем-нибудь более конкретном». Но о чем, Игорь не знал.

Через минуту коридор был почти пуст. Игорь хотел уйти, но его перехватил молодой человек лет тридцати с небольшим, коренастый, уверенный, назвавшийся Виктором.

- Я вчера случайно подслушал разговор. Ваш парень, кассир наверное, велел девчонке забрать деньги из сейфа. Говорил, что завтра они поменяют директора, то есть вас, наверное?

- Нет, это я их поменяю. С деньгами все в порядке, - резко сказал Игорь- У меня есть хороший офис на Семеновской недалеко от метро. Там, если знаете тот район, Госкомитет. Они сами переехали в новое здание, а старое сдают. Прямо могу вас свести с Ольгой Петровной. Это ее площадь.

- Да, это то, что нужно, - обрадовался Игорь. Все решалось самой собой. Виктор оказался ценным малым. Кроме офиса, у него имелся склад в Сокольниках, а сам Виктор собирался заняться торговлей. Товары находились там же, на складе, принадлежавшем фирме «Дизель», их можно было перепродавать, там были все знакомые Виктора, а жена его заведовала складом.

Игорь еще разговаривал, когда заметил, что его дожидается секретарша. У нее для Игоря оказалась повестка из милиции. Так что, едва простившись с Виктором, пришлось неожиданно-негаданно отправиться в отделение. В милиции Игоря тотчас провели к оперу. Тот был в штатском, усталый, маленький человек, с красными глазами, от которого сильно пахло табаком, он сидел за заваленным бумагами старым столом.

- Игорь Григорьевич? – спросил опер без всяких эмоций. На вас поступило заявление от гражданина Бориса Львовича Липского, - опер поискал на столе заявление. – Пишет, что вы похитили у него миллион рублей. – Он снова посмотрел в листок. – Девятьсот восемьдесят пять тысяч.

- Он может все, что угодно писать, но вы ему не верьте. Он привез из Королева сумку с деньгами, хотя, возможно, не из Королева, и поставил в мой сейф. Отказался отвечать, откуда у него деньги и предъявить документы. У меня подозрение, что он сделал дубликат с моей печати и действовал от имени моей фирмы. На контакт он не идет. И сколько у него там денег, я не знаю.

- Если вы не отдадите ему деньги, мы вынуждены будем завести уголовное дело. Вам это надо? Это его деньги, а украл, не украл, это время покажет. Нужно будет, расследуем.

- Вот и расследуйте.

- Знаете, что, - рассердился опер, - разбирайтесь между собой сами. У меня тут два убийства за сутки, перестрелка, грабеж... А вы не можете между собой договориться. Мне все равно, откуда у него деньги, если нет заявления. Скажите спасибо, что он честно написал девятьсот восемьдесят пять тысяч. Ведь мог написать и пять миллионов. У него есть свидетели, эти ваши засранцы-кассиры, где вы их только нашли? Пришли, голубки прямо. Вы очень хотите, чтобы я открыл уголовное дело? Открыть легко, закрыть трудно, вы не знаете еще, во сколько это вам встанет.

Он сейчас подойдет, верните ему его сумку, а он заберет заявление.

Игорь почувствовал, что нет у него сил сопротивляться этому усталому, с воспаленными глазами человеку, да и не станет тот разбираться и, самое главное, он сам по неопытности все

сделал не так – нужно было создать комиссию, пригласить того же Хвана, пересчитать деньги и составить официальный акт, но – ничего этого сделано не было и Липский, если захочет, в самом деле напишет, что оставил в сейфе пять миллионов. Неясно было только, зачем Липский вообще оставил деньги?

Липский появился почти сразу, будто сидел и ждал звонка. Он и живет где-то рядом. Он, возможно, давно знает этого опера.

- Полтавский вам сейчас вернет деньги из сейфа. Потом вернетесь сюда и заберете заявление, - сказал опер.

- Нет, я не верну деньги без расписки, я ему не доверяю, - Игорь решил твердо стоять на своем. От Липского в самом деле можно было ждать любого подвоха.

- Хорошо, он напишет расписку, - согласился опер.

Теперь, однако, заупрямился Липский.

- Пусть гражданин Полтавский при вас принесет мне извинение. Меня из-за него уволили с биржи.

- Да пошел ты, - не выдержал Игорь.

Глава 5

Квартиру у Александра Игорь снимал месяца три, на этом его работа с недвижимостью на время закончилась. Рынок только начинался, сделки случались исключительно редко, всего несколько в день на огромную Москву, на Зеленом проспекте, где располагался первый и единственный центр оформления недвижимости – «Мосприватизация» - было почти пусто, лишь появлялись первые фирмы – Игорь до конца жизни запомнил названия: «Юридическая помощь», «Московская биржа недвижимости», вскоре превратившаяся в «Буржу⁶⁹», «Российская биржа недвижимости». Дя, еще биржа, еще как следует не разобрались. «Юридическая помощь» через год-два исчезла, где уж было серьезным законникам-юристам угнаться за приткими, ловкими риэлторами или черными маклерами, зато «Российская биржа» каким-то боком оказалась связана с МИБ, а потому Игорь посещал ее вместе с Вадимом Петренко. Их, естественно, больше всего интересовала картотека, которую обещали предоставлять акционерам. Но то – на словах.

Командовал биржей бывший чин из КГБ, еще недавно следивший за творческой интеллигенцией. Известный конспиратор и бизнесмен, в недалеком будущем обернувшийся дельцом. Но это все – суды. Тяжбы, митинги, уголовные дела, голодовки обманутых дольщиков – все было еще впереди. Впрочем, может и сейчас – имелись какие-то тайные объекты, в стране вовсю шла распродажа: оказавшиеся ненужными военные городки, неизвестные полигоны, дома офицеров, общежития, - все за бесценок шло с молотка. Игорь с Вадимом могли только догадываться. Да, были неясные намеки. Однако откуда у него деньги, с кем работал, кто и кого крышевал, что отмывал, как вообще устроена была биржа. Бог весть, загадка, обернутая в тайну, ни одного продавца или покупателя Игорь с Вадимом так и не встретили. Зато секретность невероятная. Посмотреть картотеку квартир требовалось специальное разрешение. Писать заявление следовало на имя главного хранителя «архива» - картотека так и называлась : «архив» - тот, хранитель, бывший стукач с лейтенантскими погонами, маленький злой человек, в течение двух суток обязан был отнести заявление на подпись к «самому». Полковник из бывшего пятого отдела «рассматривал» и только потом можно было получить адрес и короткую выписку. Естественно, под расписку.

⁶⁹ Переименование из «биржи» в «буржу» было связано с новым законом о биржах, который ограничивал использование термина «биржа» - только для собственно бирж. При этом было уточнено, где могут использоваться принципы биржевой торговли.

Все устроено было так нелепо, во всем – такое бюрократическое безумие, что Игорь с Вадимом вскоре ретировались.

- Это все, где нас гоняли, похоже на прикрытие, - предположил адим, а сами делают совсем другие дела.

- Какие?

- А вы не заметили во дворе БТРы, штук пять или шесть? Вот ими, скорее всего, и торгуют. Как «АНТ»⁷⁰.

Да, «АНТ», скандал был не шуточный. «Плачущий большевик»⁷¹. Продавали танки с Уралвагонзавода. Но и из Западной группы войск тоже. Впрочем, танки только маленькая деталька. Трамплин для Полозкова⁷², удар по кооперативам. И по Горбачеву? По перестройке? На самом деле через государственно-кооперативное объединение происходило безлицензионный экспорт металлов, сырья, на доллары закупали товары народного потребления и оргтехнику⁷³, - прибыль достигала многих сотен и тысяч процентов. Так, через коррупцию и связи на самом верху, начинала формироваться новая крупная буржуазия. Советская еще, доельцинского призыва.

Торговал ли, нет ли БТРами бывший борец с интеллигенцией Сухоцкий – хотя, как известно, бывших чекистов не бывает – Игорь был уверен, что странная биржа должна была вскоре исчезнуть – разориться или кануть в Лету, как множество фирм-однодневок, декорации менялись чуть ли не еженедельно, но... Каково же было его удивление, когда лет через пятнадцать он увидел вывеску со знакомым названием. Правда, совсем в другом месте. Первая располагалась в гостиничном комплексе в районе ВДНХ, вторая – в офисном комплексе на Таганке. На бирже было по-прежнему пусто, лишь несколько молодых людей стучали по клавишам компьютеров.

В девяносто втором совсем другие открывались перспективы. Игорь забрал с собой гутмановские стулья и сейфы, столы пришлось бросить – Александр с ребятами их разломал и выбросил на помойку. В Госкомстате были другие столы, казенные, с некрепко прибитыми бирками.

За три месяца ни одной сделки. Рынок начал оживать только осенью, однако к тому времени Игорь уже закрыл «богательню». Но ему повезло – он успел купить квартиру для Аси и Артура. Один из самых первых. Почти случайно. Это была его первая сделка: «первый блин». К тому же особенная: в рублях. Степная хотела только рубли. В последующие годы у Игоря было много сделок. Ему еще предстояло стать риэлтором. Но в рублях ни одной сделки больше неп было. Деревянный в девяностые надолго вышел из доверия.

В тот день Игорь ближе к вечеру пришел в офис и почти сразу раздался звонок.

⁷⁰ «АНТ» - кооператив «АНТ» («Автоматика. Наука, Техника» или «Авиация. Наука. Техника»), зарегистрирован в 1987 году. В 1988 году перерегистрирован в кооперативное производственно-техническое объединение, а затем в промышленное государственно-кооперативное объединение, причем исключительно важную роль в обеспечении деятельности «АНТа» играли «покровители» из спецслужб, правительства и ЦК КПСС. В 1989 году объединение «АНТ» получило право на осуществление внешнеэкономической деятельности и значительные льготы (освобождение от таможенных досмотров, на концерн не распространялись ограничения, введенные в области внешнеэкономической деятельности в 1988 году, разрешительные документы по деятельности «АНТа» подписывались на самом высоком уровне, в том числе заместителем председателя совета министров СССР.

⁷¹ «Плачущий большевик» - председатель Совета министров СССР Н.И.Рыжков на III съезде Народных депутатов СССР, отвечая на вопросы по поводу нарушений, допущенных с межотраслевым государственно-кооперативным объединением «АНТ» и возможной коррупции, заплакал.

⁷² Полозков Иван Кузьмич (1935) – советский партийно-государственный деятель. В 1985-1990 гг. – первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС. В 1990-1991 гг. был первым секретарем ЦК только созданной коммунистической партии РСФСР. На съезде I съезде народных депутатов РСФСР, проходившем 16 мая – 22 июня 1990 года, баллотировался на пост Председателя Верховного Совета РСФСР, являясь основным кандидатом консервативных сил, причем его соперником был Б.Н.Ельцин, но в решающий момент его кандидатура была заменена.

⁷³ В ряде случаев «АНТу» было позволено производить безденежные бартерные сделки, что позволяло концерну уходить от налогов и во много раз увеличивать собственную прибыль.

- Хотим сдать квартиру. Мы уезжаем в Тульскую область собираемся заняться фермерством, - Степная выпалила все сразу, будто за ней гнались, и голос, показалось Игорю, неуверенный, сомневающийся. Лет на сорок-пятьдесят.

- Мы квартиры не сдаем, - он был разочарован: еще один пустой звонок. И спросил на всякий случай. - А продать вы не хотите?

- Продать? - она колебалась с минуту. - Да. я забыла, мы в самом деле думали продать. Все не можем решить. Сдать - это раньше. Хотели насовсем уехать из Москвы. У нас и родственники все в Тульской области. Мы совсем недолго живем в Москве. Я Москву не люблю. Люди здесь нехорошие, недобрые...

- Так вы будете продавать?

- Да, наверно, - сказала она неуверенно. - Если сын согласится. Мы собирались фермерствовать. И притом, армия...

- Как вас зовут? Меня - Игорь Григорьевич.

- А я - Надежда Сергеевна Степная. Если я не перезвоню, вы сами позвоните через два дня.

Игорь перезвонил. Они - Степная и сын, Травкин - к тому времени окончательно решили продать квартиру и стать фермерами, выращивать овощи, а заодно кроликов, кур и свиней. Не только сами, подключить к делу множество родственников, целый кибуц. Так и сказала: кибуц. Недаром Руцкой недавно ездил в Израиль, смотрел и был в полнейшем восторге, ну а мы-то что, русаки, мы ведь не хуже работать умеем, из крестьян, а заодно купить трактор. Нужно, мол, поднимать родную деревню. Родители живут недалеко, в Плавске, а родственники, два с сыновьями, и сестры двоюродные - в Диктатуре. И свояки тоже.

- Где, где? - переспросил Игорь.

- В Диктатуре. То ли поселок такой, то ли село. Там и земли полно. Вся сорняками поросла. Колхоз был, разбежался. Нас давно зовут из Москвы. На свое хозяйство. Мужики там все пьют, сидят без работы. А земля плачет. Как объявил Горбачев антиалкогольную компанию, человек пять потравилось. С церковью как посбрасывали кресты, нечистая сила стала гулять. До полной порухи.

Цену, однако, она просила рыночную, но - нормальную, не завышенную, да и выбирать было не из чего. Зеленый проспект⁷⁴ открылся только несколько месяцев назад, приватизация жилья только начиналась. Нужно было покупать, но - Степная просила два миллиона шестьсот тысяч, цены день ото дня росли, а у Игоря был только один миллион шестьсот тысяч. Приходилось облизнуться и искать покупателя, чтобы что-то заработать.

Покупателя Игорь нашел в первой же газете: Владимир Александрович готов был купить любую квартиру, даже после пожара, в любом состоянии. Показывать Игорь пошел сам. ему было интересно. К тому же почти рядом он снимал квартиру для Аси.

Так впервые увидел Игорь сразу - и Степную, и Хвоинского, он потом много намучился с каждым из них. Но то - потом...

Степная сразу показалась Игорю странной: в платочке - богомолка, что ли? С неестественно прямой, деревянной спиной и пугливым, прячущимся взглядом выцветших светлых глаз. «Будто выплканых», - подумал Игорь, - глаза она постоянно отводила. Ну, что еще: коса была русая, из-под платочка, руки с тонкими, нервными пальцами. Игорь не придал бы значения, но Хвоинский - тот сразу определил, тот был психолог: гадалка или скорее знахарка, ведунья, обнаружил в ней что-то колдовское.

- С чего вы взяли, Владимир Александрович?

- Так. Увидите. Показалось. Интуиция. Ошибаюсь редко, - говорил весомо. Может, травки какие заметил приворотные? Да, лежали какие-то в пакетиках, много, Игорь не придал

⁷⁴ Зеленый проспект - на Зеленом проспекте, дом 20 открылся первый в Москве офис Москомприватизации.

значения. Он не верил во всю эту хиромантию. Это все сразу вылезло в конце перестройки или чуть позже, вместе с боженькой: президент со свечкой в руке и всякие заговоры, знахари, ведуны, привороты, повезло сквозь распоротую ткань прежней скучной, «правильной» жизни. Да, полезло наружу все, не остановить.

Это уже позже узнал Игорь от соседей, даже не он, а Ася – Степная и в самом деле была ведунья, знахарка. Но – дурная. Она не то, чтобы свихнулась, нет, но всегда была странная, а еще больше после мужа, и сторонилась соседей. А тот, бугай, супруг ее или сожитель – о том история умалчивает, – но фамилию носил другую, Травкин, был милиционер – хам, злобный, бил и бил ее с сыном, и на работе свирепствовал тоже. Так вошел во вкус, что стал насиловать в отделении малолетних преступниц. Те, по большей части, были проститутки, молчали, пока он досмерти не замучил одну, и тут уж вс сразу закрутилось – его посадили, а вскоре нашли в петле. Признали самоубийством, хотя, подозревали, могли следы заметить, не он один замешан был в этом деле, но могли и уголовники свести счеты с ментом. В общей камере сидел. Но то – потом узнал Игорь. Да и не имело это прямого отношения к Степной. Хотя, соседи говорили: прокаженная квартира. Вроде кто-то еще до Степных умер, тоже наложил на себя руки.

Вот тогда и познакомился Игорь с Владимиром Александровичем. Покупать квартиру тот не стал, но телефон оставил. Узнал, что Игорь Полтавский занимается квартирами, да еще при кредитной конторе и через некоторое время позвонил сам. Оказалось, не простой фрукт.

После этого просмотра и решил Игорь купить квартиру. Степная, вопреки тому, что говорил Хвоинский, Игорю понравилась: скромна вроде, боязлива, крест носит⁷⁵, с такой можно договориться. И предложил: миллион шестьсот – сейчас, а еще миллион – вложить на год под сто процентов годовых в финансовую компанию «Кредитная контора Полтавского». В тот момент он как раз переезжал а Кирпичную улицу.

Сделка состоялась дней через десять. Нотариус была Игорева знакомая Светлана Александровна Крюкова, веселая, общительная, от той самой дамочки-бухгалтера, которую всякий раз увозили на «Волге» и которая посоветовала Игорю Наталью Ивановну. Крюкова второй день находилась в декрете и на работу идти не захотела, а потому договор принесла прямо в скверик, там, на скамеечке и поставили свои подписи Игорь и Надежда Сергеевна, за себя и за своего несовершеннолетнего сына Травкина. Тот находился здесь же, при ней. Два месяца назад Сергею исполнилось семнадцать и мать спешила его увезти подальше от московских военкоматов и от распадающейся, голодающей армии, которой они боялись панически. Степная рассказывала Игорю, что недавно в воздушно-десантном полку в Германии убили ее любимого племянника. Он мог не идти, в Плавске у них родственник бывший военный, ему ничего не стоило договориться за магарыч, но Юра сам захотел, мечтал выбиться в люди, другого пути у него не было – и вот, забили прямо в казарме.

Все в тот день прошло хорошо. На Зеленом было пусто, договор зарегистрировали часа через два, затем поехали на Чертановскую, где Игорь выложил перед Степной портфель с деньгами. На столе к тому времени ожидала закуска: помидорчики, огурчики, грибы, картофель в мундире, салат, водка. Закуску приготовила гостившая у Степной родственница. Она была уже слегка навеселе и радовалась договору очень бурно...

...За день до того Игорь с Виктором и Вадимом ездил на Фрунзенскую обменивать доллары на рубли. Ребятам, видно, что-то перепало, во всяком случае они охотно откликнулись на Игореву просьбу. Валютчик у них был свой, проверенный, с давних пор, когда еще за валюту светила статья.

- Он, Данил, один из последних сидел за валюту, – весело тараторил Виктор, крутя баранку. – Даже после того, как статью декриминализировали.

⁷⁵ В 1992 году крест практически никто не носил. Мода на православие возникла несколькими годами позже.

Я ведь тоже – бегунком бегал по молодости. Все больше по Тверской с иностранцами, еще помню, в университете Лумумбы, там хорошие ребята были у меня, пока не загремел в армию. А вернулся, афганец, комсомолец, при медалях, там пошли совсем другие дела. Центра НТТМ⁷⁶, небось слышали?

Вы не знали наверняка, я вижу: человек серьезный, правильный, а в Союзе такая шла фарцовка, и валютные дела тоже, больше всего царские золотые монеты возили из Польши, часы швейцарские, записи иностранные, типа «Абба» или Битлз», джинсу, тряпки – больше всего через Одессу. На Привозе все можно было достать. Вокруг «Березок» толпились, в Киеве они «Каштанами» назывались. Чеки, грины⁷⁷, жоржики⁷⁸. За доллар официально давали пятьдесят копеек, а на рынке – в десять раз больше. Опять же, проститутки, молоденькие девчонки, студентки, им всем гринами платили. У меня тоже была одна, хоть в комсомоле...

- Да, я знал немного, - прервал его Игорь. – У меня сын знаменитого композитора Глиэра, покойного, лечился. Он платил чеками, которые получал за отца. «Березка» была на Таганке. Так он, знаете, чем гордился, не раз рассказывал? Что его мать, тоже известная пианистка, не побоялась подать руку Шостаковичу, когда того травили, якобы за формализм. Другие ближе, чем на десять метров не подходили. Зал был полный, сесть негде, а вокруг Шостаковича пустые места.

- Всякое бывало, - важно сказал Вадим. – Я знал одного воротилу, вернее, так, отцов родной брат, дядька мой. Отец у меня с матерью в разводе. «Купец», на ихнем языке. Это, значит, самый главный. Миллионами ворочал. Позже в Штаты уехал, сделал документы, будто еврей. У него крыша была на самом верху. Только недавно вернулся. На бирже теперь, скупает ценные бумаги. Металлами занимается. У них общак в Бруклине. Меня не раз приглашал. Только у них тут каждый день трупы. Он с охраной ходит, спереди, сзади, а все равно боится.

- Да, - засмеялся Виктор. – Данил этот тоже был немаленький человек. Мы, можно сказать, вместе начинали. Потом он шефом стал. Человек тридцать на него работало. А у купца, что над ним, родня была в милиции. Впрочем, крутились. А теперь доллары везут через Будапешт. Прямо из Америки. Купец тот, что над ним, сейчас банк открывает, а за безопасность у него отвечает тот самый жмур, что когда-то Данила посадил. Мелочевка теперь больше не нужна, все эти студенты арабские, офицеры... Воевать так и не научились, суки, зато в торговле сильны. А Данил сильно отстал за эти два года. теперь в машине сидит, по мелочи, а другие, кто вровень с ним были, уже на бирже купили места, фирмы пооткрывали, из Китая шмотье возят, из Турции...

На Фрунзенской площади вплотную друг к другу, стояли машин шестьдесят: «Жигули», «Волги», но встречались и «Мерседесы», и «Вольво», и «БМВ». Между машинами расхаживали ребята с горами мускулов.

- Их милиция крышует, - весело сообщил Виктор.

- Вместе с бандитами. Ашота Меграбяна не слышали? Он много чего держит. Ярмарку в Коньково на паях, ярмарку в Сокольниках. Палатки на Арбате и на Кутузовском проспекте. С самим Чичковым дружит. Тот ему и сдал все палатки в аренду. К обедне вместе ходят, общаются.

- А кто это, Чичков? – заинтересовался Игорь.

⁷⁶ Центры НТТМ – научно-технического творчества молодежи. Возникли в СССР в годы перестройки в соответствии с постановлением Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ № 321 от 13 марта 1987 года. это были коммерческие учреждения, создававшиеся при райкомах комсомола. Хотя по уставу средства Центров НТТМ могли вкладываться только в производство и в научные разработки, фактически они очень скоро превратились в центры обналички и отмывания денег, перепродажи закупленного по госцене сырья. Центры НТТМ были освобождены от уплаты налогов, имели ряд льгот и стали колыбелью будущей российской «элиты». Общее руководство центрами осуществлял ЦК ВЛКСМ.

⁷⁷

⁷⁸

- Большой человек. Префектура контролирует. Правая рука у Лужкова. Похожа на самого, говорят, как две капли воды.

- Двойник, что ли?

- Да бог их знает. Двойник, родственник, холуй. Они мне все на одно лицо. Все – суки, все – воруют. Время теперь такое, чтобы воровать.

Слышь, Виктор. – Вадим деланно засмеялся, - у меня вчера пацаны фирменный знак свинтили от «Мерседеса».

Данил, валютчик со стажем, о котором рассказывал Виктор, оказался совершенно неприметным, как и положено было при его прежней профессии – через полчаса Игорь ничего о нем не мог вспомнить, кроме быстрых и ловких рук. Они словно действовали сами: пересчитали доллары, записали цифры в блокнот, выдали рубли, которые через день Игорь передал Степной.

Надобность съездить к Данилу появилась у Игоря только месяцев через восемь. Игорь позвонил Виктору, но на сей раз тот разговаривал неохотно: сообщил, что Данил недавно уехал в Венгрию, в Москве у него возникли какие-то проблемы, а Вадима ограбили и убили. Но милиция не стала искать. Возбудили висяк, а через месяц-другой закрыли. Не российский, мол, гражданин, пусть эстонцы и ищут.

- У них что, самообслуживание теперь? – спросил Игорь.

- Еще какое самообслуживание, - мрачно подтвердил Виктор.

... Они, видно, очень боялись, Степная и Травкин, хотя и старались не показывать, но – лезло... Травкин даже намекал несколько раз про бандитов довольно несвязно, а тут сразу стали улыбаться и Степная тотчас поделилась, что купит всем беспутным родственникам подарки и сделает шикарный ремонт в Диктатуре – там стоит еще дедов дом, раскулаченный, дед у Степной не был богатеем, но – культурный хозяин, закончил агрономические курсы, читал много и дослужился до унтер-офицеров, - в доме много лет был то сельсовет, то изба-читальня, пока не сожгли. Сгорела, однако, только часть дома, на другую «пожар не пошел», залили ведрами, да засыпали лопатами, теперь хотят отдать все почти за бесценок. Да, все почти погорело в Диктатуре: храм, что давно стоял без креста и лет десять служил конюшней, колокольня и даже фельдшерский пункт – без Бога разгулялся народ, все порушил, даже кладбище, одно время даже плиты стали исчезать по ночам; да сейчас там и не осталось никого, только пни вокруг торчат вместо бывшей барской рощи. А им, то есть Степной с сыном, и не нужен никто – лучше куры да свиньи, чем люди, те не пьют.

Недели через три Степная отдала ключ. Игорь обрадовался. С ключок он почувствовал себя полноценным хозяином квартиры. О прописке он и не вспомнил: думал, сам потом выпишет.

Вещей у Степной оказалось немало, одних холодильников «Стинол» шесть штук. Игорь думал, что для хозяйства, но оказалось – подарки родственникам.

- «Ни на какое хозяйство не хватит, если так будет шиковать», - Игорь почувствовал легкое беспокойство, но промолчал. Не его дело.

Месяца через три, после родов уже, позвонила Светлана Александровна, нотариус. Сообщила, что забыла про разрешение из опеки. «Только первая сделка, - оправдывалась она. – Я еще не знала. Это потом нам прислали инструкцию. Попробуйте, Игорь Григорьевич, договориться с бывшей хозяйкой. У вас вроде хорошие отношения».

Игорь звонить не стал. Не стоило их пугать зря. Неизвестно, как себя поведут. Степная и Травкин должны были приехать за деньгами.

Получив свои двести пятьдесят тысяч, они прямо-таки лучились от удовольствия. Игорь завел Надежду Сергеевну в кабинет.

- Надежда Сергеевна, - сказал он ласково, - мы, когда покупали квартиру, упустили разрешение из опеки. Вы не могли бы съездить со мной? – Игорь уже съездил сам. В отделе опеки сидела золотозубая женщина. На обращение Игоря она только замахала руками.

- Да вы что? У меня тут прокуратура. Каждый месяц смотрят документы. Я никаких взяток не беру. Боюсь.

Все-таки, если подкатиться к ней со Степной, возможно, удалось бы договориться. Перед Бенджамином Франклином⁷⁹ мало кто мог устоять.

Но Степная возмутилась:

- Я – мать, а там какие-то чинуши будут мне запрещать? Они мужа моего убили, сволочи. Сами делали черт те что, а потом на него все и свалили. Не пойду я к чинушам.

Игорь не стал уговаривать. Он понял: не пойдет. Он благоразумно перевел тему, не стоило слишком привлекать ее внимание. Пока ведь ничего не предвещало. Пока они приезжают за процентами, они не станут судиться. Да и выбора у Игоря не было.

- Как ваше фермерство, Надежда Сергеевна? – спросил он.

- Да никак пока. Сидим у родителей в Плавске. Родители болеют. Старые. Родственникам пришлось занять миллион. Обещали отдать к весне. А пока сидим. Да и, знаете ли, Игорь Григорьевич, на деньги все слетелись, будто мухи на мед, всем нужно помочь, а как нам – никто, работать не хотят люди. Пьют только. Дом нужно строить, а – некому. Ни одного работающего мужика. Может, весной...

Игорь промолчал. Он почувствовал: пахнет жареным.

Глава 6

Старое здание Госкомитета показалось Игорю обшарпанным и древним, чуть ли не ровесником Немецкой слободы⁸⁰, это было типичное советское здание коридорного типа, где в одинаковых комнатах еще недавно сидели статистики с арифмометрами, амбарными книгами, сводками, с множеством таблиц и бумаг – и все лениво считали и вечно пили чай с печеньем, сводя в колонки бушевавшую за окнами жизнь. Именно здесь по заданиям сверху реконструировали историю. Иные задания приходили прямо из Госплана, другие – из Совмина или из Отдела пропаганды ЦК. Для пропагандистов, журналистов и плановиков существовали разные коэффициенты: «половинные», «единички», «полуторки», «облагораживающие», как говорили иногда на местном особенном сленге.

Это здесь, по этим коридорам и старым дверям, в тридцать седьмом прокатились волной аресты и была расстреляна вся верхушка советской статистики⁸¹. Собственно, со статистиков и начался тридцать седьмой год – статистики оказались виновны в том, что страна недоисчислялась миллионами людей. Что сквозь колонки цифр проступал голодомор. Демография, увы, не сумела скрыть историю и оттого перепись населения⁸² была признана дефектной, будто ее направляли враги. «Вредительство» - это слово сурово витало в воздухе. С тех самых пор

⁷⁹ Портрет Бенджамина Франклина, одного из отцов-основателей США, изображен на 100-долларовой купюре.

⁸⁰ Немецкая слобода – место поселения иностранцев в Москве в XVI-XVIII веках (немцами называли всех иностранцев-европейцев), располагалась в северо-восточной части города на правом берегу Яузы, близ ручья Кукуй, недалеко от нынешних Измайлово и станции метро Семеновская.

⁸¹ Первыми «вредителями» за «вредительски организованную перепись населения» 6 января 1937 года были признаны ответственные за организацию переписи О.А.Квиткин (начальник Бюро переписи населения Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ СССР), М.В.Курман (начальник сектора населения), Л.С.Бранд (Брандгендлер) – зам.начальника Бюро переписи населения, И.М.Обломов и другие. Чуть позже был арестован и расстрелян начальник УНХУ Госплана СССР И.А.Краваль. Аналогичные «разоблачения» прошли по всем уровням УНХУ СССР и союзных республик, сопровождаясь арестами и расстрелами.

⁸² Результаты переписи населения 6 января 1937 года были в основном объявлены заранее и преподносились как большая победа советского строя, однако действительные результаты переписи обнаружили значительный «дефицит» населения. Повторная «скорректированная» перепись населения была осуществлена в 1939 году и дала «нужные» результаты.

цифры были беспощадно засекречены. И только в подвалах, говорили, среди старых бумаг, все еще под грифом, каждую весну на стенах проступала кровь и по ночам в старом здании бродили неприкаянные тени казненных. Вот они сидели здесь, в этих комнатах – и вот их навсегда увели...

Словом, то было здание с историей: унылый коридор с дощатым полом и облупленные двери с двух сторон. На втором этаже размещалась регистрационная палата: там с утра и до вечера змеилась очередь к заветному окну – будущим бизнесменам, не торопясь, выдавали коды ЕГРЮЛ⁸³ и какие-то еще. Стоявшие в очереди не знали, зачем нужны эти коды и лишь немногие догадывались, что значит «ЕГРЮЛ», но толкотня от этого не становилась меньше. Там же на втором этаже шла бойкая торговля: свитера из Монголии и Китая, иранская шерсть, рубашки из Турции и Таиланда, часы из Гонконга, трусы и майки из Поднебесной, футболки и кофточки с блестками из Польши, экзотические медикаменты, лечебные травы, дешевая бижутерия, косметика, старые книги с какого-то склада, презервативы, противозачаточные кремы, брошюры «Царства Бога»⁸⁴ и «Адвентистов седьмого дня», книжки писателя-антисемита Климова «Протоколы советских мудрецов» и «Красная каббала», корень йохимбе, пилюли от СПИДа, приворотные зелья, средства от импотенции, женское белье, порошки от тараканов, спирт «Роял», ликеры из Чехии и знаменитый «Амаретто», «Рижский бальзам» и загадочные нэцке – в се это горами лежало на витрине у обольстительной девушки Люси и ее помощниц, успевавших флиртовать, многообещающе улыбаться и считать деньги – в сущности, это была типичная ярмарка, возникавшая в те годы всюду, где могло оказаться хоть несколько человек.

Вход в здание, где раньше сидел суровый ВОХР, ныне из экономии охраняла одна лишь тетя Глаша – ввиду невозможности остановить поток она добродушно пила чай и вполглаза смотрела в документы, если их ей показывали, словом, охраны, можно считать, не было никакой, не то что с другой стороны с Измайловского шоссе, где располагался славный вход в новое высотное здание. Там находилось бюро пропусков и дежурили несколько вооруженных охранников.

- Между зданиями есть проход через двор, - сообщил Виктор. – Все, кому не лень, ходят этой дорогой, с тыла.

Однако Игорь пока не думал об охране. Ему, наоборот, нужно было, чтобы люди свободно могли прийти. А охрана – когда-нибудь потом. Все еще было впереди.

Третий и четвертый этажи арендовали фирмы. Виктор провел Игоря по коридору. Игорь с любопытством читал таблички. Одна фирма торговала по почте мумиём, другая – экзотическими семенами, третья занималась регистрацией фирм («Ребята здесь раньше работали. Всех знают. Любую дверь открывают ногой, - сообщил Виктор. – Те же коды ЕГРЮЛ делают за час»), четвертой фирмой было брачное бюро («Сводники», - сообщил Виктор. – Бабы на любой вкус»), пятая фирма как-то была связана с таможней.

- А эти что? Освобождают от досмотра? – спросил Игорь.

- Ты прямо в десятку попал, - ухмыльнулся Виктор, переходя на «ты».

- Да, пристроились, никто ничего не производит.

- Рыба ищет, где глубина, а люди, где лучше, - философски заметил Виктор.

Ольга Петровна, хозяйка комнат, ожидала на четвертом этаже. Она заведовала отделом в Госкомстате, который считал комбайны и тракторы, раньше здесь сидели ее сотрудники, но теперь отдел почти полностью сократили, а остатки отдела переехали в новое здание. Ольга Петровна была спокойная, интеллигентная женщина, она только улыбнулась, когда Виктор сострил, то теперь ее отдел перешел на учет депутатов – Ольга Петровна очень понравилась Игорю и он быстро с ней договорился. Снял две большие комнаты рядом.

⁸³ Коды ЕГРЮЛ – единого государственного реестра юридических лиц.

⁸⁴ «Царство Бога», «Адвентисты седьмого дня» - тоталитарные секты.

- А третью комнату не хотите? – любезно предложила Ольга Петровна. - Как раз под ваш кабинет. Знаете, большому кораблю – большое плавание. Мне, конечно, ничего не стоит сдать, по несколько раз на дню спрашивал, но – у вас ведь финансовая компания, может и нам что-то достанется подработать. А то, всю жизнь на зарплате, до последнего, а люди вон как. Мы тоже учимся понемногу. Комната последняя, больше нет.

- Я хочу посмотреть, как пойдут дела, - осторожно сказал Игорь.

- Ну что ж, посмотрите. Я пока придержу, - в ней было что-то ласковое, теплое, и собой неплоха. Разве что чуть-чуть полновата.

Ольга Петровна откланялась и ушла «считать» в свое здание.

- Ты не понял еще? – спросил Виктор, когда она ушла. – Хорошая баба. Была замдиректора по экономике у нас на заводе. Несколько лет как ушла. Не прогадала. Ты с ней дружи, она и с директором вась-вась.

Игорь не очень знал, для чего ему мог понадобиться директор Госкомстата, но на всякий случай кивнул. Для начала стоило подарить Ольге Петровне конфеты или духи.

Чуть ли не в тот же день с помощью Виктора Игорь набрал нужные кадры: Людмилу, Нину Ивановну, Ольгу Ивановну, Валентину. Все они были пока на одно лицо, все – молодые, симпатичные, все – с завода, из заводоуправления. Завод этот был где-то рядом, Игорь много слышал про завод, но где именно, что он выпускал, сколько людей работало на заводе, этого Игорь не знал. Вроде бы вертолеты, или только детали для вертолетов, но – действительно ли вертолеты, кто сказал про вертолеты, этого Игорь вспомнить не мог. Знал только, что завод сначала разворовали, а потом он разорился и давно ничего не производил, разве что там тайно ремонтировали машины и делали оружие для бандитов, и что люди с завода разбежались: женщины большей частью подались в торговлю, иные стояли почти рядом у метро Семеновской, мужчины же подались кто в бомбилы, кто в рэкет. Что в рэкет, это Игорь узнал скоро, когда Нина Ивановна от чистого сердца предложила ему «крышу». Игорь отказался, но они все равно пришли: молодые недоумки, они бегали по фирме, распугивая клиентов, приставали к длинноногой секретарше Леночке – Леночка чуть позже появилась; грудастенькая, улыбчивая, длинноногая, она служила украшением интерьера, - пришли даже к Игорю в кабинет; они были так пошлы, так отвратительны, с такой убогой речью, с лимитным неместным акцентом, так казались непереносимо глупы, что Игорь тотчас велел Нине Ивановне их убрать, передать боссу – и, странно, они тут же исчезли и больше никогда не появлялись, но оказалось, то эти недоумки – не самое худшее, что может быть. Но это все потом, потом...

Людмила, с шаловливыми глазами – Игорь сразу ее заприметил, - Ольга Ивановна, Валентина стали кассирами-делопроизводителями, Нина Ивановна – помощником бухгалтера, то есть Натальи Ивановны. Требовался еще менеджер, чтобы решать текущие дела и управлять очередью – сам Игорь должен был заниматься обналачкой и вести серьезные переговоры, - но среди Викторových знакомых подходящих кандидатур не оказалось, так что пришлось дать объявление в «Из рук в руки». Словом, все почти сразу наладилось, «Кредитная контора Полтавский» должна была отплыть в самостоятельное плавание, оставалось несколько дней...

А пока завершить старые дела. Первое дело – Олег, затем – доктора наук, и еще – кредиторы. Пока контора вынужденно не работала, Игорю звонили и просили принять деньги. Телефон он предусмотрительно дал кое-кому в самые первые дни на Коломенской.

Брусок Олега из таинственных сплавов находился у Липского без всяких подтверждающих документов и вексель в некотором роде тоже. То есть вексель лежал у Игоря в портфеле, но – оформлен на Бориса Львовича Липского. Якобы тому должен был вернуть деньги Олег. С опозданием до Олега дошло, что Липский может спокойно продать брусок, а потом еще требовать деньги. Игорь тоже волновался, ему было неприятно, что он позволил этому наглецу так себя провести. Выходило, что Липский умнее, чем он, нахальнее, круче, Игорю не хватило

твердости сразу все поставить на место. Теперь приходилось идти в «Роспотребрезерв» - просить их поставить аваль на новый вексель вместо старого.

Дело казалось непростое. «Роспотребрезерв» была старая фирма, с советских времен, только перерегистрированная недавно в частную. Прежний директор фирмы дружил с кем-то из азербайджанцев с биржи, вроде вместе учились, однако авалировали не просто так, за немаленький интерес – это Липский еще говорил. Игорь с Борисом – это было в недолгие дни их дружбы – вовремя подсутились, будто от биржи, Носаковский готовил какое-то письмо, носил к Хвату, вот тогда и подписали договор про авалирование векселей, но с тех пор этот директор ушел, не просто хлопнул дверью, но и капитал вывел, правда, не до конца, акционеры спохватились вовремя, словом, с тех пор как Игорь и Липский подписали договор, в компании все перемешалось. И - опять же Липский говорил – чуть ли не банкроты.

Игорю с Олегом вначале повезло. Они тянулись к новой директорше, но та не принимала – разыгралась мигрень – так Игорь с Олегом оказались у зама, Сырцова. Тот был спокойный, приличный мужик. Но, главное, знал Липского.

- А, Липский, известный мошенник. Я его как облупленного знаю, - Геннадий Матвеевич, видно, немало с Липским попортил крови. – тот еще фрукт. Тоже хотел работать через векселя. Два дня как был. Только увидел меня и ушел. Они там, на бирже все с ума посходили. Думают, все дураки, кроме них.

Вот ты, - он повернулся к Олегу, - это ты Хорошавин? Так?

- Так, - подтвердил Олег.

- Ты деньги у кого брал?

- У «ИГП «Полтавский». То есть в «Кредитной конторе «Полтавский», - поправился Олег.

- Значит, взял кредит, чтобы купить брусок, потом презанял. И все под проценты. А сам брусок где?

- У Липского.

- Вот-вот. Одна суета, а не бизнес. И так везде. Гоняем воздух по кругу. Только попробуй не верни, - это уже с плохо скрытой угрозой Олегу. – И, после паузы, - Ладно, переписывайте ваш вексель. Я аваль поставлю. Мне, в сущности, все равно. Лучше уж не этому подлецу. И вот что, записывайте адресок. Валерий Кария. Лихой парень. Он как раз с такими, как Липский, умеет разговаривать по душам.

- Спасибо, Геннадий Матвеевич, - растроганно поблагодарил Игорь. Теперь предстояло выяснить главное.

- Геннадий Матвеевич, мы сможем с вами работать дальше? С помощью векселей?

- Нет, - сурово отрезал Сырцов. – Только по страховым договорам.

- Но почему? – вот так удар. Игорь, честно сказать, ждал этого. Он только построил свою башню и вот, не начали еще работать, все рушится. Словно дом из песка.

- Потому, - резко сказал Сырцов. – Эти на бирже оказались очень умные. Таких кредитов надавали. Один бизнесмен в Смоленской области числился, станция Сафоново. Послали команду. Его там уже год как нет. Дом пустой. Взять нечего. Кругом нищета. Ни родственников, никого. Другой прячется где-то под Астраханью. Третий – в Чечне. Объявлен в розыск из-за фальшивых авизо. Они знали, что возвратов не будет. И наш бывший директор тоже. Остается узнать, сколько они распилили. Ведь не совсем же дураки...

Вернувшись домой, Игорь стал прозванивать страховые компании. С двумя из них он раньше почти договорился, но теперь, когда дошло до дела – они передумали. В других отказывались сразу. И только в одной директор обещал подумать. Положение становилось критическим. Нужно было отказаться от идеи или рискнуть и согласиться на страховые договора. Но там никаких гарантий. И наверняка суды...

Ситуация, однако, так же быстро разрешилась, как и возникла. На следующий же день позвонил Владимир Александрович Хвоинский. Тот самый, которому Игорь показывал квартиру Степной. Владимир Александрович обладал особенным чутьем. Он всегда словно чувствовал – прямо телепат, да и только, - что в нем есть нужда, и тотчас приходил на помощь – на своих условиях, правда. Он из всего умел извлечь выгоду. Лишь много времени спустя, задним числом уже, Игорь пришел к выводу, что нет бóльшего подлеца, чем Хвоинский, что ради денег Хвоинский готов на все, на любую подставу. Но это – потом. А тогда Хвоинский казался ему лучшим другом.

- Я как раз хотел вам звонить. Я, знаете, переехал с Коломенской. У меня теперь контора в другом месте. Но вот проблема: нужна страховая компания, которая станет ставить аваль. Иначе...

- Да не нужно иначе, - перебил Хвоинский. – Я вам найду страховую компанию.

- Прямо сегодня? – Игорь не мог скрыть свою радость.

- Прямо завтра можно подписать договор. Я сегодня договарюсь. Очень надежная компания.

- Спасибо, - стал благодарить Игорь.

- Да, только вот что: мне двести тысяч нужно для директора. Он, знаете, очень любит.

- А потом?

- Что потом, вы сами договоритесь. А сейчас я пока отдам свои. Только вы должны мне обещать.

- Да, конечно, обещаю. Как только подпишем договор.

Владимир Александрович, очевидно, не отдавал деньги никакому директору. Напротив, наверняка еще взял с них. Наверное не сразу. Он умел ждать. Но все равно. Он здорово выручил. Двести тысяч – это, в сущности, было не много. Гиперинфляция раскручивалась с каждым днем. В «патриотических» газетах в те дни изображали Гайдара, вращающего ее колесо, в либеральных газетах вместо Гайдара рисовали Герашенко.

На следующий день, как и обещал Владимир Александрович, они входили в офис компании «Гарант» во Втором Спасоналивковском переулке.

- Очень серьезные люди, - наставлял по дороге Хвоинский. – Из МВД. Аверьянов, зам.директора – полковник в отставке. Постарайтесь с ними дружить. Он, конечно, любит деньги, но, знаете, так даже лучше. Всегда можно договориться. «Гарант» Игорю понравился. Генерального, правда, Игорю не показали, Шипилов, тоже бывший полковник, якобы находился в командировке, зато компания в самом деле оказалась большая, комнат восемь-десять, не меньше, к тому же директор, говорили, сидит отдельно на другом этаже, и мебель солидная офисная, в кабинете у Хвана была такая же, только недавно появилась, это вам не гутмановские пестрые стулья, и компьютеры последней модели, и регистрационные документы висели в рамке, и люди с бумагами сновали в коридоре – все непохоже было на Потемкинскую деревню.

Замгендиректора Аверьянов, он же Юрий Николаевич, принял Игоря лично. Он и подписал при Игоре договор, и самолично поставил печать. Это был плотный, угреватый, солидный человек лет пятидесяти. Время от времени он и читал газету «День» - стопка «Дней» лежала на столе – это Игорю не понравилось. «Наверняка антисемит, - подумал он, - типичный национал-патриот», - но сейчас не до того ему было, деньги казались казне деньги хоть с чертом можно делать. К тому же второй, помощник Аверьянова, Бодров, зав.отделом, прямо юлой крутился вокруг Игоря. Бодров был росл и неказист: длинен, худ, сутул, кудловат, с огромными, по-обезьяньи длинными ручищами-клешнями, в которых, - но это потом, потом – словно спичечные коробки исчезали пачки купюр. Ноги у Бодрова были под стать рукам, размера сорок восьмого, не меньше, и туфли растоптанные, нечищенные, и костюм неопрятный, в пятнах, всегда один и тот же, и свитер в табаке, - но это все только позже разглядел Игорь – и, однако,

несмотря на неряшливость и неказистость Олег Васильевич очень приятен показался Игорю. Отчего, Игорь много позже догадался: соратник по делу. Их интересы на время совпали.

Глава 7

«Когда б вы знали из какого сора растут стихи, не ведая стыда⁸⁵», - запомнил Игорь из другой жизни. – «Да только ли стихи, А деньги?» - думал он теперь.

В самые первые дни на Проектируемом проезде, где царил ажиотаж – в этом заключалось необъяснимое разумом сумасшествие, но в «контору» ломились вкладчики, спешившие избавиться от собственных денег, а он не знал и где-то глубоко-глубоко в душе сомневался – что выйдет, да и войдет ли? – одним из первых его клиентов оказался толстый, прыщавый человек со старым портфелем, похожий на слесаря-коммунальщика в кепке. Впрочем, это могла быть странная иллюзия: слесарь. На самом деле отгадать кто этот человек было невозможно. Так вот, оставив свои сто тысяч у кассиров, он подошел к Игорю.

- Я из компании «МГТ», босс послал на разведку. Вам очень даже полезно будет с нами дружить. Компания богатая и денег много. Мэром дружит, опять же.

- Да? – удивился Игорь. – А что это такое «МГТ»?

- Неужели не слышали никогда? – обиделся толстяк. – Шеф послал спросить у вас, не сможете ли заехать? Познакомиться? Ну и заодно деньги. Ну там несколько миллионов. А «МГТ» - это аббревиатура такая: «Московские городские туалеты». Есть еще просто «МЕ», «МТС» и «Чистота», но это не мы. А мы – первые. Наверняка заходили. У нас уютно и сотрудники сидят молодые. Как в кино.

- Может и заходил, - попытался вспомнить Игорь. – Не помню. А «МТ» - это «Московские туалеты»?

- А «МТС»- это «Московский туалетный сервис». Там нам принадлежит сорок пять процентов, а тридцать – городу. Но они послабее, эти компании. Они позже начали. Зато наш босс гений. Он первый все придумал и через райком комсомола взял на откуп. В самом начале. Другие туризм придумали, кто-то лекции читать, науку, - ну, это фиктивно все, обналичка, можете не сомневаться, а наш – туалеты. Понимал: не обойтись. Сами знаете, если приезжий. А Москва город большой, сложный. Приезжих много. Начинали с пятаков, а сейчас целая империя туалетов. Не только Москва, но и Подмосковье. И дальше пойдем.

- Я видел, на Театральной вместо туалета теперь кафе, - перебил его Игорь.

- Вот, вот. Мы люди творческие. Босс мой, племян, Владимир Сергеевич Бридло, он с самого начала больше по начальству: приемы, встречи, делегации, архитектурная комиссия, финансы, сам Попов его наградил, образцовый бизнесмен значит, грамоту получил.

Да вы не удивляйтесь, - заметив усмешку на лице Игоря, толстяк заговорил еще горячее, - это раньше грамота – тьфу... Моральное удовольствие и только. А сейчас грамота, так считай, аукцион твой. Чиновники, они людишки хитрые, понимают намек: свой. А свой – значит свой. Ну вот, решаем вопросы. Меня там многие знают наверху. Доверяют, вот что. Где, значит, место хорошее, проходимость большая, там ресторан или кафе. А где похуже, на отшибе, туалеты.

Ну вот, Владимир Сергеевич просит займ. Познакомиться, значит. А деньги у нас есть. Вложим. Только надо правильно подойти.

Так оказалась в руках у Игоря визитка Владимира Сергеевича Бридло, гендиректора компании «МГТ» и ряда других. Несколько раз Игорь звонил, но Владимир Сергеевич все время был занят. То – в Думе, он еще оказался городской депутат, то – в Мэрии, то на совещании там же.

⁸⁵ Из стихотворения А.А.Ахматовой (1889-1966). «Мне ни к чему _____ рати» (1940).

- «Любят они совещаться, - сердился Игорь. – Страна Советов. Как была, так и есть. О чем можно вокруг туалетов совещаться? Что нужно порядок навести? – Оказалось, однако, разговаривать было о чем. Не только о туалетах. Еще и о московской недвижимости. Как-то хитро передали несколько зданий, в основном бывших НИИ с правом последующего выкупа. То есть, считай, отдали за копейки. Как говорится, не имей сто рублей, а имей сто друзей, потому что гол как сокол недавно еще был Бридло, режиссерский факультет закончил и для начала пристроился к комсомолу. В нужное время и в нужном месте. К самому Чичкову – тот как раз местный комсомол курировал – и, говорили, правая рука и чуть ли не двойник нового мэра. Тоже лыс, коренаст, крепок, такой же хитрован и харизматик из простых.

Про Бридло, что хитер, как черт, жополиз и купил кандидатскую диссертацию, режиссерство его не слишком ценилось, он и спектакль-то поставил всего один, да и тот с ненормативной лексикой и скандалом: с коммерческой жилкой человек, на спектакль свой выбил немалые деньги, но те почти полностью пошли в обналичку, рассказывал Игорю другой клиент, доктор экономики Антонов.

- Я же ему и писал диссертацию, бизнес нынче такой, всем этим бардовым пиджакам, кооператорам-нуворишам, хотя, режиссерчик-то наш, надо сказать, со вкусом.

Антонов буквально в первый день пришел, нюх на деньги у него был отменный, но – щипач явился, едва Игорь, при бирже еще, в первый раз открыл свою «Кредитную контору Полтавский». Не он один, впрочем. Набежало множество людей, как на чудо. Одни – посмотреть, были и с сочувствием: «вот он, наш капитализм русский, его били-топтали, а он, вот он, жив; вот они, деловые парни, надежда»; говорили, бывало: «смотрите, чтобы не кинула вас наше проклятое государство»; но больше – вертелись рядом, искали, чтобы урвать.

Антонов – среди этих. Освоился быстро и запросился в ресторан. Антонов – песня особая. Два доктора наук, профессора, дипломами трясли. Антонов был лет сорока пяти, речистый, деловой, либеральный, другой – постарше, за пятьдесят, с непопрофессорски мятым, желтоватым лицом. Если бы Игорь умел понимать, он тотчас догадался бы: выпивоха. Но Игорь перед ними сробел. Доктора наук заговорили про бизнес-план, и Игорь тотчас на крючок. Он уважал науку. Он и сам был из ученых. Кандидат наук. Но – медицинских, и диссертация – туфта. А эти – настоящие. Хотя – советские, не экономисты, политэкономы. Но все же... тайно комплексовал перед экономической наукой. Словом, предложил составить бизнес-план. Чтобы не кредиты выдавать, понимал, что опасно, а – вкладывать с толком, в дело. Привлечь науку...

Встретились дважды. Первый раз в Ленинской библиотеке. Вот тогда, по случаю, и рассказал Антонов про диссертацию Бридло. Мол, раскидал по аспирантам, время-то настало голодное, а потом сам от корки до корки. «Перестройка, реформирование народно-хозяйственного комплекса и кооперативное движение. Не на кандидатскую, на целую докторскую настрепал.

- Видно, хорошо заплатил? – спросил Игорь.

- Туалетный король. Не обломится, - засмеялся Антонов.

Попили кофе и перешли к делу. Игорю сразу не понравилось: сэкондхэнд. Гора, что называется, родила мышь. Где-то в Люберцах на складе купить сэкондхэнд, причем вслепую, на вес и продавать в розницу. Мол, место есть на рынке.

И это профессорские головы? Экономическая наука?

- То есть как, вы даже не видели, что хотите купить?

- Там нормальные вещи. Люди покупали. И продавцы порядочные. Если что, я верну. Я их знаю, этих продавцов. Бывшие студенты. Краснодипломники. Не обманут, - это старший из профессоров, из Финансовой академии, Усов.

- Какой вы хотите кредит?

- Двести тысяч.

Невысоко профессора плавали. В ресторане и подписали договор, только не вполне, суд едва ли принял к рассмотрению, скорее – филькина грамота. И – молчок.

Через несколько дней Игорь сам позвонил Усову.

- Ну его, Евгений Петрович, купили сэкондхэнд?

- Купил, з плачушим голосом отвечал Усов. Вы были правы. Действительно хуже некуда... А ведь мои ученики. Но вы не беспокойтесь. Я отдам деньги...

- «Ну вот, начинается, - подумал Игорь.

До Бридло он все же дозвонился.

- Меня ваш помощник просил позвонить, Михайлов. Говорил, что хотите сделать вклад под сто процентов годовых.

- Да? – в голосе Бридло показалось удивление. – Ну, раз просил, приходите, поговорим, - согласился он после паузы.

- Но вы действительно хотите сделать вклад? У меня ведь тоже время.

- Приходите, - буркнул Бридло и повесил трубку.

- «Хам, - подумал Игорь. – Из грязи в князи. «Туалетный король». Не успел разбогатеть, как спесь ударила в голову», - идти к Бридло не хотелось, но он привык держать слово. Да и деньги...

В приемной у Бридло на Садовой пришлось ждать долго. Это был еще старый офис, не рядом с Арбатом – процветающего кооператора средней руки, купчика, а не олигарха, о котором вскоре услышит вся страна, еще «туалетного короля», а не «рекламного», как скоро станет, владельца «заводов, газет, пароходов», разве что вместо пароходов бороздили волны яхты – стояли стол, стулья, кресла, сухие цветы, возвышалась конторка секретарши – Владимир Сергеевич во все времена любил длинноногих блондинок, преимущественно из бездарных актрис; вскоре он стал устраивать конкурсы красоты: не только женские, но и геев, - но это все потом, все еще только начиналось... Тогда же больше всего Игоря поразили портреты на стене – Ельцина и Лужкова... Жополиз...

Игорь начал закипать и мочевой пузырь переполнялся, впрочем, он, как мог, старался не показать вида, когда секретарша распахнула перед ним дверь.

В кабинете за столом сидел невысокий человек в очках и подтяжках. Не вставая и не подавая руки, он вялым взмахом ладони предложил Игорю сесть.

- Деньги хотите получить? Так вот, человек, который к вам приходил, Михайлов, он, хоть и родственник мой, но дурак. Он не то сказал, - Владимир Сергеевич явно играл. «Режиссер», - вспомнил Игорь. «Но для чего?»

- То есть?

- То есть деньги у меня есть, а договория нет, - произнес он ломким, чуть мальчишеским голосом. – Могу дать миллион, могу два, могу десять... Но не дам. Вы хоть знаете, какая будет инфляция?

- Нет.

- А я знаю. Тысячи процентов. У нас там сидят олухи, - он мотнул головой вверх, - да еще грызутся между собой. Вы про чеки урожая девяностого года⁸⁶ что-нибудь слышали? Шестой съезд смотрели? Га дара? Ручкого? Так зачем мне давать сто процентов годовых? Я же не лох с улицы. Страна идет вразнос и мы ее скупаем. По бросовым ценам. За бросовые деньги. Я не дать деньги хочу, а взять! Взять! Под сто пятьдесят процентов? Хорошо. Пусть под сто пятьдесят. Все равно через год это будет мизер. Как прошлогодний снег. Ха-ха, - он деланно засмеялся, надтреснутым каким-то голосом. Звучал вроде смех, но лицо оставалось холодное, презрительное. – Хотя... Нам задаром все отдают. А я кредит дешевле могу взять... Под сто пятьдесят процентов не надо. Пусть дураки берут.

Я вот зачем вас позвал, - дурашливость в миг слетела с лица Бридло. – у меня хорошая знакомая есть. Учились вместе. Анастасия Пирогова. Хочет карбамид продавать за границу. Вот ей деньги нужны позарез. Красивая женщина. Рекомендую. А нести деньги к вам – сейчас каждый уголовник знает, что нужно переводить рубли в доллары.

На том и закончился этот сумбурный разговор. Игорь не раз думал потом: прислушайся он к Бридло, начини менять рубли на доллары, и был бы богат как Крез. Но он все понял и, одновременно, все пропустил мимо ушей.

А Бридло вскоре открыл казино. Говорили, что казино это, «Лунный свет», стало местом встреч высоких чиновников и бандитов, почти столь же знаковым, как клуб на Воробьевых горах⁸⁷.

Анастасия Пирогова, Настя, если, конечно, ее действительно звали Настя, позвонила через несколько дней. К тому времени «Кредитная контора Полтавский» переехала на Кирпичную улицу и Игорь не ждал ее звонка. Он был недоволен Бридло и вовсе не хотел давать деньги. К тому же не москвичке. Да и согласится ли «Гарант» поставить аваль? Согласно договоренности, правда, устной и вовсе не обязательной, обычно заемщиков посылали к Игорю страховая компания. Так и ему и им, то есть Аверьянову и Бодрову, было спокойнее.

Да, он вовсе не собирался и начал забывать про возможный звонок, когда услышал ее голос.

О, голос! Волнующий, чуть низкий, необыкновенный. Голос из «Тысячи и одной ночи», полный чудных обертонов. Неотразимый голос сирены. Ее голос обволакивал, лишал его воли, возбуждал желание. Судя по голосу, ей не было тридцати. Судя по голосу, сказочно красива. Но как же – училась с Бридло? Да мало ли. Могли ведь быть намного младше. Игорь не знал, кто она, как попала на биржу, какие у нее связи, была ли замужем, сама по себе или под чьей-нибудь крышей. Он ничего не знал, он только слушал ее голос. Что-то вроде секса по телефону. Да, вот так – через моря и континенты. Но это не с ним. С другими. Она могла и не подозревать о своих чарах. Хотя, возможно, напротив. Разум пытался сопротивляться. Но все равно – хотелось верить. Желание...

Нет, тут не один секс. Секс и деньги. Адская смесь...

Он мечтал сорвать джекпот. А у нее ключ. Да, у них было два ключа от одного замка. Или – две картинки, две половинки, которые нужно было сложить. При сложении выходил джекпот.

Они нужны были друг другу. У него деньги. То есть нет, таких денег еще не было, но со дня на день он ожидал. Обещал Валерий Иванович из «Росалмаззолота». Пятьсот миллионов. А у не нужные связи. Концы. Английская фирма, мировой лидер. Целую неделю он подбирался. Казалось, все ближе. Он не хотел давать кредит. Хотел войти в дело. Только узнать концы, получить нужные связи, и – не нужно больше давать кредиты. Не нужен больше «Гарант». Он мог выйти на мировой уровень. Начать с торговли, потом приватизировать. О, какие перспективы! Братя Черные, Абрамович, Дерипаска – он тогда не слышал еще эти фамилии. Но мечты, мечты? Мечты были разлиты в воздухе. И – увидеть ее!

О, наваждение! Сеансы продолжались целую неделю.

- Какой вы наивный, - говорила она. Но как это звучало. Как обещание. Будто откинута вуалька. Будто случайно соскочившая с ноги туфелька. – Вы врач? Тогда с вами все понятно. Вы не из этой жизни... Вы, как доктор Чехов...

- А вы? Вы ведь режиссер?

- Нет, театральный критик. И немного актриса. Джульетта. Я играла Джульетту... Но сейчас другой спектакль. Бизнес. Это ведь интересней, чем не сцена... Азарт...

⁸⁷ Клуб на Воробьевых горах – в сентябре 1994 года по инициативе Василия Шахновского, сотрудника аппарата мэра Москвы, состоялась первая неофициальная встреча будущих олигархов. Вскоре встречи молодых и преуспевающих предпринимателей стали относительно регулярными, проходили они в специально выделенном здании на Воробьевых горах.

- И мы с вами, два дилетанта, мы можем покорить мир...

- Да, послушайте: карбамид или мочеви́на, это ведь одно и то же, еще селитра - сейчас их все везут за границу, все, кто может достать. Разница цен – дикая. Доллары... Доллары... Я хочу виллу в Испании.

- И я. Я тоже хочу.

У меня дядя в Самаре. А другой в Тольятти. При химии. Все схвачено. И покупатель: английская фирма. «Кэмикл лимитед». Скоро я смогу вас познакомить с хозяином. Мало сказать джентльмен.

- Давайте мы вместе. Мы можем организовать компанию.

- Я подумала, - пообещала она.

- Давайте встретимся, - предложил он, - дело ведь очень серьезное.

- Да, - сказала она, - обязательно. Только я на два-три дня должна уехать.

- Я буду ждать, - пообещал Игорь.

Итак, они должны были встретиться. Но вместо Насти на следующий день позвонил оперативник с Петровки и пригласил Игоря к следователю.

- Вам повезло, - сообщил тот при встрече, - тут целая преступная группа. Объявлены во всероссийский розыск. Взяли два кредита, очень больших, в двух банках, и исчезли. Они бы еще долго орудовали, но в одном из банков случайно обнаружили, - да, совершенно случайно, - подтвердил он, - что документы подложные. – Если вдруг объявятся, просьба тут же сообщить.

Она не объявилась, но Игорь не держал на нее зла, он ведь не пострадал из-за нее. Для него это было романтическое приключение и только, воспоминание скорее из разряда скорее приятных, о которых иногда он рассказывал знакомым.

Глава 8

Эпизоды эти, с Пироговой и с самим Бридло, туалетным королем и будущим олигархом, почти тотчас померкли и стерлись из памяти, оставив на себе лишь блеклую черно-белую картинку, поток событий стремительно унес их. Начинались совсем другие дела, короткие месяцы счастья, быть может, даже самые счастливые дни жизни, разве что давняя юношеская любовь могла с ними конкурировать. Игорь вспоминал иногда слова Волоцкого: «Бизнес – это любовь настоящих мужчин. Деньги – это страсть, спорт. Это больше, чем любовь к женщинам». Да, деньги. Но время так уплотнилось, у Игоря оставалось так мало времени и сил на что-нибудь другое, что он потом не мог вспомнить почти ничего. Все словно со временем отгорело.

Действительно золотой дождь. Людмила, Ольга Ивановна и Валентина с утра до вечера ждали не разгибаясь, писали договора. Деньги, нал, тотчас шли на обналичку. По вечерам Игорь увозил на «Тойоте» - за рулем сидели Людмилин муж или сын – полные сумки денег. Стоило только дать объявления и в несколько дней у Игоря сложилась клиентура – обналичивал он под двадцать пять, а то и тридцать процентов. Договора писали липовые, будто фирма «Полтавский» продавала им стройматериалы. Эти же стройматериалы будто бы покупали у физлиц, за наличные. Иногда Игорь думал: при первой же проверке откроется, все шито было белыми нитками. Но – везде было так, все в стране гнали липу, все уклонялись от налогов, все нарушали законы и никто не боялся. Да и существовали ли законы? Или старые рухнули, не действовали больше, а новых не было? Игорь не очень знал. В налоговых сидели недавно пришедшие девочки, они тоже плохо разбирались, да и легко можно было откупиться. К тому же проверка предстояла не скоро. Налоговики не успевали, их захлестывал вал все новых открывавшихся фирм, неплатежей, сбивали с толку все новые инструкции. Налоги никто не платил сполна.

Между тем страну захлестывала гиперинфляция. С тех пор, как цены отпустили⁸⁸, они выросли во много раз и вовсе не собирались останавливаться. Не только физлица, но и юрлица не знали, что делать с деньгами, куда спрятать их от инфляции.

Мелкие вкладчики мелькали, как птички, с Игорем они не пересекались, но вот крепняк – это были его. Одним из первых вкладчиков-кредиторов пришел к Игорю Георгий Лобжанидзе со своей неизменной бухгалтершей. Лобжанидзе был крепкий общительный грузин лет за пятьдесят из бывших хозяйственников, фирма у него была небольшая, торговала импортными рубашками и другой одеждой, у Лобжанидзе было место в Лужниках и еще где-то, где торговали его грузинские родственники, и, как сам сообщил, грузинская «крыша⁸⁹» - Игорь сразу их запомнил: благожелательные, общительные люди, к тому же купил несколько рубашек и слансы – после советского «шаром покати», после убийственных очередей и пустых полок требовалось обновить гардероб, хотя уже повсюду возникали толкучки: из Польши, Турции, Китая товар везли челноки и первые торговые фирмы. Едва ли Лобжанидзе успел разжиться большими деньгами, хотя бог весть, вначале он пришел на разведку, поговорил с Игорем и узнал про проценты, а узнав, за пару недель взял кредит у школьного друга-банкира и перечислил сто миллионов рублей. А потом, разохотившись, через пару месяцев еще пятьдесят.

- Приятель мне доверяет, как самому себе, вместе учились, вместе гуляли, дрались, бывало, тоже вместе, не разлей вода, нас сильно боялись, бедовые были ребята, только он оказался в Волгограде, банк у него, большой человек стал, налогами заведовал, с губернатором вас-вась, а я в Москве. Лобжанидзе был, похоже, из тех мужчин, на которых женщины вешаются. Вроде ничего особенного, разве что седые кудри и усы, а – харизма. Людмила так и говорила: сердцеед. Разбросал по городам и весям жен и детей, и все собираются у него за обильным грузинским столом. Никто не в обиде. Умеет обаять. Он и сейчас еще притягивал к себе женщин. Та же бухгалтерша, моложе его, но потеряла голову. Как стукнуло за сорок, там и бес в ребро – Почти задаром дает. Знает: прокручу эти деньги и верну. Честно. И с ним еще поделюсь. Часть у меня пошла в торговлю, а часть – к вам, - разоткровенничался как-то Лобжанидзе.

Бухгалтерша, миловидная женщина из провинции, ходила за ним неотступно. ??? Тоже мог стать большим человеком, но не вышло, подсидели. Сколько раз я карабкался вверх, и всякий раз что-то. То начальство, то бабы. Как рулетка. Теперь хозяин, наконец. Теперь никто не указ. ??? Друг кредиты

Два десятка лет тихо-мирно проработала в бухгалтерии на военном заводе, но теперь завод стоял, из-за него шла война, же стреляли и лилась кровь, зарплату не платили больше года, и она, Тамара Ивановна, пустилась в загул: оставила мужа с почти взрослыми детьми, подалась в Москву и, кажется, счастливо сожительствовала с Лобжанидзе. Она теперь и не думала возвращаться в провинцию, цепляясь за Москву, а еще больше – за Лобжанидзе. – «Вся жизнь перевернулась, как в войну», - откровенничала она с Людмилой. Мой отец жил когда-то в Москве, и вот также понесло его, закрутило. Влюбился в цыганку и все, пропал. Оказался в маленьком городке, в хате. Зато любовь, такие страсти-мордасти, ко всем ревновал. Детей каждый год клепал, чтобы значит, мать не убежала. Вот и родилась я в маленьком городке. Шестая по счету. А теперь все крутит обратно.

Игорь никогда бы не узнал про эти страсти-мордасти, ему было все равно, это Людмила. У нее был наметанный глаз и охота до чужих тайн, чутье особенное, женское. Игорь не знал отчего, но бухгалтерша с ней делилась будто с родной. Обе были женщины роковые.

88

⁸⁹ «Крышами» назывались бандитские или милицейские прикрытия, обеспечивавшие безопасность бизнесменов и их бизнеса.

Деньги давно были в обороте, договор с Лобжанидзе заключили на восемь месяцев, но они все ходили, Людмила с этой Тamarой, все _____. Теперь эта Людмила гадала. И давала приворотное зелье для Людмилиного Тенгиза, мужа. Тот давно дружил с бандитами и был охоч до баб, но Игорь узнал об этом много позже. Зато Людмила рассказывала, что ездила с Тamarой к Лобжанидзе на склад.

Еще один вкладчик-кредитор из самых первых был Павел Иванович, генеральный директор фирмы «Колорадо». Но что за фирма, кто учредители, что строит, откуда у них тридцать свободных миллионов, Игорь не знал. Благодетелю ведь в зубы не смотрят. Да и что «Колорадо» что-то строит, Игорь только догадывался, оттого что Павел Иванович предупредил, что через девять месяцев деньги потребуются обратно. Контракт, будут закупать оборудование в Штатах. Про самого Павла Ивановича тоже было непонятно. С виду интеллигент, москвич средней руки, в спортивной кепочке и кроссовках, в джинсиках, Томаса Манна держит под мышкой, похоже на доцента из среднего ВУЗа, вот только говорит с матерком. Впрочем, матерок был легкий, ненавязчивый, вполне интеллигентский. Не столько матерок, сколько дань времени.

Павел Иванович так и остался неразгаданный. Да Игорю это и не было важно. Главное, договор он подмахнул, почти не читая. Но в этом Павел Иванович не был оригинален: Игорь с удивлением обнаружил, что большинство клиентов плохо понимают, а часто и не читают договора, что называется, функционально неграмотны. Он ведь не депозиты оформлял, как банк, а только обязался разместить и застраховать деньги.

Но, пожалуй, самым колоритным из юрлиц был Валерий Иванович Стародуб, представивший й трест «Росалмаззолото». Валерий Иванович был настоящий чиновник, гоголевский: невысок, аккуратен, лыс, пиджак с накладками на локтях, лицо – будто с картинки из «Мертвых душ», словно сквозь все эпохи прошел, не меняясь. Однако добродушнейший человек, приятнейший. Еще бы, от имени треста перечислил пятьсот миллионов.

Валерий Иванович все жаловался на свой банк: вложили чуть ли не миллиард, а директор и не думал кредитовать производство. Все какие-то кредиты – однодневки, векселя, облики, репо⁹⁰, доллары.

- Воздух гоняет, вот что, - жаловался Валерий Иванович, попивая коньячок; в выпивке, впрочем, был он умерен, пил рюмку-другую, не больше, млея меж двух соблазнительниц: длинноногой Лены-секретарши и приворотливой Людмилы.

- Все они, нынешние финансисты, таковы. Только и умеют, что деньги из воздуха. А чего ждать, если в Кремле помешались нынче на макроэкономике. А что там внизу, на земле?

У нас положение на самом деле тяжелое, я имею в виду трест, - вздыхал Валерий Иванович. – Рабочие на приисках голодают, месяцами не получают зарплату.

Я вот смотрю, наблюдаю, - продолжал он, у вас здорово все организовано. Кадры, - он завороченно смотрел на Людмилину нынешнюю грудь. – А не пошли бы к нам, Игорь Григорьевич?

- В банк? – едва спрятал радость Игорь.

- В банк. Я поговорю как-нибудь с генеральным. Здесь вы на голом месте, на семи ветрах, как говорится.

- Пошел бы, - тотчас согласился Игорь. Он мгновенно крикнул: в высотке на Арбате было бы безопасней, и масштаб совсем другой. Уже там бы он развернулся. Та же обналочка. Приватизация, золото. ПИФы, ЧИФы. Инвестиционная компания. Он бы создал золотую империю...

Да, хоть один раз в жизни бы повезло. А уж он бы постарался. Привлек настоящих советников, не горе-профессоров. Ведь здесь он, в сущности, ввязался в авантюру.

- Я поговорю с директором, - снова пообещал Валерий Иванович. – Только Людмилу взять с собой не забудьте.

- Да куда же он без меня? – засмеялась Людмила. – Именно в этот момент Игорь понял: вот баба. В ней действительно что-то есть. Которого мужа меняет, а ... Грудь, живот, смех, ноги... Самка... Вот она, приворотница... У Ленки ноги, а – холодна. А эта... Валерий Иванович, чернильный человек, в нарукавничках, и тот клюнул...

Валерий Иванович приезжал несколько раз: присматривался. К тому же был любитель поговорить, видно, скучно было ему сидеть в высотке, словно в башне из слоновой кости, глядя вниз. На медленно ползущие по Новому Арбату автомобили, которых почти сразу много стало в Москве.

- Ох-хо-хо, - вздыхал он, - ох-хо-хо. Смотрите, наверное, телевизор?

- Иногда, - ответил Игорь. – Работа. Не успеваю следить.

- Да, радости мало, прямо скажем. Переругались совсем. То банда четырех⁹¹, то скандал с охраной, оказывается, у Ельцина своя служба, у Верховного Совета – своя, то Бурбулис против Хасбулатова⁹², то Бэла Денисенко⁹³, то перенести съезд⁹⁴, то распустить Верховный Совет, то Фронт Национального Спасения⁹⁵, мол, красно-коричневые. И так каждый день. С ума можно сойти.

Я, знаете, из надежных источников слышал, - Валерий Иванович слегка понизил голос и даже пугливо повертел головой, будто их кто-то мог подслушивать, что Ельцин и в самом деле... хочет разогнать Верховный Совет. Будто с Хасбулатовым повздорили. То тянул его за уши, этого чечена, а то – разогнать. Силой.

Бедная страна, бедный народ. Что те, что эти.

И кто за ними, за этими реформаторами? И все говорят: «Народ, народ, народ». Я бы, знаете, лучше Вольского⁹⁶. Спокойнее. Поддержать норссектор. Эти-то хоть государственники. Я, знаете, Вольского давно знаю. Серьезный человек. Не выскочка из завлабов в коротких штанишках.

- Да, пожалуй, - спорить со Стародубом было нельзя. За пятьсот миллионов с чем угодно можно согласиться. – Я ведь давно знал Константинова⁹⁷ и Астафьева⁹⁸. Еще во время перестройки. Астафьев, правда, все больше молчал, слушал, или задавал вопросы. Но – вменяемый человек. Оба были демократы. И Аксютин⁹⁹ тоже. И вдруг – красно-коричневые. Вот это я не пойму. Константинов хотел стать сопредседателем Демпартии».

- Да кто же тут поймет? – тихо вздыхал Валерий Иванович. – Ну, «Гражданский Союз», он хоть посередине. Пытается примирить. Не было б Гражданской войны.

Мы народ такой, что друг друга не жалеем. В ту Гражданскую хоть было из-за чего биться. А сейчас...

И ведь довели страну. До края довели. И даже не поймешь кто.

Вот будет приватизация. Да это же ведь утопия, всем раздать. Наше «Алмаззолото»: подумайте, кого выберут рабочие? Какого-нибудь демагога! Тут же полный конфликт интересов.

Никогда не позволят директора. Полным ходом регистрируют офшоры...

Разбазарят страну...

91

92

93

94

95

96

97

98

99

- А вы, Валерий Иванович, готовитесь к приватизации?
- Готовимся. По второму варианту¹⁰⁰. Это, знаете, специально для нас. Для управленцев.
- Вы только что говорили про рабочих. Вы уверены, что рабочие, если станут собственниками, станут вас поддерживать? А если сговорятся с другими собственниками?
- А мы их акции возьмем в управление, - Стародуб хитро посмотрел на Игоря.
- «А он не так прост, - подумал Игорь, - себе на уме».
- Это в теории рабочие-гегемоны, - продолжал, между тем Стародуб. – А на самом деле – было. Не люблю это слово, но между нами...

- Хороший человек, - растроганно думал Игорь, провожая Валерия Ивановича до машины. – Может, и в самом деле поговорит со своим генеральным?» - Игорю боязно было, но и хотелось одновременно: он же, Игорь, никакой не банкир, а ну, как лопнет все, как мыльный пузырь. Нужно было в свое время поступать а экономический факультет, едва только начались кооперативы. Теперь уже поздно. Дилетант-одиночка. Впрочем, все вокруг дилетанты, все учатся на собственных шишках. Вся страна – дилетанты.

Игорю не хотелось задумываться, но как же так? На Дальнем Востоке или в Сибири рабочим месяцами не платят зарплату, они и их семьи бедствуют, может быть даже голодают, а здесь, в Москве, добрейший Валерий Иванович, который трогательно заботится о премиях для сотрудников своего отдела, вкладывает пятьсот миллионов в «Кредитную контору» и обещает еще. А ведь трест государственный. И при приватизации все пойдет этим, московским. Но размышлять было некогда. Не его проблемы. Ему бы только зацепиться самому.

Никогда раньше Игорь не думал о производстве. Он не производственный, не технический человек. Когда начали говорить о приватизации, он очень смутно понимал, что станет делать с акциями. Производство ему было совсем не интересно. Да и – сотни, тысячи предприятий убыточны, что толку вкладывать в них деньги? И – как тысячи акционеров станут управлять одним предприятием? Где найти зал, чтобы всех разместить на собрании? Он видел, как происходили собрания у них в жилищно-кооперативе: люди ругались, спорили, выясняли отношения, но там их были десятки и они все знали друг друга, а здесь? Как мелкие акционеры заставят считаться с собой директора? Нет, продавать-покупать акции, заниматься ценными бумагами, работать с деньгами – это одно, а производство – совсем другое. Он всегда старался держаться подальше от производства, от управления, он побаивался рабочих с их матерщиной, выпивками, мелким воровством. Но сейчас он впервые задумался, не стоит ли приобрести часть какого-нибудь заводика? Быть может, с помощью Валерия Ивановича? Нет, он не думал конкретно о золотых приисках, он смутно представлял, как добывают золото или алмазы, мысли были абстрактные, расплывчатые.

В советское время экономика казалась Игорю скучной, нудной. Чтобы быть экономистом, зачем-то требовалось знать математику, а он – нет, он знал плохо. Игорь не был туп, в школьном аттестате у него стояли одни пятерки, но – вымученные, ненастоящие, он не знал, зачем математика может ему пригодиться и, едва сдал экзамены, сразу все забыл.

Игорь представлял советских экономистов: сидят, что-то считают, а что считать, если план, если ничего нельзя изменить, если не все указания сверху, из министерств или из обкома. Только теперь он начал жалеть. Ему вдруг стало интересно, но – полный профан. Найти бы хорошего советника. Но сейчас все, кто хоть что-нибудь понимал в экономике, сами ринулись в бизнес. Хотя – и без особенных знаний деньги текли рекой. Другие, похоже, понимали еще меньше, чем он.

¹⁰⁰ Второй вариант приватизации предусматривал, что 51% от уставного капитала предприятия продается трудовому коллективу (читай, директору) по номинальной стоимости с повышающим коэффициентом 1,7, при этом 50% суммы выкупа должно быть внесено приватизационными чеками (ваучерами). По этому варианту была приватизирована большая часть предприятий (до 80%).

Работа с деньгами нравилась Игорю. Она вовсе не была сухой. Игорь не сидел безвылазно в своем кабинете. Он – работал с людьми. А это значило: общался. Среди клиентов было немало интересных. Игорь любил таких собеседников, еще с тех пор, как работал кардиологом в поликлинике. Иногда просиживал с ними так долго, что очередь начинала роптать.

Всего семь лет прошло. Да, всего семь лет с тех пор, как он сидел в кабинете с Генрихом Хачатряном, академиком из Армении, тот перенес инфаркт и несколько месяцев наблюдался у Игоря. Всего семь лет, а казалось: вечность. В другой жизни...

...Хачатрян жил и работал в Москве, в Академии, в Институте физики, от него Игорь впервые услышал про эпопею Юрия Орлова¹⁰¹. В Ереванском университете, где Хачатрян заведовал кафедрой, Генрих Мееронович бывал только наездами, но рассказывал много интересного.

- Прихожу читать лекцию, а в зале всего человек десять. Спрашиваю: «где люди»? староста долго мнется, потом приносит мне двести рублей¹⁰². Я его все-таки расколол. Оказывается, физика там мало кому нужна, студенты в основном блатные, дети высокопоставленных родителей, почти у всех какой-нибудь бизнес. Учатся исключительно ради корочек – для престижа и устройства. Заканчивают, идут на партийную и советскую работу.

Один выпускник, мне рассказывали, сразу стал первым секретарем райкома. Одного диплома, конечно, стало мало, у него папа на важном посту в ЦК. Вся его партийная работа состояла в том, что он разъезжал по предприятиям и собирал дань.

А в республиканском КГБ открыли библиотеку для сотрудников, и родственников тоже – выдавали запрещенные книги, конфискованные, а в кинозале, прямо в КГБ, устраивали просмотры запрещенных фильмов.

Это в России или в Казахстане русские не поддерживают друг друга, боятся, каждый сам по себе, социализм еще держится, если это, конечно, социализм, а в республиках круговая порука: цеховики, воры в законе, черный рынок, хотя черный рынок и у нас; там милиция, прокуратура, даже КГБ – все давно в деле. Шеварднадзе как-то попросил на Политбюро проголосовать левыми руками – у всех, кроме него, оказались часы на десятки тысяч. Алиев, мне рассказывали азербайджанцы, стал бороться с коррупцией: размер взяток в республике вырос ровно вдвое. А то и втрое. В республиках только с самого верха социализма, а внутри, чуть копни, что-то совсем другое. Даже не знаю, как это назвать. И сделать ничего с этим нельзя. Сталин знал, терпел. Он и сам, сапоги, галифе, шинель, вроде полный бесребренник, а в то же время феодал. «Хозяин». Вы читали «Сандро из Чегема»?

- Нет, - сознался тогда Игорь.

- У нас цензура все покалечила, - продолжал Генрих Мееронович, - полное собрание вышло в «Адрисе» в США.

Но вот вам другой случай. Прислали в Ереван комиссию из Москвы во главе с полковником КГБ. Целый месяц собирали компромат. Полковник сложил все документы в сейф, прямо в КГБ, а на следующий день – пусто. Сколько ни бился, никто не сознался. Полковник так расстроился, что – инфаркт.

Чтобы удержать такую страну, до последнего подчинить людей государству, отказаться от своей воли, нужен Сталин. А без него – это уже не тот Союз, Союз разлагается на глазах. Сначала республики, за ними Россия.

Игорь вспомнил про Хачатряна из-за Бейлина. Тот словно продолжил рассказ академика. Только, будто следующую стадию разложения рисовал. Распад уже состоялся, но прежняя инфляция только усилилась.

101

102

Бейлин был вкладчик из Нижневартовска. В «Кредитную контору» он вложил два с половиной миллиона. Не только в «Кредитную контору», такие же суммы он отнес в «Чару» и в «Олби-Дипломат», но Игорь тогда не подозревал. Только позже Бейлин проговорился. Игорь поначалу думал, что Бейлин – нефтяник, но оказалось: журналист. И не простой, а приближенный к власти, пишет заказные статьи для нефтяных генералов и многих знает близко – и Алекперова, и Федуну, и Богданова, и Городилова, и многих помельче. У многих доверенное лицо. Да, многих знает, и про многих и как настоящий журналист, собирает досье. На нефтяников, политиков, бандитов. Это – дорого стоит, но и опасно. Сейчас публиковать нельзя: в Москве уже убивают, в моду входят заказные убийства, но это цветочки перед тем, что происходит в нефтяных районах. Там – борьба уже разгорелась повсюду. Там – колоссальнейшие деньги, колоссальнейшие откаты, там – нефть пахнет кровью. Приватизация еще впереди, но война уже началась: нефтетрейдеры воюют друг с другом. И вокруг каждого нефтетрейдера – бандиты. Русские, чеченцы. Ваучеры закупают мешками. Готовятся. А – то ли еще будет? – В России история сжата, спрессована, – продолжал Бейлин, явно наслаждаясь собственным красноречием. – У нас сейчас, да, здесь и сейчас, происходит то, что в других странах растянуто было на десятилетия, а то и на века. Мы – великая страна, особенная цивилизация. Нам никакой внешний враг не страшен. Мы время от времени разрушаем себя сами. Мы – сами себе враги. Мы – живем циклами.

Через несколько лет он, Бейлин, напишет «Историю русской нефти» и издаст где-нибудь в Америке. Так будет безопасней и выгодней. На русском ее тоже издадут – за миллионы, и не деревянных, и долларов. Но это через несколько лет. Пока же все впереди. Хотя он знает наперед: будет много крови. Нувориши как с цепи сорвались. Нефтяные империи, металлургические: стальные, алюминиевые – все стоит на кону. Редчайший случай, когда распродают государство за бесценок. Это не либерализм, это – апофигизм. Так сказать, второй, бандитский этап передела. А первый – после семнадцатого. Насытившуюся, раздобревшую, усталую, слишком облагородившуюся, прекраснуюдушную, либеральную и цивилизованную – они ведь сами, все эти Саввы Морозовы, своими деньгами – вскормили социалистов, этих мастеров террора и эксов; всю эту старую, трудовую буржуазию пустили в расход, изгнали, чтобы сейчас все отдать в руки новых, красных буржуинов и выскочек, диких и нецивилизованных.

- Да, все бурлит там, - возбужденно говорил Бейлин. – Жизнь – это экспансия, сейчас пассионарное время, когда делаются состояния. Сейчас никто становится всем. Вот Ельцин – он же никто, типичнейший большевик, только с царскими амбициями. По сути – марионетка в руках вертлявых дилетантов...

Время ничтожеств и выскочек...

Но за малые месторождения можно было бы побороться. Или за миноритарные пакеты акций.

Бейлин предлагал срочно готовиться к приватизации. Создать компанию на двоих, выкупать ваучеры, превратить их в акции. У него в нефтяных районах колоссальные связи, а чеки понесут лучше, чем деньги. Большинство не распробовали, что такое чеки. Для миллионов они – фантики.

- Я уяснил для себя всю картину, как это происходит, - рассказывал Бейлин. – Феерическое зрелище, вселенский обман. Две «Волги»¹⁰³ - да какие там две «Волги» - за бутылку водки. Ездят по всей стране, по дальним деревням, городишкам, откуда жизнь ушла, где единственный заводик стоит, где люди голодают, или – на картошке и водке, вот только не водку пьют, дорого, а самогон или палёнку.

¹⁰³ «Отец» приватизации А.Б. Чубайс в ряде своих выступлений сравнивал стоимость ваучера с ценой двух «Волг», в то время лучшего советско-российского автомобиля.

Эх, Россия, то ли большевики ее довели, то ли сами себя. Нищая провинция, запойная – и вот ездят с баулами сыновья лейтенанта Шмидта, скупают билетки в новую жизнь. Только, фальшивые билетки, не для всех.

Мне рассказывал один такой предприниматель: в городишке пусто, ни водки, ни хлеба, то есть хлеб раз в два дня в продаже, и вот он пригоняет машину с водкой и – по бутылке за ваучер.

Вы не поверите, весь город становится в очередь. Драка, мордобой, кто-то пытается продать место. И так его благодарят. Чуть ли не в ноги кланяются. Будто папуасы. Но и «сыновья» эти, лейтенанта Шмидта, тоже сцепляются друг с другом – до смертоубийства дерутся. Конкуренция. И бандиты. Дикая страна. С охраной ездят.

И вот сумки и баулы в поезда, в Москву, на биржу, а здесь директора своих курьеров посылают, и лихие дельцы тоже. Все скупают. Кредиты берут в банках. Деньги-то, когда возвращать, в тысячи раз обесценятся. Выходит: задаром. Вся приватизация по блату, по административному ресурсу...

Вкладывать в чеки во много раз выгодней, чем в доллары. Но, помните, как у О'Генри: деньги идут к деньгам. А ваучеры особенно. Один-два ваучера – ничто, бумажки. А много – капитал.

Однако и в доллары вкладывать было выгодно. Сам же Бейлин и научил Игоря конвертировать безналичные рубли. Не нужно стало ездить с полным портфелем к Данилу, да Игорь почти и не ездил – пал уже был для обналички. Бейлин познакомил со своими друзьями, Андреем и Ириной. Те сидели в гостинице «Турист» на Юго-Западе, в той самой, где меньше года назад Игорь учился на курсах «Марка», а до того, в восемьдесят девятом, кажется, проходила оргконференция конституционных демократов. Именно там Игорь стал одним из лидеров не существующей еще партии. Время было еще совсем другое, веселое, полное надежд.

В конференц-зал, кажется, нужно было входить через другой вход, Ирина и Андрей сидели в жилой части. Но сейчас в гостинице не было больше жилых номеров, всюду офисы. В одном из них и сидели приятели Бейлина. Требовалось подписать типовой договор, перевести безналичные рубли и – приезжай, забирай хрустящие новенькие купюры, несколько дней как привезенное из Будапешта. В Венгрии расположился крупный перевалочный пункт, там – оптовики, банки, а Андрей с Ириной – это почти разница, мелочь.

Но это лишь несколько месяцев спустя, в декабре, кажется, подсказал Бейлин. Тогда они вместе поехали в «Турист», Бейлину тоже требовалось обналичить проценты. После этой поездки Игорь и усовершенствовал схему, часть свободных денег-безналичных – стал переводить Андрею с Ириной в их «Франклин-центр». Да, название было остроумное, как оказалось, имелось и второе: «Чечен-центр», но это – позже...

В обмен Игорь получал и складывал доллары. Бывало, сразу ехал в магазин, покупал подарки для дома. В рублевых магазинах еще мало чего было. Будь он умней, все безналичные деньги переводил бы, а потом доллары вкладывал в банк. И никаких кредитов. Сидел бы, а денежки росли. Но Игорь не знал, лишь смутно чуял, как сгущается опасность. И продолжал работать по-прежнему.

С Бейлиным много разговаривали про ваучеры, даже договорились – собирать, но – сколько, куда вкладывать, только предстояло решать. Бейлин собирался в нефтяные края, домой, там его ждали важные встречи – с промышленниками, с губернатором, он рассчитывал на поддержку, говорил, что свой человек, по возвращении через пару месяцев и должны были принимать решение.. все еще было впереди...

Не только о нефти и делах разговаривали, Бейлин был очень интересный собеседник, информированный, хотя, конечно, не до конца, и вхож во многие высокие кабинеты. Но, главное, образованный человек, любитель истории, проныры, немало нового узнал от него Игорь.

В последние годы Игорю некогда было следить за политикой, он и телевизор-то толком не смотрел, съезды видел только краем глаза, да и скучно, хоть и тревожно, и гадко порой было видеть эти рожи, ни умом, ни слогом не блистало агрессивно-послушное большинство, и неприятно было, как иной раз юлил Горбачева, разве что «Известия» читал по дороге на работу и обратно, но тотчас забывал за массой дел. Распад Союза произошел так быстро, что Игорь – да только ли Игорь? – осмыслить толком ничего не успел. Он ожидал конца, Горбачев после путча казался жалок, но чтобы так, как в Вискулях¹⁰⁴, с охотой и пьянкой? Говорили, что по возвращении в Москву торжествующего, пьяного до смерти Ельцина на руках тащили охранники. Игорь был в растерянности. И видел, что в такой же растерянности депутаты. Они проголосовали, чтобы прекратить агонию¹⁰⁵, не по своей воле – их несла стремнина истории, опомнились лишь через несколько месяцев и начали мстить. Игорю казалось, что Фронт Национального Спасения и депутатская фронда – все мсть. Подсознательная ненависть к подельнику. А тот, подельник, был груб, спесив, по-хамски выгнал из кабинета Горбачева¹⁰⁶. В новой геополитической реальности было нечто плебейское.

Тем интереснее казались сейчас Игорю разговоры Бейлина. Тот уже высчитал для себя: лет через десять («через десять буйных, сумасшедших лет, когда российскую историю подхватило цунами; да, разрушительных, пьяных, безумных десять лет, когда год за два, а то и за три, время руины¹⁰⁷, когда на поверхность выскакивают ничтожные фигурки, однодневные идола, вместо старых банкротов, – так говорил Бейлин) – лет через десять, когда все это успокоится и вернется на круги своя, ни во что иное Бейлин не верил, он тихо эмигрирует в Америку, купит виллу во Флориде и посвятит себя писательству, как Солженицын. Только тот – в сумрачном Вермонте, отшельником, а он, Бейлин, среди солнца и пальм, на берегу океана. Станет там сибаритствовать и писать. А уже материала ему хватит: недаром двадцать лет с хвостиком в журналах и все на видных местах, директор радио и замглвреда газеты, специально старался быть на переднем краю, словно чуял в себе летописца – видел, как страна будто наркоман, садилась на нефтяную иглу, как бурили тундру, тянули трубу и много в нем общался за это время, с тем же Ельциным в бытность его секретарем обкома – первый раз в семьдесят восьмом год на семинаре молодых региональных журналистов, как раз через несколько месяцев после вспышки особой формы сибирской язвы. К войне готовились, и не простой – бактериологической, особые штаммы выводили, легочные. О вакцине не думали, не до того было людоедам. Людей погибло около двух тысяч, но все отрицали, как всегда, якобы эпизоотия и умерло всего шестьдесят четыре человека.

- Вы, кстати, когда-нибудь слышали об этом? – спросил Бейлин.

- Да, по «Голосу Америки». Не помню только в каком году.

- Да, все тайное когда-нибудь становится явным, – усмехнулся Александр Наумович. – Многострадальная земля, Урал. Там и ядерные испытания. И атомные заводы. Но Ельцин в этом деле сбоку. А слухи ходили. Догадывались люди, знали. Да и как иначе, если сразу умерло столько людей? От одного невидимого выброса. Мне рассказывали: вчера сосед был жив, а сегодня умер, а он работал в Свердловске-19, и хоронить не дают, а вокруг оцепление, и делают дезинфекцию и вводят карантин, все – страшно, паника, а диагноз пишут: ОРЗ. И семьям всего пятьдесят рублей.

Так вот, Ельцина спрашивали тогда: молчал. Как все. Дисциплинированный был человек. Настоящий партийный бонза. Он вообще-то мог не выступать на семинаре, деятель не того ранга, там молодежь в основном собралась. Но он целый час говорил: банально, не интел-

104

105

106

107

лектуал, зато исключительно об успехах. Отличался разве что бешеной энергией. Особенно перед начальством. До обкома еще, начальником треста, сдавал недостроенные дома. Но, главное, план перевыполнял. Показуху любил. Ипатьевский дом снес в одну ночь – перед Москвой выслуживался. Пил прилюдно – свой значит, в доску. Умел перед народом, любил. Азартный игрок, крутой. Блефмейстер.

А это: с моста в воду, это уже следующая стадия. На пленуме его занесло.

Да, воз энергии и минимум культуры. Типичный выходец с партбилетом. Номенклатура. Этим все сказано. Мне говорили люди, которые знали его близко: «мать родную продаст за власть».

Бейлин, пожалуй, любил покрасоваться. И прихвастнуть не дурак. Но и знал действительно много и многих: и Росселя¹⁰⁸, нынешнего Свердловского главу, и Рыжкова¹⁰⁹ - во время их встреч гендиректора «Уралмаша», и большинство нефтяных генералов, и у Назарбаева брал интервью, и у Ландебергиса, и у Шаймиева, и с Тулеевым встречался, но ближе всех, пожалуй, Дудаева.

С Чечней у Бейлина существовала особая связь, многолетняя – через давнего друга, героя его очерков, бригадира, а потом и главного инженера-нефтяника из Нижневартовска Ваху Умарова, который год назад вернулся в Чечню и стал одним из приближенных к чеченскому герою и президенту, чуть ли не министром нефти и газа.

- По матерям они оба из одного тайна, - рассказывал Бейлин, Нашхой, у обоих дедушка и бабушка погибли в Хайбахе¹¹⁰, это для чеченцев не пустой звук, у них особая родовая память, особенная связь родственников. Кровная месть – это закон выживания горцев.

Дудаев – боевой генерал, человек решительный, умный, харизматический, неординарный. Новый Шамиль. Он мечтает о войне с Россией, о Кавказской конфедерации¹¹¹. Недавно триумфально выступал перед карачаевцами¹¹².

Советская власть много ему дала и он ей верно служил - пока она была в силе. Но, с другой стороны, чтобы попасть в летное училище, ему пришлось назваться осетином, а осетины и вайнахи, надо знать, не любят друг друга, и отец умер в ссылке, и сиротское детство в Казахстане – никто такое не простит, а уж чеченцы – особенно. Когда Россия придет в себя, будет война, или Россия потеряет Кавказ.

Сталин гвоздями обивал державу, но гвозди давно проржавели. Сталин – не только побеждал врагов, он их создавал – на десятилетия. Настало время расплаты. Дудаевца разоружили воинские части, оружия у них сейчас полно.

- У Вахи племянники сейчас в Москве, - продолжал Бейлин. – Крышуют бизнес, делают деньги. Чечня готовится к осаде. Если хотите, я вас познакомлю. Будет надежная «крыша». Особенно, если поклянутся на Коране.

- «Бандиты», - испугался Игорь. – «И при чем здесь Коран? Они ведь молодые, бывшие комсомольцы», - по слухам чеченские бандиты были самые смелые, но и самые жестокие. Их все боялись.

Это вообще был больной вопрос. Давно следовало озаботиться охраной – Людмила давно предлагала своих, - но Игорь никому не доверял, да и денег было жалко, и оттого он медлил.

- У вас есть «крыша»? – спросил Бейлин.

- Да, есть, - Игорь боялся чеченцев и потому соврал.

- Ну, смотрите, если понадобятся мои ребята, я всегда их найду, – пообещал Бейлин.

108

109

110

111

112

К этому вопросу Бейлин больше не возвращался. И Игорь тоже молчал.

Александр Наумович был человек творческий, увлекающийся. Собирался писать не только о нефти – нефть: фон, важнейший компонент, кровь истории XX века, - но и о распаде Союза. Философско-публицистическое исследование. Собирал факты, обдумывал, делал наброски, какие-то фрагменты публиковал, но вместе с тем ощущал недостаток знаний, узость своего кругозора. «Железный занавес – это не выездные визы, не пограничник с автоматом, это культурная изоляция». Оттого, как сам сознавался, пытался избираться в Верховный Совет, но его отодвинули – у нефтяных генералов оказались люди, более близкие к телу. Из своего журналистско-литературного любопытства Александр Наумович даже оказался в Белом доме в августе девяносто первого.

- И что там было? – Игорь тоже собирался на баррикады, но как-то оказалось недосуг. Как раз в те дни у Игоря случился скандал с бухгалтершей, собственно, давно тлело, но тут она взбунтовалась, не захотела уничтожить бумаги и спасти деньги – после скандала и слез под аккомпанемент «Лебединого озера» она написала заявление и он был очень доволен своей маленькой победой. На несколько часов победа эта заслонила Игорю Белый дом. Как раз позволила Светлана Кленская, они, несколько человек из Демпартии, куда Игорь уже давно не ходил, собирались идти «защищать Ельцина», но Игорь отговорился бухгалтершей.

- «Успеха тебе», - весело пожелала Светлана.

Игорь был удивлен: ни капли тревоги не уловил он в ее голосе. Будто они собирались на пикник. Он же в это время одиноко сидел в рабочем кабинете и мысли были у него исключительно мрачные; ему казалось, конец. Вот-вот эти штурмом возьмут Белый дом и начнут арестовывать кооператоров и демократов. А он вещь еще недавно...

Хотя, едва ли он числился в каких-то особенных списках... Но если и не арестуют, то кооперативы прикроют точно...

Впрочем, он все-таки побывал у Белого дома. Кажется, на второй день. Накануне он сказал Юдифи, что идет на баррикады, но сам отправился к Асе. Ася давно его ждала и никуда бы непустила, он это знал.

- Все эти защитники, - говорила Ася, - бегают от одного подъезда к другому, слоняются и поют песни – они думают, что что-то защищают. Но если раздастся хоть одна автоматная очередь, они тут же разбегутся. Ты не видел, что было в Баку и не знаешь, как это страшно. Ты не имеешь права рисковать... Ими просто прикрываются...

С Асей они все же выбрались в центр, ей нужно было в Институт красоты. Игорь уговорил ее дойти до Садового кольца. Там непрерывным строем вытянулись бронемашины и грузовики, кое-где стояли танки, в машинах сидели мрачные, на одно лицо, солдаты в касках и с автоматами; кажется, они были в плащ-палатках.

- Солдаты, - попытался агитировать Игорь, - неужели вы станете стрелять? Поверните оружие против узурпаторов!» - хотелось ему крикнуть, но солдаты, и офицеры тоже, под плащ-палатками не видно было знаков различия, были безмолвны. Они словно застыли, мрачно, тупо, грозно, словно превратились в слившуюся, сросшуюся, неразделимую массу – казались тупой силой, которую нельзя одолеть. Той самой, которой он всегда боялся. Которая чуть меньше четверти века назад вот так же молча, тупо, покорно, взяла Прагу. А до того Будапешт.

На тротуарах стояло множество людей, тех, кто пришел защищать Белый дом, а может и просто зеваки. Рядом валялись скамейки, непонятно, откуда взявшаяся мебель, огромные булыжники, металлолом – то, из чего обычно делают баррикады; дальше вдоль Садового кольца растянулись огромные грузовики, пригнанные с разных маршрутов троллейбусы.

- Нужно перегородить Садовое, - не разобравшись, стал командовать Игорь. Несколько человек тотчас подчинились и вместе с ним принялись ставить поперек улицы скамьи. Но он ли руководил, или те сами, без всяких команд, Игорь не знал. Да и неважно это было сейчас. Но тут же двинулись грузовики, скамейки, которые они только что ставили, были перевер-

нуты и раздавлены колесами, словно спичечные коробки; грузовики и троллейбусы медленно поползли дальше, к Белому дому.

- Это наши, - сказал кто-то. – Они перегораживают улицу.

И правда, весь последний отрезок Нового Арбата перед Белым домом оказался забит машинами, так что танкам было не проехать. Или они все могли раздавить, разметать? Расстрелять? Сжечь?

И еще – Клёнская. Светлана. Игорь увидел ее в нескольких шагах от себя, на груди у нее в виде броши горделиво развевалась ленточка цветов российского триколора. «Прямо как на баррикадах», - подумал Игорь. Она прошла мимо, не заметила его, и Игорь не стал ее окликать. Она была прекрасна, а рядом с ним стояла и все видела Ася.

Игорь почувствовал, что делает что-то не то и что от него здесь едва ли что-нибудь зависит и позволил Асе увести себя с площади. И потом только по телевизору видел ликующие толпы, как с помощью тросов рушили железного Феликса, Ельцина на трибуне, когда хоронили погибших¹¹³ и, кажется, тем же вечером понуро спускающегося по трапу самолета, не по-президентски, в какую-то куцую курточку одетого Горбачева, только освобожденного из Форосского плена. И днем или двумя позже, в Белом доме перед Верховным советом России – видел Ельцина, подписывавшего указ о запрете КПСС и, словно оплеванного, сдавшегося Горбачева.

Игорь находился на работе в кооперативе, когда шустрая уборщица Полина Андреевна сообщила, что расположенный рядом Киевский райком пришли печатывать с милицией. В первый момент Игорь не поверил – за десятилетия он привык, что партия существует вечно; он ненавидел эту партию, но абстрактно, независимо от его воли она срослась с ним, как некое неизбежное зло, как болезнь; в последнее время он даже общался с райкомовцами, надеясь, что они помогут с арендой; он впервые видел в них обыкновенных людей, хитрых и донельзя напуганных и растерянных, - но оказалось, правда: двери на райкомовский этаж опечатали. Монстр на время испустил дух.

- Вас интересует, как делалась история? – насмешливо, показалось Игорю, переспросил Бейлин. – Там было очень много суеты и очень мало осмысленных действий. И – многие под шафе. В том числе и в ельцинском штабе. Свобода оказалась хмельной, в прямом смысле.

Антураж соответствующий моменту: мешки с песком в окнах, противогазы, бронежилеты, все свалено в угол, возбужденные энтузиасты, среди них, конечно, и агенты КГБ, небритые лица, красные от бессонницы глаза, бравый полковник Руцкой – это его звездный час, как и у Ельцина, генерал-полковник Кобец.

Защитники Белого дома не продержались бы и часа, охрана готовилась эвакуировать Ельцина в американское посольство. Представляете, лучшего подарка для гэкачепистов и придумать было нельзя, но... История оказалась на другой стороне. Сначала Грачев прислал генерала Лебеда с банками, потом – путчисты сдрейфили и перепились... Военные вышли из повиновения. Все-таки Гражданская война у нас в генах, в памяти...

Советский союз рождался величественно и страшно. С неясной, несбыточной мечтой о всеобщем счастье и одновременно об уничтожении целых классов. В крови, в тифозном бреде, в голоде, с миллионными жертвами. А умирал – трагикомически. Вы помните, наверное, трясущиеся руки похмельного Шалаева? А Павлов? Премьер-министр сразу после пресс-конференции сбежал на дачу и запил. У них не нашлось никого. Только кучка заговорщиков-отщепенцев. Все, что осталось от сталинской партии.

Но и по другую сторону. Ельцин – герой на танке. Это в учебники войдет, как Ленин на броневике. Хотя, конечно, Коржаков договаривался перед этим, и танки были дружественные, Лебеда. Но все-таки, высокий момент, может быть, даже высший момент революции.

Но парадокс в том, что сам Ельцин – не революционер, не либерал, не демократ, оборотень. И вокруг него: попутчики. Силаев первый их покинул. Их объединяла власть, не идея. Разве что Гайдар. Барич от революции.

И почти тут же, осаду еще не сняли, а в подвалах уже накрывали столы. От героя до подвыпившего обывателя – всего один шаг.

Попова напоили. Ну, я не думаю, что он выпил больше других. Просто профессор не умел держать удар. Куда ему против Кобеца, или того же Коржакова.

- Союз с самого начала был обречен, - утверждал Бейлин, - с первого дня. Большевики реставрировали царскую империю. Склеили – не столько идеей; их идея, как фата моргана, сколько силой и кровью. Им нужно было уничтожить историческую память, самосознание периферийных народов, их культуру, слить языки. Помните притчу про Вавилонскую башню? Так вот, в их темнице все наоборот. Им нужно было уничтожить религию, потому что религия разъединяет, а им требовалось унифицировать. Унификация – обязательное свойство всех империй.

Для Ленина Россия была пушечным мясом, ступенью к всемирной пролетарской державе. Хотя... он быстро все понял. Он был прагматиком. Идея мировой революции умерла вместе с ним. Зато Сталин проще, примитивнее, у этого простолюдина с самого начала не было иллюзий, он знал, что только сила, только страх. Русификация. Он не верил ни в какое единство пролетариата. Он знал цену пролетариату...

Для него пролетарский интернационализм – только красивая накидка, идеологический флер, брошенный на имперскую идею.

Посмотрите на старые линии разлома, где распадалась царская империя. И сейчас, новые. Советская империя распалась по тем же самым линиям. Им не удалось создать советский народ. Советский народ – это самая большая химера в истории.

Собственно. Советский Союз держался на двух величайших химерах: на химере бесклассового общества и по химере единого народа.

Но химера и есть химера. Роль эксплуататора, и притом жестокого, играло само государство. Вместо диктатуры пролетариата диктатура советской бюрократии. Диктатура обезличенная, где люди – сверху донизу – только винтики и шестеренки.

Сталин даже марксистом не был. Так, эклектик. Его марксизм также далек от настоящего, как «Краткий курс» от действительной истории.

Что касается единого народа, тут – пшик. Стоило только расслабить удавку. Мы просто не знали. Советская власть умела хранить свои секреты. И еще – темнота. Они, большевики, могли победить только в темной, полуграмотной, разъеденной ненавистью стране. Стоило только образовать народ...

Всякой насильственной власти приходится выбирать между темнотой и отсталостью, и образованием, которое необходимо для развития, но неизбежно губит эту власть.

Но я вот о чем, - продолжал Бейлин, - мы просто не знали. А между тем было множество национальных бунтов и межнациональных столкновений.

- Я, знаете, бываю на охоте с сильными мира сего. Охота, рыбалка, баня, стандартный джентльменский набор. С губернатором нашим Звонаревым, с начальником областного КГБ, теперь ФСБ. Я же, как там, «придворный еврей» у них, «глянцевый писатель».

Ну, понятно, там водка, шашлыки, разговоры. Тот же начальник КГБ, он же умный мужик, ушлый – все понимает, все знает, имеет доступ. На работе плетет провокации, работа такая – муторная.

Вы думаете, они шпионов ловят? Ловили? Так нет же давно шпионов. Это только в кино. Диссидентов? Все диссиденты в Москве, в Ленинграде, еще в трех-четырех городах. А там, разве что кто спяну ляпнет. И ради этого огромное управление, штаты, деньги. Да и звездочек хочется. В центральный аппарат в Москву. Ну вот, они сидели и придумывали. Им очень

нужны были диссиденты. И просто от скуки. Они зверели от своих бумажек. Вот и придумывали. То «дело писателей». Знаете, был там у нас кружок литераторов. Вечера проводили. Стихи писали. Решились издать альманах. Вот вам и «дело». Вроде какие-то намеки. Или некий учитель-самоучка в дневнике ругал власть. Ему бы дома под замком держать тот дневник, а он захотел славы. Странный человек. Дождался, пока донесли. Вроде бы директор той же школы. Посадили, отправили в Москву на комиссию. Поставили диагноз: шизофрения. «Бред правдоискательства».

Начальник этот, полковник, он зверь на работе, а в быту милейший человек. Шашлыки жарит, водку пьет, анекдоты рассказывает. Стихи патриотические пишет. Стихи – это специально, Андропов тоже писал. Ну вот, он у местных поэтов заказывал. Потом публиковал под псевдонимом. Ну, там хитрая технология, чтобы довести до Москвы. Но песни пел и на гитаре играл – сам.

Я это вот к чему. Что называется, из первых рук. От начальника КГБ, когда Горбачев развязал языки. Не тишь, да гладь. Каждый год где-нибудь трясло. Обычно межнациональные эксцессы. При Горбачеве стали писать. А раньше шито-крыто.

- Например? – спросил Игорь.

- Например, Грозный, 1958 год¹¹⁴. Русские поднялись в ответ на возвращение чеченцев. Но и все двадцатые-тридцатые годы трясло. Одно восстание за другим¹¹⁵. Или Новочеркасск¹¹⁶. Это не межнациональные столкновения, но все равно. Тбилиси, 1956 год¹¹⁷. Краснодар, 1961-й¹¹⁸. Темиртау¹¹⁹. Муром¹²⁰, Александров¹²¹. Бивек¹²². Выступления солдат, верующих. Восстания в ГУЛАГе¹²³, множество межнациональных столкновений поменьше. Наконец, в Литве¹²⁴, в Ташкенте¹²⁵, в Чимкенте¹²⁶, в Орджоникидзе¹²⁷. В Абхазии каждые десять лет что-то обязательно загоралось¹²⁸. Тот же Карабах – многовековой конфликт. Там уже горело¹²⁹. А крымские татары¹³⁰, а немцы¹³¹? При Горбачеве – запольхали старые конфликты.

Я вот что не могу понять, с увлечением говорил Бейлин, – для нас это оказалось откровением, для всех или для огромного большинства. От нас скрывали. Так, просачивалось что-нибудь. Но Горбачев... Он обязан был знать. У него на столе должны были лежать соответству-

114

¹¹⁵ Восстание против Кавказской добровольческой армии П.Врангеля вспыхнуло в Чечне в 1919 году. Но уже в 1920 – против Советской власти. Восстание во главе с Али Митаевым длилось в течение пяти лет: в 1920-1925 гг. Новое, очередное восстание вспыхнуло в 1929 году, затем в 1932 – против коллективизации. Это восстание было поддержано рядом казачьих станиц. Затем снова – в 1937 году, в ответ на репрессии, в том числе против духовенства и проповедников. В 1940 году произошло новое, очередное восстание во главе с Ибрагимовым и Манрбеком Шериновым (1941), которое перешло в партизанскую войну и продолжалось до 1944 года, то есть почти до депортации чеченцев (1944).

116

117

118

119

120

121

122

123

124

125

126

127

128

129

130

131

ющие записки, из КГБ в первую очередь. Но ничего не было. Чудовищная некомпетентность. КГБ должен был анализом заниматься. Но... Сами себя обманули.

Чтобы спасти Советский Союз, из него нужно было сделать конфедерацию. Дать республикам свободу, ограничить власть центра. Что-то вроде ЕЭС. Но Горбачев не хотел и не мог. Он даже не догадывался, пока не загорелось. Да и кто бы ему позволил раньше? Те же военные, КГБ, партия. Стоило только тронуть эту конструкцию...

Все дороги вели к распаду, - продолжал Бейлин. Видно было, что он много думал на этот счет, может быть, мысленно даже примерял себя на место Горбачева, и теперь высказывал давно созревшие мысли. - да, все дороги. Страна больше не могла развиваться без демократии, без частной инициативы и рынка. Система себя исчерпала. Но свобода означала распад. У нас ведь было искусственное общество, придуманное. И искусственное, скроенное с Лениным-Сталиным государство.

Главное, элиты созрели. Самая умная и ушлая часть элит, как их теперь называют. Поняли, что могут иметь больше. Не только госдачи, которые тут же отберут, если что, не продукты и одежду из спецраспределителей, а детей пристроить в МГИМО, но много больше. Что госсобственность можно приватизировать. Что можно выйти из-под контроля Москвы. Вы помните «узбекское дело»¹³²? Это был сигнал. Горбачев нарушил негласный договор. Сталинская диктатура давно вменилась в стране олигархией, недаром Брежнев говорил о бережном отношении к кадрам. Горбачев не понимал, на чьи интересы посягнул...

Секретари обкомов, головка спецслужб, люди из ЦК - из Москвы и из республик, - а больше всего красные директора, крепкие хозяйственники - они первые развалили систему. Первые стали рвать куски, выводить за рубеж деньги партии. Да, они, а вовсе не кооператоры. Открывать оффшоры. Им больше не нужен был псевдосоциализм.

Революционную ситуацию создали они, а демократическое движение, толпы на улицах, политические партии - все это только антураж, массовка. Пока демократы спорили и еще продолжают спорить, как обустроить Россию, шел и идет дележ собственности. Первоначальное накопление. Государство элементарно разворовывают. Всюду, где были прямые связи, внедряются посредники, платятся бешеные откаты, директора почувствовали вседозволенность.

- Вот вы говорите: «элиты созрели», - перебил Игорь. - А как же агрессивно-послушное большинство? А компартия РСФСР? Они ведь - ретрограды. Скрытые или явные сталинисты.

- Да, раскол элит, - подтвердил Бейлин. - Раскол и раздвоение. Помните, как Ленин говорил о крестьянах? Они и труженики, и собственники. Так и тут. В головах коммунистические бредни, ненависть к Западу, имперские идеи, а руки загибающие, тянутся к собственности. Мы - опять хотим быть особенными, не как все.

В другой раз Бейлин стал доказывать, что одна из главных причин крушения Союза состояла в том, что Горбачев потерял контроль над спецслужбами. И это они, спецслужбы, поджигали межнациональные конфликты.

- Зачем? - усомнился Игорь.

- Тут могло быть сразу несколько причин, - стал рассуждать Бейлин. - Во-первых, в самих спецслужбах произошел раскол. Прежде всего по национальному признаку. Во-вторых, они, возможно, хотели напугать центр, заставить отказаться от реформ. Возможно, готовили заговор, но в последний момент карты не легли. Или не нашлось решительного, умного генерала.

Но были и такие, кто только выиграл. Это была их революция. Так сказать, из чекистов в капиталисты...

Или еще: встречный пал, как в Абхазии. Для борьбы с пожарами иногда поджигают встречный огонь. Те же интердвижения¹³³...

132

133

- А демдвижение? – спросил Игорь.

- Что-то было, - отвечал Бейлин. – Склок больше, чем дела. Мы оказались инфантильны. Когда шум вокруг диссидентов рассеялся, оказалось, что – пусто.

Я сам был в «Демплатформе¹³⁴». Это, пожалуй, лучшее, что могла выдать страна. И что в итоге? А ничего. Я вижу, что происходит на Севере. Делят нефть. Вот и вся демократия. Народ не готов к управлению.

Демдвижение – это верхушечное. В Верховном Совете демократы в меньшинстве. Они делают ставку на Ельцина. А я ему не верю...

В один из дней Бейлин принес прекрасно оформленный глянцевый буклет, отпечатанный в Финляндии. То был рекламный проспект Ямальской нефтяной компании «ЯНКО». Изображены на нем были нефтяные скважины и газовые вышки, бескрайние виды тундры, покрытой где снегом, а где ягелем и, как положено в таких случаях: олени, собачьи упряжки, оленеводы: ненцы, хаиты, коми и – сам генеральный директор, «хозяин» тундры генерал-фельдмаршал Бардельников, герой соц.труда, депутат, северянин, демонстративно не любящий Москву – простонародное, некрасивое, волевое лицо, острый, буравящий взгляд, слегка оттопыренные уши, приплюснутый нос.

- Железный мужик, - уважительно сказал Бейлин. – Мастер спорта по боксу. Чемпион Севера. «Батя», - так все его зовут. Прошел путь от простого рабочего. Любого перепьет. Но хитрый. Этот буклет дарит высоким московским чиновникам. Специально для них составлял. В Финляндии договаривался. Параллельно на английском и немецком языках.

Иногда я думаю: интересно в эти края туристов с Запада возить. Экстремально-познавательный туризм. Как в космос. Сразу все: красота, экстрим, полярная ночь, величие Севера, северные люди, олени, собачьи упряжки и, самое главное, нефть. Прямо Рокуэлл Кент.

Здесь была под землей спрятана сердцевина Союза, а теперь – России. Вынь эту сердцевину – и все, конец. Парад суверенитетов. Пойдут делиться дальше. Татарстан. Башкортостан, Уральская, Сибирская, Дальневосточная республики. – Он понизил голос. – И вот этот мой директор распродает богатство недр за полцены, даже за четверть, своим же оффшорам. Не ленив, как другие. Те не шевелятся, все отдают посредникам, не за просто так, конечно, но все равно. А этот сам. Чужих не допускает. О рабочих заботится. Хозяин. И никто ему не указ. Раз в неделю принимает работников. «Ты и ты, останьтесь. А ты – на хуй, в другой раз».

- Хам, - возмутился Игорь. – Мы-то к нему каким боком подойдем? Он же с нами считаться не станет. Все положит в один карман. - Ко мне он хорошо относится, - заверил Бейлин. – Я ему очень помогал, когда он пробивал ВИНК¹³⁵. Хотели все растащить, было дело, но он не дал. До президента добрался. И не с пустыми руками. Бардельников наш все рассчитал и на выборах сильно помог.

Но, - продолжал Бейлин, - есть и другие месторождения и компании. Можете не сомневаться: акции будут сильно расти в цене. А сейчас идут практически за бесценок.

Я на Севере скоро двадцать лет, журналист с экономическим уклоном, со связями. Вместе с нефтепромыслами рос. Кое-какой информацией я владею. И от Вахи Умарова тоже связи. Я у него поверенный теперь. Не ждал, не гадал, а вышло.

Да вы бы сами выбрались на несколько дней, - предложил Бейлин. – Посмотрели бы на месте на эту красоту. Я бы заодно вас кое с кем познакомил. Там тоже деньги. И большие.

Но Игорь засомневался. Он и здесь, в Москве, едва мог вырваться на день. Никому нельзя было доверить обналачку, да они, другие, и не справились бы. К тому же, стоит уехать на несколько дней, как кто-то из клиентов найдет другую контору.

134

135 ВИНК – вертикально интегрированная нефтяная компания, совмещающая добычу и переработку нефти.

- Я здесь как раб на галерах. Вот хотели открыть магазин. Мне некогда было, так без меня арендовали не то.

- Да зачем вам магазин? – удивился Бейлин. – С вашими деньгами?

Через несколько дней Александр Наумович уехал. А когда вернулся, больше не предлагал Игорю нефтяные акции. Бардельников терпеть не мог москвичей, а они, как назло, лезли. Вот Бардельников и вычеркнул Игоря. Он доверял только своим, знакомым людям, «с кем не один литр спирта выпил», как говорил Бейлин. Там, на Севере, даже во время горбачевской антиалкогольной компании не действовал сухой закон.

Игорь все-таки кое-что заработал, скупая для Бейлина чеки. Александр Наумович, нужно признать, не мелочился – похоже, на таинственном Севере ему плыли в руки немалые барыши. Но Игорь скупил только несколько сот штук – мизер; большую часть ваучеров Бейлин приобрел через брокеров на бирже.

Глава 9

Нефть... Нефтяные акции служили предметом особенного вожделения. Но – их не было на биржах. Нефтянку, как самый сладкий пирог, оставили на потом, для приближенных к власти гурманов. Залоговые аукционы предстояли впереди; в девяносто втором – девяносто третьем их еще не придумали. Да и сами герои будущих аукционов пребывали пока в неизвестности. Олигархия только нарождалась.

Время от времени в конторе появлялись люди с Севера, нефтяники, вахтовики, громкие, уверенные в себе люди, соблазняли тамошними богатствами, искали ваучеры, но вскоре исчезали. Иные из «Кредитной конторы» прямоком отправлялись в «Чару» или в «МММ» - игра в деньги захватывала все больше жертв. Люди в тот год вообще постоянно мелькали, Россия словно сорвалась с насиженных мест.

Вскоре после того, как стало ясно, что на Бейлина не приходится рассчитывать – глянце-вый писатель явно не имел влияния ни на харизматичного, брутального Бардельникова, ни на начинавшего входить в силу Звонарева – тот прославился тем, что как-то выволок за волосы гаишника, в другой же раз пьяный сбил мотоциклиста, но ему все сходило с рук: Звонарев был среди глав администраций, решительно поддержавших президента. А еще – установил посты на границах немаленькой своей области, не выпуская, но и не впуская в область машины со спиртом и водкой, и попытался ввести местные чеки.

Как только с Бейлиным ситуация прояснилась, Игорь познакомился с Федоровым Александром Ильичем, академиком. Шел уже, кажется, девяносто третий – Игорь никогда потом не мог восстановить точную хронологию: события использовали друг на друга, время предельно оказалось уплотнено. Валерий Кария, Олег, Мурашко, Болдырев, «Гринтауи», Максим Литвинов, Хвоинский – все перепуталось, свернулось в клубок, нити перепутались морскими узлами.

Да, кажется, девяносто третий. Гайдара только что сняли¹³⁶, он говорил долго, убедительно и даже красиво, но заводы закрывались, рабочие стояли по обочинам, торгуя товарами собственного производства, газеты писали о рэжете, недовольство ширилось, и оттого его речь оставила двойственное чувство: вроде бы прав и в то же время не прав, правда ускользала, никто не ожидал, что кризис так сильно затянется и что будет так худо. VII съезд нардепов обозначил чертуб терпение истощалось, нарастала конфронтация, реформы вызывали глухое раздражение. Депутаты пришли в себя после Беловежской пуши и теперь большинство ненавидело Ельцина, лис Хасбулатов велеречиво говорил о социал-демократии и скандинавской модели¹³⁷

136

137

и, похоже, дергал паяцев за тайные ниточки. Начиналась пятилетка Черномырдина¹³⁸, но референдум¹³⁹, «ОПУС¹⁴⁰» и это: «да, да, нет, да¹⁴¹» - были еще впереди.

В тот день в коридоре сидела длинная очередь вкладчиков: очередь росла по мере того, как увеличивалась в стране напряженность и раскручивалась спираль гиперинфляции: буханка хлеба стоила уже больше тысячи. Игорь сочинял договора по обналичке, как вдруг в кабинет заглянула женщина.

- Игорь Григорьевич, - чуть робко и настойчиво обратилась она, - мой муж очень крупный ученый, очень скромный человек. Он так и будет сидеть и ждать, хотя у него солидная фирма, большой отдел в институте и время расписано буквально по минутам. Позовите его, пожалуйста, сами, он не согласится пройти без очереди к кассирам, я уверена, что вам с ним будет очень интересно поговорить.

Алпекандр Ильич – ученый-нефтяник, разработал очень чувствительный метод поиска месторождений нефти. В советское время стал лауреатом, а сейчас сам занимается поиском и переработкой. И хочет перевести вам очень крупную сумму. Мы слышали о вас много хорошего.

Игорь тотчас пригласил Федорова в кабинет и велел подать чай. Академик и впрямь оказался интереснейшим собеседником, разностороннейшим, к тому же хорошо знал Кейна и не раз бывал на «Московской трибуне». Он заведовал отделом в нефтехимическом институте и еще читал лекции в университете – в институте, несмотря на то, что страна сидела на нефтяной игле, был сейчас полный раздор, зарплаты не платили, сотрудники перебивались кто чем мог, зарабатывали только те, кто был непосредственно связан с производством, большинство же подались кто в челноки, кто на рынки, иные доктора наук работали аппаратчиками, а сам Федоров арендовал у дирекции собственную лабораторию, на эти деньги и на пожертвования от его заграничных патентов и жил весь его прежний отдел.

- Там очень интересная проблематика, - рассказывал Александр Ильич, - лет через десять должны быть замечательные результаты. Можно станет добывать нефть в сланцевых породах. А это настоящая революция. Запасы сланцевой нефти в десятки раз больше, чем обычной. Ведь этой нефти, что мы сейчас качаем, всей этой Brent и Ural не хватит и на сто лет. А что потом? Кто-нибудь задумывался по-настоящему? Ведь человечество гигантскими шагами – беззаботно и бездушно – идет к исчерпанию ресурсов. Капитализм, социализм – все это мелко перед этим вызовом. Мы разоряем Землю, планету, на которой живем. Уже нашим детям, о внуках я не говорю, может не хватить ресурсов. Нефть, газ, металлы, вода – все ограничено. Вы видели когда-нибудь истощенные разработки?

- Нет, - сознался Игорь.

- А их много. Соляные шахты, угольные, рудные. Чехия когда-то была чемпионом Европы по добыче серебра. На королевском монетном дворе чеканили серебряные талеры. Доллары. Да, отсюда и пошел доллар. А теперь – пусто. Запасы истощились.

А нефть? Множество заброшенных вышек. Выбирают нефть процентов на двадцать–двадцать пять и все. Бросают. Дорого. Нет технологий. Хищничество.

А сланцевая нефть требует новых технологий добычи. Из керогена, например. Это предшественник нефти. Или горизонтального бурения. Еще недавно наши исследования были засекречены. А теперь – ни денег, ни интереса. Только сорвать пенки. Наши реформаторы не думают о будущем. Наука под нож. Я не говорю, что раньше было хорошо: жестокая иерархия,

138

139

140

141

косность, апофигизм, но сейчас: мы превращаемся в страну Третьего мира. Наш доморощенный капитализм исключительно непроемчив.

Хорошо еще, что я сумел зарегистрировать несколько патентов на Западе, создать СП¹⁴² кое-что мы все-таки разработали: определение запасов в месторождениях, например, или методы более полного извлечения. Методы определения месторождений: математические модели. Но это все мало кому нужно здесь и сейчас. Государственные директора и пальцем не хотят пошевелить, а частники, трейдеры так называемые, временщики. Им – деньги, только деньги, сейчас время такое: рвать куски.

Я никогда не любил коммунистов, не верил в эту то ли утопию, то ли антиутопию, в партию вступил, потому что без этого нельзя было лекции читать студентам, за границу не пускали. А вы не представляете, как это важно для науки: конференции, обмен опытом... Но ведь стало еще хуже. Говорят: кризис. Да, кризис. Но ведь рукотворный. Горбачев был первый за много лет человек на троне с человеческим лицом. Но – мало понимал в экономике. А этот... Социальную сферу, науку, культуру – просто сбросили с корабля...

Сам Александр Ильич, между тем, продолжал успешно работать. Разработал и внедрил метод определения запасов нефти в недрах, открыл несколько новых месторождений, причем метод его позволял открывать даже малые месторождения, и сам занялся бизнесом – добычей и переработкой нефти – еще в кооперативные времена. На разработку крупных месторождений денег у него не было, те, что заработал, сгорели в огне гиперинфляции, зато, имея колоссальный опыт нефтяника, он брался за добычу на малых, а то и вовсе заброшенных месторождениях, получая в лизинг не новую технику из-за границы почти бесплатно.

- Мне знаете, что напоминает моя работа? – спрашивал Александр Ильич. – Ваньку-встаньку. И сам я, как Ванька-встанька. Вся моя семья. Дед мой был известный железнодорожный инженер. Тянул дорогу в Среднюю Азию. Тоннели, мосты строил. Не захотел уехать, надеялся, что понадобится стране – его расстреляли.

Слышали про «дело Промпартии»¹⁴³? Сейчас пишут. Все – чистая фальсификация. Чтобы свалить с себя всю ответственность за неудачи. На вот, после «дела Промпартии» пошли отраслевые дела. По одному из них расстреляли моего деда. Реабилитировали только недавно.

Отец – тоже инженер, ученый, чудом пережил тридцать седьмой год, но в сорок первом, в ополчении, под Москвой, погиб. Я начинал все сначала, а мой сын хочет уехать в Америку.

- Ничего не должно пропадать, - горячился Федоров. – Я вам скажу, что план не лучшая система. И госсобственность, то есть ничья по существу, тоже. Быстрее, быстрее... Давай, давай... Скважины бросали на половине. Это, знаете, как: скупой платит дважды. Деньги-то народные, то есть ничьи...

А теперь – приватизируют. Вместо того, чтобы навести порядок. Новые хозяева, нувориши, будут спешить снять сливки, бросать скважины задолго до истощения...

Деньги, деньги, деньги... Как говорил Маркс, уж точно не помню. Нет такого преступления, на которое капиталист не пойдет ради двадцати процентов годовых, или пятидесяти... А тут: сотни, тысячи процентов...

Федоров так увлекся, что забыл о деньгах и Игорю стоило немалых усилий вернуть его на грешную землю. Он вызвал Ольгу Ивановну, и пока она готовила договор, Александр Ильич продолжал рассказывать о безмерных возможностях нефтяника и о том, как бездумно гонят нефть на Запад и прячут деньги в оффшорах в то время, когда в упадок приходят заводы, которые могли бы приносить огромные дивиденды. «Есть люди, есть технологии, есть потенциальные иностранные инвесторы, настоящие, не наши бывшие, но их не пускают... Нефть только для своих...». Он, Федоров, был у министра, доказывал, что не нужно приватизировать,

¹⁴² СП – совместное предприятие.

¹⁴³

что лучше создавать СП, тот вежливо выслушал и ничего не сказал. А потом ему передали: министр пальцем покрутил у виска.

- Я вижу, вы заинтересовались моими разговорами, - прощаясь, Александр Ильич хитро прищурился.

- Не то слово, - отвечал Игорь. – Нефть! Я был бы счастлив работать с вами. Ваш опыт, ваши знания, связи, а я бы занялся финансами. Одна беда, денег пока мало. Да и те короткие. Но, если запланировать, деньги понесут.

- Деньги – дело наживное, - улыбнулся Федоров. – У тех, кто сегодня ворочает сотнями миллионов, а может и миллиардами зеленых, хотя вряд ли, еще два-три года назад были только жалкие крохи.

Договорились встретиться в офисе у Федорова на Маяковке через две недели, потом – отложить совместный проект до начала лета. К тому времени Федоров рассчитывал завершить подготовительный этап. Тогда можно будет подумать об эмиссии.

- Главное, копите деньги. И мои – берегите, - напутствовал Александр Ильич. – Я рассчитываю на крупных иностранных партнеров. Все получится.

Глава 10

Все очень здорово начиналось. Кредиторы, заемщики, посредники, вкладчики, страховая компания, клиенты на обналичку – все выстроилось легко и быстро, без особых усилий с тех пор, как Игорь переехал на Кирпичную улицу. По крайней мере Игорю так казалось. То есть работа была нелегкая и нервная, ежедневно приходилось решать десятки дел, целыми днями он крутился, как белка в колесе, иной раз, приехав домой, валился без сил, но он был молод – всего сорок пять, и – ему нравилось. Он чувствовал себя в своей стихии. Это была та жизнь, к которой он стремился. Свобода! Никто ему не мешал! Он вообще любил работать с людьми. Ему доставляло удовольствие общение. Он никогда не думал об этом, но – подсознательно – он испытывал удовлетворение от ощущения собственной значимости. Это было его время, его месяцы!

Хотя, странно, к тому времени он получил уже немало уроков: в кооперативе, в политике. Он уже знал людей понимал, что стоит оступиться, ошибиться, попасть в беду, показать слабость – и все, тебя тут же бросят, или хуже – растопчут, и никто не протянет руки. Он знал, что люди эгоистичны и своекорыстны, но – пока это его не тревожило; это темное знание было безмолвно и абстрактно, он полон был энергии и оптимизма. Это тогда – или потом? – он вычислил: если бизнес – идея правильная, удачная – все работает на тебя, все легко организуется; если же нет – никаких усилий не хватит.

В те дни он поверил в судьбу, в предназначение, в империю, которую он должен создать. Он казался себе капитаном на мостике, который вовремя поворачивает руль. Вокруг были рифы, но корабль несся вперед.

Странно даже, но это восторженное, он рассматривал их, как под микроскопом. Видел и – все равно ошибался. Считал себя скептиком, а оказался идеалистом. Лишь много позже он догадался, что видел в других себя, свое. А они были совсем другие... Хуже, лживей...

Одним из тех, кого Игорь тогда прочитал, будто книгу, был Владимир Александрович Хвоинский, тот самый, кого Игорь водил смотреть квартиру и который чуть позже сосватал ему Гарант». Игорь не сразу, но довольно скоро понял, что этот скучный, невзрачный, занудливый и жадный человечек с вечным потертым портфельчиком, в вязаной шапочке с помпончиком, делавшим его похожим на Буратино, с остренькими, крысиными чертами лица, но с обширными связями, в прошлом то ли референт какого-то важного лица, то ли сотрудник

хозу¹⁴⁴ ЦК, сам он как-то проговорился, что работал у Кручины¹⁴⁵, но это мог быть блеф. Хвоинский вообще любил блефовать и ни одному его слову нельзя было верить, наверняка бывший сексот, словом, мерзкий тип с сомнительным прошлым и сильно скрытым от глаз настоящим, за тридцать сребреников готовый продать родную мать, который успешно занимался всем сразу: посредничеством, оффшорами, подделкой документов, расселением квартир и выселением алкоголиков – все это Игорь узнавал постепенно, так что скоро понял, что этому человеку нельзя доверять ни на копейку, но, с другой стороны, это был человек исключительно полезный и изобретательный, умевший быть нужным. Он не был у Игоря кредитором, но, пожалуй, посредником. На договоры он всегда приводил людей не просто так, но за хороший откат, а до того долго и нудно торговался, так что Игорь в конце концов уступал: у него никогда не хватало терпения спорить с Хвоинским. Игорь долго не догадывался, но, как известно, все тайное раньше или позже становится явным – так вот, потом уже, когда все рухнуло, он узнал, что Хвоинский умудрялся брать откаты и с другой стороны.

Летом уже или осенью, когда Игорю самому пришлось скрываться от кредиторов, он встретил на Красной площади гендиректора строительной фирмы «Москворечье» Филатова, которого в свое время привел в «Кредитную контору» Хвоинский. Филатов был настырный и, казалось Игорю, грубый мужик, несколько раз он грозился по телефону подать в суд и отнести заявление в прокуратуру, а тут – лицом к лицу. Филатов, видно, прочел испуг у Игоря на лице.

- Не пугайтесь, - добродушно усмехнулся Филатов, - я только что уволился. Деньги не мои, акционеров, мне теперь все равно.

- Да, - подхватил Игорь, - время такое. Я не нарочно. Рэкет. Меня чуть нет убили.

- Да, рэкет, в стране бардак, милиция хуже бандитов, - Филатов говорил вполне дружелюбно. – Какой тут бизнес? Этот сволочь меня тоже отвел в «Гарант».

- Хвоинский?

- Он самый, кто же еще?

- Тогда все ясно.

- Страховщики ёб..ные, из-за них шею сломал. Поймаю этого сукиного сына, ноги переломаю. Я ведь борец. Мастер спорта, - мурашки пробежали у Игоря по спине, он только сейчас обратил внимание, что Филатов могуч, как дуб, наверняка тяжеловес. – Я вот что хотел спросить, он ведь знал про «Гарант»?

- Да, должен был знать.

- Брал он с вас откат? Много?

Скрывать Игорю было уже не нужно.

- Брал. Десять процентов.

- Вот сукин сын, - Филатов возмущенно затряс бородой. – Как щенят развел. Он же и с меня брал. И тоже десять процентов. Поймаю, суку, живого места не оставлю.

Но это год почти спустя. А началось все – не сближение, но сотрудничество, тесное довольно, с художницы Анастасии. Игорь, впрочем, видел ее только раз.

Среди многих планов Игоря было и заняться недвижимостью. Он еще не знал как, - про Лену со Светой он забыл и они о себе не напоминали, - а тут позвонил Хвоинский. Этот тип всегда словно чувствовал, о чем думает Игорь. Так совпадало, или особый талант, бог весть, но что-то было в нем от гипнотизера, умел внушать тихим своим, казалось, без всяких эмоций, голосом. Идеи в нем бурлили постоянно, и все гадкие, кидальные. Одни деньги были на уме. Вот он и сообщил, что его знакомая хочет взять кредит под залог квартиры. Что знакомая – это оказалась туфта, но – приятная женщина, сексапильная, Игорю она понравилась, лет тридцати, экзальтированная немного, художница. Картины ее висели тут же в двух комнатной

¹⁴⁴ Хозу – хозяйственное управление.

¹⁴⁵ Кручина

квартире, казались ученическими, подражательными – пуантилизм, что ли, напоминали Сёре, а иногда Сислея, такие же прозрачные, трепетные пейзажи, казалось даже, что писали их два совсем разных человека. Вот ей-то, художнице – кисти и краски стояли на столике в углу – и требовались срочно деньги. Зачем Игорь так и не понял, объясняла она довольно сбивчиво, робко и с вызовом в одно и то же время, мол, какое-то дело, гарантия стопроцентная, к тому же ей помогут друзья, за два месяца она обещала обернуться. Но видно было, что она сама не уверена. И очень уж легко соглашалась передать в залог квартиру. Словно в омут собиралась броситься вниз головой.

Они пили чай, когда кто-то позвонил по телефону. Художница – да художница ли она была? – вышла в другую комнату и что-то лепетала, слышно было плохо, но Игорь догадался, что этот кто-то насаждает на нее и требует деньги. Впрочем, он мог ошибиться.

Игорь отказался сразу – понял, перед ним прожектёрка. Такую бы на руках носить, а не выкидывать из квартиры. Что-то было в ней волнующее, незащищенное, трогательное...

Она уговаривала долго, едва не расплакалась, лицо ее сало обиженным, но он не уступил. Краем глаза Игорь смотрел на Хвоинского: тот сидел молча, с безразличным выражением на лице. Игорь, между тем, зол был на Хвоинского: по дороге к Анастасии, как всегда, Владимир Александрович запросил откат, целых двадцать процентов от прибыли. Правда, пообещал взять выселение на себя. Вот это и переполнило чашу: этот тип хотел зарабатывать, ничем не рискуя, за его, Игоря, счет.

- «Прямо Гобсек. Или как старуха-процентщица», - Игорь уже начинал прозревать. Странно, но сомнения относительно «Гаранта» у него не возникали ни разу.

Игорь скоро забыл Анастасию. Она ведь – деталь в калейдоскопе, который все быстрее мелькал. Только через полгода спросил случайно у Хвоинского. Думал, тот потерял ее из вида. Но оказалось: Хвоинский выдал кредит. Пятьдесят процентов за месяц.

- Она так и не вернула, - сознался Владимир Александрович. – пришлось выселить из квартиры.

- Как? Бандитов позвали?

- Нет. Она сама. Честная оказалась. Я ведь переоформил квартиру на себя.

- «Гобсек», - вспомнил Игорь.

- И куда она? К своему?

- Это ее проблемы. За любовь надо платить, - усмехнулся Владимир Александрович. В этот момент Игорю показалось, что он очень похож на большую, злобную крысу.

- Зачем ей понадобились деньги, не знаете?

- Как же... Любовник у нее продулся в карты.

- Хотел бы я, чтобы меня так любили... Романтическая натура», - подумал Игорь.

- Он оказался связан с бандитами. Или сам бандит.

- И вы это знали?

- Да какая разница? Деньги не пахнут...

- Красивая женщина. Жалко.

- За ишачий хрен... Дура, - зло сказал Хвоинский.

- Завидуете? – спросил Игорь.

- Чему завидовать? – не понял Хвоинский. – От любви до панели обычно один шаг. Видел я таких...

- «Пошляк», - с неприязнью подумал Игорь.

Между тем, недели не прошло после похода к Анастасии, как у вездесущего Хвоинского появился новый вариант. Опять квартира. Только на сей раз продавали цыгане. Впрочем, еще прежде, чем Игорь узнал про цыган – он и не догадывался еще, что это значит, - Хвоинский снова попросил двадцатипятипроцентный откат. Так что смотреть квартиру Игорь пришел злой.

В этот раз Хвоинский совершил очень грубую для посредника ошибку: привел Игоря к цыганам домой. Не учел, что у цыган большие дружные семьи и все понимают друг друга с полслова. А если нужно, говорят на своем языке. Показ в тот день не состоялся, у цыган почему-то не оказалось ключа, Хвоинский задержался у них – судя по всему, он давно знал этих цыган, – а Игорь вышел во двор. И, едва вышел, его догнал молодой цыган Рома, лет двадцати, вероятно племянник, и сунул записку с номером телефона.

- Позвони попозже, разбитно подмигнул Рома, будто знакомы они были сто лет и будто Игорь не был его лет на двадцать пять старше. – На хрен он нам нужен! Жадный как фраер, аж трясется весь.

Квартиру Игорю удалось посмотреть на следующий день. Она оказалась четырехкомнатная, над аркой, такие редко встречались в Москве – цыгане вывозили в Крым многодетное, дурное, сильно пьющее семейство. Действительно ли в Крым, об этом, наученный опытом, Игорь задумался много позже, тогда же, в девяносто втором, ему ничего не показалось подозрительным. Приватизация только начиналась, это была первая ласточка, если не считать квартиру, которую он купил у Стеной, Игорь был еще совсем зеленый. Совок. Он даже не проверил как следует документы, – ни прописку, ни опеку – да он еще и не слышал про опеку. Волновало его другое: как передавать деньги, ведь банковских ячеек еще не существовало. Никогда даже не догадывался, что это такое. Только года через два первые ячейки появились в «МЕНАТЕПЕ». И еще – чтобы уехали прежние жильцы. А выпишутся, не выпишутся – он, как хозяин, пойдет в ЖЭК. Право собственности немного выше. Что могут не выписать, не приходило ему в голову.

Между тем квартира была уже переоформлена на мать цыганского семейства, Марину.

- Посидим, попьем водку, посовокупляемся, и все будет ладненько, пообещала она. – Как только зарегистрируем договор, так в тот же день их отправим. У нас все схвачено. Ты не бойся.

- А раньше отправить нельзя? – заволновался Игорь.

- А деньги? Надо вещи малой скоростью, и их самих. Продукты на дорогу, водку, чтобы не передумали. И денег дать. С ними поедет наш человек.

- Хорошо, – согласился Игорь. – Только я возьму охрану.

- Берите, – пожала плечами Марина. – Если охота тратить деньги.

Для охраны Игорь пригласил Луцкого. Тот раньше служил в милиции, а теперь занимался выбиванием долгов. Из-за долгов Игорю по рекомендации Людмилы недавно пришлось пойти на фирму «Бадигард», там и рекомендовали Андрея Андреевича.

Луцков был огромный, жирный, хитрый, лживый человек. На сделку к нотариусу он привез в микроавтобусе аж шесть человек в камуфляже.

- Это очень опасно, с цыганами, уверял он, вытирая платком пот с лица, – никакие деньги не захочешь. От них чего хочешь можно ждать. Только недавно трех человек убили. Тоже из-за квартиры. Мы при полной выкладке, с рацией, с оружием, все ребята афганцы, – ребята и правда выглядели очень внушительно, особенно один, Евсей, странноватый человек с расплюсченным носом, низким лбом, с электрошокером и огромными ручищами.

- Его как-то на объекте бабы ночью увидели и все, как одна, попадали в обморок, – похвастался Луцков. – Я его специально беру. Долги тут же отдают.

В государственной нотариальной конторе оказалось столпотворение до одури, – присесть негде, по узкому коридору не пройти, не наступив на чьи-нибудь ноги, единственный вентилятор не работал; нотариусов было трое, но только одна машинистка, сухая как жердь, костлявая старушка с перманентом, она не брала взяток и постоянно срывалась на крик, – строчила как из пулемета на своем «Ундервуде», нотариусы проверяли, секретарши бегали, по многу раз исправляли ошибки, но те незаметно прятались – в «Мосприватизации» их обычно обнаруживали снова, – и так по несколько раз приходилось мчаться через весь город, стоять в пробках, сделки растягивались на несколько мучительных, без отдыха, дней...

- И в этот раз, как всегда, освободились от нотариуса только к обеду, спешно уселись в микроавтобус, но цыгане закапризничали:

- А зелень? – цыган Илларион, он же Василий, не спешил садиться в свою битую-перебитую «Волгу». – Без зелени не поеду.

- После «Мосприватизации», - Игорь был на пределе. Бойцы сидели рядом, черт знает, чего от них ждать.

- Всего шестнадцать тысяч грин. Считай, задаром отдали, - кипятился Илларион.

Игорь вопросительно посмотрел на Луцкого.

- Вот как делаем, - скомандовал тот. Деньги в сумочку и отдаем Марине. А ее со мной одним наручником и сюда. А ты сзади на своей шпонке¹⁴⁶.

Илларион выругался, но согласился. Выяснять отношения было некогда.

В «Мосприватизации» очередь оказалась еще хлеще, разве что по головам не ходили. Тут бы точно стоять дня два – и тогда неясно, кто должен хранить документы, - но у Иллариона обнаружились связи. Отдали сто долларов сотруднице и перед самым закрытием на договоре стояла печать. Теперь требовалось отстегнуть наручник, но от напряжения Марина грохнулась в обморок. На руках луцковская гвардия вынесла ее на воздух. Только там она пришла в себя.

- Я в обморок упала от страха, а он, оказывается, боялся больше меня, - глядя на Игоря, она засмеялась. – Аж в голове ломит. В следующий раз обходились без охраны. Они как наперсточники... в самом деле... - «Да, пожалуй, - согласился про себя Игорь. – Я ведь ни за что, ни про что отстегнул им пятьсот долларов.

Как ни странно, когда два дня спустя Игорь приехал проверить квартиру, она действительно оказалась пуста. Илларион с Мариной принесли даже выписку из домовой книги. Судя по бумагам, бывшие жильцы в самом деле уехали в Крым.

С этими цыганами Игорь потом работал долго.

Хвоинский, вот ведь чертов экстрасенс, тотчас догадался, что Игорь его обошел. Он не обиделся. «Обижаются только дураки. Бизнес есть бизнес. Не кинешь ты, кинут тебя», - но это в другой раз. Так вот, Хвоинский не только узнал, он еще и покупателя нашел на эту квартиру. Не за просто так, заработал пятьсот долларов. Игорь не сомневался: взял еще и с другой стороны.

Поначалу Игорь не хотел продавать.

Сделка, между тем, прошла очень легко. Не пришлось даже ехать – ни к нотариусу, ни в «Мосприватизацию». Покупатель был бизнесмен, связанный с мэрией; все оформление он взял на себя. В детском садике, превращенном в офис, Игорь только передал документы и доверенность на продажу и получил деньги. С ним были только Хвоинский – тот пришел за своей долей – и новый охранник Сергей.

Единственное, что запомнилось: вместо двадцати пяти тысяч долларов он получил немецкие марки. Потом он пожалеет, что согласился, но – через несколько месяцев. Пока он был доволен...

Глава 11

Больше всего приходилось Игорю работать с заемщиками. Он пытался подолгу беседовать с каждым, угадывать: честный, не честный? Вернет, не вернет? Чем дышат, что думают, в чем состоит их бизнес? Кем были раньше? Что их ждет?

Иногда он думал, что это у него наследственное. Ростовщичество – еврейский бизнес, средневековый. Евреи много чаще других становились банкирами. Он догадывался, что ростовщичество – бизнес опасный, рискованный. Не оттого ли евреев так часто убивали, изгоняли, преследовали? Не в этом ли корни мрачных средневековых наветов и мифов?

¹⁴⁶ Шпонка – на уголовном жаргоне «койка», «кровать», или другое спальное место в исправительном учреждении.

- «Однако, как они, эти средневековые ростовщики, - нередко думал Игорь, - обеспечивали возвраты кредитов? Ведь у них не было ни полиции, ни страховой компании, и суды едва ли принимали их жалобы. Этого он не знал, не догадывался. История, словно тонкая нитка, обрывалась.

Но, возможно, у тех, средневековых евреев-ростовщиков, имелось знание, которое его предки давно утеряли. Или – люди были другие, богобоязненные? Но нет, люди едва ли...

Не то, что заемщики были очень интересные люди, совсем нет, все они были новоявленные бизнесмены средней руки, иногда мелочь, что-то где-то покупали, перепродавали, ловчили, крутились. Вчерашние инженеры, студенты, мелкие служащие, военные, рабочие, фармацевтики. Будущий средний класс. Новые русские. Но не крутые кооператоры. Эти только учились на буржуев...

Хотя, какие там буржуа – совки, сорванные с насиженных мест. Хитроватые, ушловатые, себе на уме. Игорь не был психологом: *о н и* оставались для него тайной. Отвечали гладко, показывали документы, в прожектах все выглядело замечательно. Скоро Игорь махнул рукой: «Гарант ведь ставит аваль». К тому же большинство этих заемщиков присылала страховая компания. Олег Васильевич всякий раз божился: «нормальные люди, мы с ними давно работаем». Игорь пытался расспрашивать, как они вышли на страховую компанию, давно ли знают Олега Васильевича с Аверьяновым? Те начинали мяться. Он мог бы заподозрить. Но – выбора не было и у него. Тем – требовались деньги, ему – проценты. Вечная карусель.

Первые, Олег и Петя Кораблев, были с биржи. Олег – книгочей, торговал где-то книгами, бывший студент, фарцевал самиздатом, вылетел из института, попавшись на Библии, всегда неопрятный, в потертой курточке, на голове ералаш, носки, похоже, он не менял месяцами, близорукие глаза за толстыми стеклами смотрели честно и даже наивно. Олег явно никуда не собирался сбегать, напротив, приходил регулярно. Его словно магнитом притягивало к Игорю. Он будто хотел прислониться, искал защиты. Довольно странный тип: книготорговля приносила ему одни убытки. У Игоря он стеснялся спросить, но у других стрелял – то сигаретки, то мелкие деньги.

Вскоре выяснилось, что кредит Олег взял не только у Игоря. Как-то он привел за собой хвост, наглого детину лет двадцати пяти. Тот без стука вошел в кабинет, таща за собой Олега. Олег, потупившись и вжав в голову в плечи, продолжал стоять, тот же, второй, наглый, на две головы выше маленького Олега, развалился в кресле, не спросясь.

- Ты давал ему деньги? Много он тебе должен? – развязно спросил этот, то ли кредитор, то ли рэкетиер.

- А ты кто? Почему я должен с тобой разговаривать? Так не входят в чужой офис, - Игорь терпеть не мог хамов.

- А по морде не хочешь? – спросил хам. – Если не станешь разговаривать.

Давно следовало позаботиться об охране. Драка с дылда не предвещала ничего хорошего.

- Да, должен. Пятьсот тысяч, - неохотно сообщил Игорь. – Вам тоже?

- А это где? Брусок этот, сплав? Ты что же, сразу и вексель и залог? Это не по правилам, - дылда глазами обшарил кабинет.

Ясно было, что Олег выложил этому типу все. И кто его тянул за язык? Дурак, он и есть дурак. Впрочем, и Игорь. Не нужно было *з в о н и т ь* Олегу.

История эта, с бруском, тянулась довольно долго. По рекомендации Сырцова Игорь обратился к Валерию Карни. Тот согласился за пятую часть цены и – целый месяц «решали вопрос»: забивали стрелки, выясняли отношения, ловили Липского и вот, только несколько дней назад привезли.

К удивлению Игоря у Валерия Карни оказались веселые, симпатичные, совсем не бандитского вида ребята.

- Что-то у вас вид очень цивилизованный? – не скрыл изумление Игорь.

- Без цепей, что ли, и наколок на пальцах? – засмеялся Валерий. – Так у меня студенты. Подрабатывают ребята. Этот ваш Липский вместо того, чтобы сразу отдать брусок, сначала морду воротил, потом вызвал каких-то недоумков, потом наложил в штаны и стал прятаться. Влетел тысяч на восемьдесят. Думаете, этот металлолом столько стоит?

- Тысяч пятьсот. Хотя, кто его точно знает? Экспертизу не делали. – Да какая там температура? Себе дороже. Может, отвести прямо на свалку? Покупатель хоть есть?

Покупателя, увы, не было, и Игорь не знал, где его искать. Он позвонил на завод полиметаллов, хотел уточнить, сколько стоит свердлитовый сплав, но там ответили, что такого сплава не существует в природе.

- «А сколько стоит экспертиза?» - «Пятьсот тысяч».

Игорь пару раз дал объявления в «Из рук в руки», но никто не откликнулся. Тогда он попросил отнести этот брусок в бухгалтерию и спрятать под стол подальше от глаз. И вот теперь этот.

- На складе, - неохотно сказал Игорь.

- Ладно, я всегда успею, - дылда поднялся.

- «Фиг тебе, - подумал Игорь. – Это ты сейчас такой храбрый. Против охраны по-другому запоешь».

Наглый ушел, громко хлопнув дверью. Игорь набросился на понуро стоящего Олега.

- Зачем ты его привел? Это рэкетиры или ты и ему задолжал? – Олег стоял потупившись. По его молчанию Игорь понял: задолжал.

- Что будем делать с твоим сплавом? Ты хоть ищешь покупателя?

Олег продолжал молчать, словно провинившийся школьник.

- Слушай, зачем ты его купил? – не выдержал Игорь. – Мне что, по серьезному взяться за тебя? Собираешься возвращать долг, или придется из тебя выбивать? – Не знаю, робко сказал Олег. – А вы зачем дали кредит? – Я не знал, что ты такой дурак, - зло сказал Игорь. В дураках, однако, оказывался вовсе не Олег, взять с того было нечего, а сам Игорь. Олег так и не вернул долг, Игорю пришлось опротестовать у нотариуса вексель – он успел проскочить, потому что вскоре протесты векселей за очень большие деньги монополизировала 1-я Государственная нотариальная контора – и ехать в «Роспотребрезерв» к Сырцову.

- У нас нехорошие дела. Влипли мы с этой биржей, как кур в ошип, - мрачно сообщил Сырцов. – Сейчас не можем погасить вексель. Потерпите пару месяцев.

- Это же вексель, - возмутился Игорь, - по закону положено в тот же день.

- Да какой закон в нашей стране? - вскричал Сырцов. – Вы посмотрите на президента. А на парламент! Тупые рожи! А вице! Никто не платит, налоги не собирают, все всех кидают... Законы для порядочных людей, а тут... - он замахал руками. – Давайте так: через два месяца. А нет – суд! Только пока будем судиться, нас признают банкротами.

Игорь испугался. Он никогда не видел Сырцова таким. Обычно это был спокойный, рассудительный человек.

- Хорошо. Ровно через два месяца.

В феврале «Роспотребрезерв» действительно заплатил. Это было удивительно, потому что страховая компания действительно обанкротилась.

Тогда же, в феврале, от Сырцова Игорь узнал про Петю Кораблева.

С тех пор, как «Кредитная контора «Полтавский» переехал на Кирпичную улицу, Игорь видел его только однажды. Но несколько раз он звонил на биржу в кредитный отдел: там сообщали, что с Петей все в порядке, что торговля у него идет весело и поводов для беспокойства нет никаких. Напротив, он взял новые кредиты и расширил торговлю. Настоящий вундеркинд. Недавно про него даже писали в «Коммерсанте»: вот, мол, настоящий новый русский, за год сделал свои миллионы. Вчера – студент, сегодня – миллионер, на которого работают десятки

людей. Сегодня у него один магазин в Волгограде, завтра будут десятки по всей стране. Такие люди, как Петр Кораблев, и поднимут страну. Журналист балагурил: «Ленинский лозунг «учитель торговать» реализовали совсем не комсомольцы, а новые русские комсомольского возраста, которых ни за какие коврижки не заманишь в комсомол. Вот ведь как промахнулся старик».

Честно сказать, Игорь начинал беспокоиться: а ну как не придет и не вернет кредит? Он же, как ветер в поле, где его тогда искать? И – кто станет искать? Валерий Кария вскоре отказался после того случая. Его студенты теперь занимались скупкой приватизационных чеков и охраняли собственный обменник. Луцков? Но это встанет дороже, чем кредит.

Однако в начале декабря, когда наступил срок возврата денег, Петя приехал на Кирпичную улицу.

- А, знаменитый негоциант. Ну что, принес деньги?

- Нет, не принес, - огорошил Кораблев. – Хочу переоформить на полгода. А если можно, то и еще взять.

- Я спрашивал на бирже: говорят, дела идут хорошо. И в «Коммерсанте» пишут. Ты вроде на МИБе брал еще один кредит?

- Брал. – Петя потупился.

- Так зачем тебе опять? У тебя же реализация.

- Ну, все равно. Деньги лишними не бывают.

- Вот именно. Я не даю деньги иногородним. Где я потом тебя искать буду? В тот раз меня на бирже уговорили.

- Тогда хоть продлите старый, - попросил Петя.

- Какие-нибудь неприятности?

- Да нет, все нормально.

Игорь так и не вытянул из него. Заподозрил неладное, но кредит продлил. Другого выхода не было.

Срок нового кредитного соглашения истекал в мае, а в феврале Сырцов рассказал Игорю, что Петя Кораблев повесился. А может, повесили. Набрал кучу кредитов, сорил деньгами и один кредит не вернул. Кредиторы стали за ним бегать, обратились к бандитам, те взяли в заложники его мать. А может они же и разграбили. Никто не стал разбираться. Вот тогда МИБ и предъявил документы и потребовал вернуть все кредиты с процентами от страховой компании, как авалиста.

- Влипли мы с этим чертовым МИБом. Жадность подвела, - посетовал Сырцов. – Хотя, если разобраться, тут типичный форс-мажор.

- Наверняка брали откаты, - подумал Игорь. – Иначе просто идиотизм».

Выходило, что и Игорю придется требовать от «Гаранта». Пока, однако, до истечения срока кредита было далеко и никаких документов о смерти Кораблева у Игоря не было, а потому приходилось ждать.

На новом месте заемщиков по большей части присылал «Гарант». Игорь сам предложил страховой компании: «Вы страхуете, вы и присылайте. Так будет надежнее». Даже если отдельные бизнесмены – по большей части это была мелочь – приходили непосредственно в «Кредитную контору «Полтавский», он отправлял их к Олегу Васильевичу с Аверьяновым. Страховщики, правда, почти всегда давали согласие.

Одним из первых был Мурашко. Вроде солидный коммерсант, не «купи-продай», Валерий Мурашко завозил ширпотреб из Китая. У него имелся склад и торговое место в Лужниках¹⁴⁷. Игорь сразу решил установить с ним отношения: он давно мечтал завести торговлю,

¹⁴⁷ Все 90-е годы на стадионе «Лужники» действовала обширная торговая ярмарка. Это было, пожалуй, самое посещаемое торговое место в Москве – торжище Всероссийского масштаба.

но не знал, с какого конца начать. Как и где найти товары в Китае и чтобы при этом тебя не обманули, выйти на нужные фабрики, как все оформить на таможне, найти нужных людей и, наконец, сбыть. Китайская торговля, по слухам, была самой выгодной, но и рискованной, требовалось все связать в один работающий, как часы, механизм. У Мурашко же все это было. И под кусачий кредитный процент он умудрился получать хорошую прибыль. А ведь только пару лет назад как демобилизовался из армии.

Как-то Игорь пригласил Мурашко домой. Вышло это случайно. Игорю требовалось отвезти домой дневную выручку. Обычно в таких случаях его отвозил Людмилин муж Тариэл на семейной «Тойоте», составлявшей предмет их особой гордости, или прежний муж Людмилы Юра на «Жигулях», но в тот день оба они оказались заняты, а Мурашко ехал в ту сторону, где жил Игорь. К тому же Игорь только купил японский телевизор, а Мурашко вызвался отладить каналы.

- Я вам завидую, - признался Игорь по дороге, - я ни с чем не умею работать, кроме денег. Это, конечно, интересно, но я всегда хотел создать внешнеторговую фирму, как у вас. Но я даже не представляю, как вы сумели наладить торговлю. Нужно одновременно быть и в Китае, и здесь, и главное, чтобы все крутилось на автопилоте. Нужны доверенные люди.

- Я вам открою секрет, - сказал Мурашко, - у меня родственная фирмы. Не я один. Жена – бухгалтер. Много лет работала в торговле. Пришлось уговаривать, не хотела уходить. А в Лужниках двоюродный брат. Мы с ним вместе росли. Как говорится, человеческий фактор. Мы чужих близко не подпускаем к деньгам. И сам я кручусь. В семь часов я уже в Лужниках, или еще где. Только и отсыпаюсь, что в самолете, да в Китае. Представляете. Великую китайскую стену не видел, некогда, на Тянь-Аньмань всего один раз... А в Лужниках, там нельзя без своего человека, там каждый день, то убьют кого, то обворуют. И рэкету нужно платить. Так что не завидуйте. У вас работа чистая.

- Да разве я завидую? – поправился Игорь. – Просто интересно. Мы могли бы скооперироваться.

- Да, неплохо бы, - неопределенно сказал Мурашко. – Знаете, как я начинал? В Китай челноком. Тоже не один, брат иногда ездил, когда с работы отпускали, он тоже бывший офицер, еще пара армейских друзей. Нас в одно время из армии выкинули. Все, знаете, сразу посыпалось...

А челноки – это прокаженные. Никаких денег не захочешь. Дешевые ночлежки, общежития, кругом грязь, ворье, меня два раза обчистили, одного я вычислил, суку – все заставил вернуть. Не вернул бы – убил бы. И таможенники щеки надувают: дай, дай, дай. В наглую. Один из друзей моих погиб: рэкет, по ту сторону границы.

– Китайцы?

- Наши. Китайцы нас редко трогали. Они – своих. Наши бабы, иные, сами к ним лезли. Там немало Наташ по китайским борделям.

- Но хоть деньги хорошие?

- Мелочь. Недавние учителя и врачи, инженеры. Бывшая интеллигенция. Знаете, как быстро слетает, интеллигентность? Мат-перемат. Русские бабы. Коня на скаку остановят. А тут – дети голодают...

- Так и работаете с друзьями?

- Нет. Один погиб. Заступился за женщину и – зарезали. Другой сломался. Пить начал. Потом подлечился. Пить бросил, но... Другой человек стал. Устроился в охранную фирму. Полубандитскую... Охраняет теперь очень важного бандюгу.

- Настоящего?

- Как сказать. Иной коммерсант хуже бандита. Вы же видите, что творится с людьми. Мурашко быстро разобрался с телевизором, попил чаю и собрался уходить.

- Давно знаете Олега Васильевича? – спросил Игорь. – Он вас очень хвалил.

- Да, знаю... года два. Как вернулся в Москву. Моя жена с ними дальняя родственница. У них там тоже... разборки.

- То есть? – испугался Игорь.

- У них самих неприятности. Скандал между учредителями... Но это сейчас у всех так. Человек человеку волк. В Смоленске у них кто-то обанкротился, так они... на карачках собирали. Генеральный директор-алкоголик.

- Ненадежная фирма?

- Я такого не говорил, - поправился Мурашко. – Да вы сами попытайтесь узнать.

- А как?

- Не знаю. Баланс они не покажут. Да и что угодно можно нарисовать.

- ... Другой заемщик был Болдырев. Оказалось, тоже торгует с Китаем. Болдырев проскочил незаметно, не вызвав поначалу интереса или подозрений, не одной рекомендации Боброва. Главное, «Гарант» поставил аваль.

А вот Изотов – тот «купи-продай». Он, наоборот, покупал ширпотреб в «Луже»¹⁴⁸ и отвозил в Кострому. Прописан в Москве, но оказалось: разведен и живет на квартире. Но это – потом Игорь узнал, когда разыскал его по телефону. С виду обаятельный парень, крепкий, веселый – этот блондин наверняка пользовался успехом у женщин.

Запомнился Сергей другим.

- Вы что-то не очень проценты дерете, - благожелательно улыбаясь, сказал он Игорю, едва расписавшись в векселе. – Не то, что другие. Непохожи на ростовщика-кровососа. Я недавно брал кредит: о, там совсем другое дело. Там так кочевряжились...

- А вы потянете? Я всегда считал, что не нужно контрагента загонять в угол. Если хочешь, чтобы вернули долг, бери по-божески.

- У вас правильная философия – польстил Изотов, - но я вот что вам посоветую. Вы ведь берете свои проценты в конце срока? Ведь так?

- Да.

- А вы берите каждый месяц. Это ведь тоже выигрыш. А заодно и проследите, кто чем дышит. Может, он совсем не собирается возвращать.

- Да, действительно. Хорошая идея, - согласился Игорь.

- Может, с вас и начнем?

- Инициатива, как всегда, наказуема, - засмеялся Изотов.

- Симпатичный малый, - подумал Игорь. – Олег Васильевич за вас поручился.

- Да, я знаю, Игорь Григорьевич. Я все верну. Я человек дисциплинированный. Вот вам крест, он перекрестился.

- Вы верующий? – удивился Игорь.

- Бабушка верила. В церковь водила. Крещенный.

- Ну. Желаю успеха, - Игорь пожал ему руку. – Так через месяц?!

И через месяц, и через два месяца Сергей Изотов платил проценты точно вовремя, но через три, когда пришло время возвращать кредит, его пришлось долго разыскивать...

... Приходили за кредитами чуть ли не каждый день. Разные. Иной раз больше похожие на рэкетиоров, чем бизнесменов. Хотя, не исключено, это могла быть разведка.

Игорь почувствовал, пора заводить охрану. Но – некогда было, ни минуты остановиться, подумать, он откладывал со дня на день. Пока гром не грянет, мужик не перекрестится. А ведь были звоночки.

... Как-то приехал бывший внешторговец от «Гаранта». Костюм, галстук, мягкие манеры. Валентин Валентинович очень даже понравился Игорю. К тому же и название фирмы солидное:

¹⁴⁸ Лужа – в просторечии название стадиона в «Лужниках», где в конце 80-х и начале 90-х была сосредоточена главная московская оптово-розничная торговля.

«Внешторг». Кредит Валентину Валентиновичу нужен был, чтобы закупить партию товара из верблюжьей шерсти в Монголии.

Валентин Валентинович был молод, лет тридцать пять, не больше, но успел поработать в Монголии и в Китае.

- Вы может быть знаете фирму «Отто»? Вот она закупила у нас партию свитеров. И еще хочет. Если желаете, можно зайти, посмотреть. Они торгуют по предварительным заказам. Монгольская шерсть – самая лучшая в мире. В прошлом году с этой шерстью был фурор на Лейпцигской ярмарке. И в этом собираемся снова.

Молодой человек профессионально расхваливал свой товар, как будто Игорь был у него покупатель, но что-то подсказывало Игорю, что Валентин Валентинович хорохорится, что Монголия – отсталая страна, и что дорогая шерсть – вовсе не тот товар, на котором можно делать деньги, тем более перекупщику. Скепсис был написан у него на лице. Но – Валентин Валентинович был от Олега Васильевича и Игорю, в сущности, было все равно, чем торгует «Внешторг». Игорь, как всегда, гадал на кофейной гуще, но ему не нравилось, что Валентин Валентинович лукавит. Хотя, по сценарию, тот и должен был лукавить. Словом, Игорь, как всегда, сомневался, а бывшему внешторговцу, судя по всему, не хватило выдержки.

- Знаете что, возьмите двести свитеров в залог, - предложил он.

Игорю, пожалуй, стоило подумать: «если он так легко готов отдать свитера в залог, значит, не может продать. И вовсе не на монгольскую шерсть нужны ему деньги». Но вместо этого он обрадовался:

- Хорошо. Под вексель и еще в залог свитера, - он так обрадовался двойному залогу, что тотчас продешевил – свитера посчитали по розничной цене, как в «Отто». Осознавать свою ошибку он начал лишь на следующий день после того, как договор был подписан и деньги перечислены, но – и так выходило выгодно. Пусть не двойной, но полуторный залог.

Между тем Игорь еще не отошел от договора, как снова позвонил Валентин Валентинович. Только – теперь это был совсем другой человек. Не бывший внешторговец, а – крутой.

- Наша служба безопасности, - «служба безопасности» он выговорил с угрозой, так, что сразу стало ясно, что это не служба безопасности, а... рэкетеры; «хочет напугать», - понял Игорь, он и правда испытал мгновенный испуг, но тут же подумал, что – блеф, что этот Мамонов просто блефует и что никакой он не бывший внешторговец, а так, нахватався, гнет пальцы, подражая бандитам. – Наша служба безопасности... наша служба безопасности, - он нарочно повторил дважды, нагнетая, - очень недовольна. Хочет принять меры. Вы взяли под залог свитера и еще оформили вексель... - Он опять сделал паузу и закончил почти нормально, - мы хотим взять еще один кредит.

- «Дурак», - подумал Игорь.

- Нет. Сначала верните этот, - резко оборвал Игорь и, не прощаясь, положил трубку.

День оказался безнадежно испорчен. Он понял: кредит не вернут. И – может в самом деле устроить разборки? Игорь стал звонить Олегу Васильевичу Бодрову, тот еще только вчера спрятал на груди пачку купюр. Олег Васильевич, однако, был сама любезность.

- Я знаю эту фирму. Нормальные ребята. Не берите себе в голову.

Но неприятный осадок остался.

... «Гринтаун» и «Марина», те тоже были от «Гаранта». «Гринтаун» - какие-то экологические проекты, выполнял заказы от префектуры, не очень ясно, зачем ему кредит, но позволил Бодров и просительным голосом сообщил, что Кубасов – не просто так, а родственник важного чиновника в Зеленограде и что «Гарант» очень в нем заинтересован и что Кубасов деньги вернет стопроцентно, а у них в Зеленограде есть особый интерес и может быть даже они помогут «Кредитной конторе» открыть в Зеленограде свой филиал.

- В Москве особый порядок приватизации. Чубайс к нам не сунется. Нам это на руку... И вам тоже... - туманно пообещал Бобров.

«Марина» же была швейная фирма. Они арендовали цех на фабрике и шили спортивные костюмы. Один костюм принесли Игорю в подарок, - он посмотрел, так себе, купленный в Польше был лучше, - показали свое производство: Игорь, конечно, ничего не понял, да и что там было понимать? Женщины за швейными машинками, груды тканей, ящики с костюмами – костюмы отправляли во Владимир, - столы для раскройки. Это было семейное производство Маточкиных: мама много лет работала на фабрике технологом, сын, Андрей, занимался коммерцией и финансами.

- А как фабрика? Работает? – заинтересовался Игорь.

- Фабрика стоит. Один цех сдали нам, другой - под склад, - сознался Маточкин-младший. – Сейчас мало где работают. Вы сами видите, все везут из Турции и Китая.

- А вы?

- А мы держимся. У нас во Владимире магазин. Там мамин брат. Он с качками дружит. Вон видите пашленку: «Одним махом семерых убивахом». Или вон: «Отряд особого назначения». Это для них. А еще по деревням ездит, на ваучеры меняет.

Собираемся даже расширяться. Сейчас все дорожает быстро. Если закупим сырье про запас, значит выйдем.

- А вернуть кредит сможете?

- Вернем, - бодро пообещал Андрей. – Закупимся и будем собирать. Да вы не беспокойтесь. У нас есть квартира про запас. Успели купить по дешевке. Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

Были еще два коммерсанта-армянина. Один, Артур, красивый, стройный, торговал водкой на ярмарке в Сокольниках. Там, да и не только там, у него имелось несколько киосков. Платежеспособность Артура не вызывала сомнений. А вот – захочет ли вернуть долг? Тем более, что у Артура имелась мощная крыша. Ярмарку в Сокольниках держал авторитет Мирзаян. Который много чего еще держал. В том числе киоски на Новом Арбате и на Кутузовском – по договору с мэрией. Игорь слышал о Мирзаяне по кличке Акоп давно, но видеть авторитета не приходилось. К вору в законе трудно было подступить: в дело, говорили, он брал только своих. Своим же раздавал и киоски в аренду. Но Игорь предпочитал пока о возврате не думать: для того он и носил пачки купюр Бодрову.

Второй же, Ашот Паникян, некрасивый, носатый, торговавший сигаретами в Лужниках, особого доверия не вызывал. Это был армянин из Баку, хотя и с временной пропиской и женат на москвичке. Игорь опасался, что он может сбежать, а потому хотел отказать, но, на счастье Ашота, при разговоре присутствовал Виктор.

- Игорь Григорьевич, - предположил он, - а если под моим контролем? Я сам с ним съезжу за сигаретами, заодно посмотрю, положу к себе на склад и буду выдавать по несколько коробок. Он вам деньги, я ему новые сигареты. А заодно в нагрузку буду давать свои. То есть наши, - поправился Виктор, - на две коробки его одну наших. Еще доплачу за продажу. Ну что, идет?

Ашот тотчас согласился. И Игорь тоже: схема выглядела надежной.

Присутствовали среди первых заемщиков еще инвалид Трунов, без левой руки, и Максим Литвинов.

У Трунова имелось разрешение управы на торговлю овощами. Он собирался в Волгоградскую область закупать лук. Литвинова же, интеллигентного студентика из МГУ, год или два уже торговавшего компьютерами и заработавшего, по его словам, приличные деньги на «Башкирском бензине¹⁴⁹», Игорь знал уже несколько месяцев. Привел Максима Саша, сожитель Леры – он, как и Максим, учился в МГУ, но не сдал сессию и то ли вылетел совсем, то ли

¹⁴⁹ «Башкирский бензин» - финансовая структура, запустившая мощную рекламную кампанию по телевидению; торговала контрактами на башкирский бензин, которые, по идее, должны были постоянно расти. По-видимому, механизм изменения котировок «Башкирского бензина» был такой же, как и в «МММ».

взял академотпуск, а пока занимался торговлей. Торговал он всем подряд, начиная от колготок; несколько раз брал у Игоря на реализацию метандростенолон. Леера же одно время была бухгалтером в кооперативе. Привела его Наталья Ивановна, но проработала Лера недолго – в провинции Лерин брат спьяну зарезал жену и пошел под суд, так что Лере пришлось взять на воспитание племянницу, но Наталья Ивановна держала ее в резерве и время от времени приглашала на помощь. Она рассчитывала, что Лера скоро вернется.

В отличие от грубоватого Саша Максим Игорю сразу понравился: отличник, интеллигент, в очках, при галстук, родители работают в МГУ, театрал, наладил завоз и продажу то ли компьютеров, то ли запчастей из

Восточной Европы. Игорь к нему приглядывался. При случае Максим мог возглавить торговлю компьютерами.

С легкой руки Максима Литвинова Игорь и приобрел котировки «Башкирского бензина».

... «Башкирский бензин» - много месяцев подряд новый русский в малиновом пиджаке рекламировал с телеэкрана котировки, которые росли подобно билетам МММ. Только «Башкирский бензин» вроде государственная фирма. Хотя... К тому времени все смешалось в доме Облонских...

Долгое время Игорь сомневался. Он не принадлежал к числу легковых людей, по крайней мере, он был в этом уверен, а потому пытался отыскать подвох. Но подвох не находился. Напротив, все выглядело очень достоверно. На телеэкране день ото дня росли котировки, за месяц можно было сделать целое состояние, но... Множество появилось похожих фирм: «Властилина», «Русский дом Селенга», банк «Чара», «Диго», «Роника», «Олби-Дипломат», концерн «Гермес». И громче всех «МММ».

«Башкирский бензин» мог сдуться в один день. Максим, однако, пообещал, что у него там знакомые ребята, еще по университету. И если что, он даст знать. Они предупредят за небольшой процент и помогут вытащить деньги.

В конце концов, Игорь сдался, вернее, соблазнился халявой. Как все. Сидеть и чтобы денежки росли. Чуть позже на телевидении появилась картинка: сидят рыбаки и с увлечением удят рыбу. И титр: «Мы сидим, а денежки растут». И еще: Лёня Голубков, инвестор¹⁵⁰. Но то – чуть позже.

Игорь решил вложить для начала двадцать миллионов, сумма была неприличная. Он зашел с Максимом, оформил бумаги. За окошком сидели очень честного вида юноши и девушки, которых никак нельзя было принять за мошенников. К тому же фирма размещалась в здании Министерства внутренних дел. Мимо проходили сотрудники министерства, в гражданском и в форме, солидные мужчины и женщины, толпились у проходной, а здесь, с другой стороны огромного холла, другие люди, казалось не менее солидные, заполняли документы и толпились у кассы.

Соседство свидетельствовало о солидности и надежности. Игорь велел Наталье Ивановне перечислить деньги, и через несколько дней зашел снова. Он решил перечислить еще 5 миллионов. Он встал к окошку и – прямо перед ним стоял Стародуб. Валерий Иванович оказался не один. Вместе с ним было еще несколько сотрудников.

- Решили побаловаться, - чуть смущенно заговорил он. – Обещают-то золотые горы. Я договорился с генеральным. Может и правда? А то положение тяжелое, рабочие грозят бастовать. Черт знает что делается. И вы – тоже решили попробовать. Первый раз?

- Несколько дней назад уже был, - сообщил Игорь. – Бог их знает. Не уверен, - на самом деле Игорь испытывал некоторую ревность. Если б не «Башкирский бензин» и эти деньги

¹⁵⁰ Реклама МММ: в 1993 и 1994 годах эта реклама просто захватила телевидение.

достались бы ему. «А с другой стороны, люди не получают зарплату, а они тут «играют в рулетку», – подумал он.

Как только Игорь перевел деньги, он обнаружил, что котировки перестали расти. То есть по телевизору они росли по-прежнему, на экране новый русский в малиновом пиджаке богател с каждым днем и радостно потирал руки, но здесь, на табло или по телефону полный штиль.

- Что у вас происходит? По телевизору каждый день чуть ли не десять процентов...

- Так то – по телевизору. Там одна и та же реклама крутится четвертый месяц.

За месяц с лишним Игорь ничего не заработал, правда, и потерял немного, если не считать неполученные проценты и гиперинфляцию. Он решил забрать свои деньги, перевод шел еще чуть ли не две недели. Вернее, деньги некоторое время продолжали «крутиться» в «Башкирском бензине». Максим Литвинов к тому времени был уже в Америке...

Максим Литвинов долго вкрадывался в доверие. Лишь в начале декабря он принес контракт. Максим собирался закупать сигареты в Америке.

- А продавать где? Ты же вроде занимался другим?

- У моего приятеля ларьки по всему городу. Учился со мной в МГУ. У него сам Мирзаян крыша. Слышали такого: ему мэрия под торговые точки сдает целые улицы. Квантришвили¹⁵¹ и он, самые знаменитые люди. Еще в советское время крышевал цеховиков.

- Выгодно? – прервал его Игорь.

- Что – выгодно? – не понял Максим. – Сигаретами торговать? Конечно. На таможне у меня свои люди. Вернее, у приятеля. Он уже больше года торгует. У Акопа Акопыча все схвачено.

Игорь отвел Максима к Бодрову. Сказать честно, контракт вызывал некоторое сомнение. Подделать контракт не составляло большого труда. Но Бодров посмотрел и тотчас дал согласие. Игорь перевел Максиму два транша по тридцать тысяч долларов. «Револьверный кредит», – объяснил Игорь Олег Васильевич.

Едва Максим улетел, запаниковал Саша.

- Он никогда не вернет кредит.

- Что же ты молчал раньше? Это ведь ты его привел.

Саша сознался, что Максим обещал с ним поделиться, но обманул.

- «Почему он должен с тобой делиться?» - подумал Игорь. Он не любил Сашу. Несколько раз тот попадался на мелком жульничестве.

Вскоре Саша успокоился и стал утверждать, что Максим обязательно вернет кредит.

- «Наверняка Максим ему что-нибудь пообещал», - подумал Игорь.

... Наступило тридцать первое декабря. Накануне нового, тысяча девятьсот девяносто третьего года Игорь сидел дома и томился от одиночества. Праздники – самые одинокие дни. Да, все как всегда: семья, салаты, колбаса, рыба, предстоящее приветствие Ельцина, которое Игорь на сто процентов мог предсказать: Ельцин начинал раздражать, как и Верховный Совет; Игорь терпеть не мог пустую сакрализацию: портреты вождей и президентов в каждом кабинете и их же, написанные кем-то, речи говорить; рыбу и шейку Игорь привез из валютного магазина, торг, конфеты – все опять-таки валютное, но – он сразу никому стал не нужен, никто, кроме родственников, не додумался поздравить, к он предусмотрительно съездил накануне. Вот – цена всему, а он ведь многим делал добро. Скольким людям платил проценты или давал деньги. Он вовсе не маленький человек. Но – все катилось в тартарары: страна, бизнес, будущее, реформы. С отвращением Игорь вспоминал VI съезд¹⁵²: отставку Гайдара, голосование за Скокова¹⁵³, перекошенные от ненависти и злобы лица депутатов.

151

152

153

И вот сейчас – ни один, никакой благодарности. Точно так же было в Демпартии. Его все время предавали. Хаценков¹⁵⁴, Ройтман¹⁵⁵. Крикуны. Каждый мнил о себе...

Да, все по собственным нормам. Все – чужие. В рабочие дни он крутился непрестанно, и жизнь, люди, все крутилось вокруг него. Но в праздники все останавливалось...

Игорь томился от депрессии и одиночества, уже, как снежный ком начинали нарастать проблемы, тот же Трунов не вернул деньги, вскоре после Нового года должен был возвращать кредиты «Гринтаун», «Марина» и «Внешторг», Усов только вернул. Вернее, их профессора выбили...

Профессор повел себя не по-профессорски, скорее, как Киса Воробьянинов. Вместо того, чтобы вернуть кредит, бывший внешторговец – что внешторговец, он сам рассказывал Игорю – профессор исчез. Игорь звонил каждый день, но трубку никто не брал, пока, наконец, к телефону подошла жена.

- Я на три недели ездила по путевке, - стала объяснять она. – Он здесь был, ночевал, но нарочно не брал телефон. Зря вы с ним связались. Дрянной человек. Он здесь больше не живет. В последние годы стал выпивать, даже неприлично. Испортился прямо на глазах, как вернулся в Союз. Пока был за границей, держался, там, знаете, строго. И ушел к какой-то...

- Как мне его найти? – спросил Игорь.

- Я вам сочувствую, - сказала жена, - но вряд ли вы чего-то от него добьетесь. Он все спустил. Он и мне задолжал. Пришел, попросил деньги и сбежал как мальчишка. И на работе у него неприятности. То ли выгнали, то ли не платят зарплату. Не знаю точно. Он молчит, как нашкодивший школьник. А этот, дружок его, Антонов, тот умнее. Тот сам нигде не расписывается.

Все же она дала телефон. Усов плакался, проклинал судьбу, жаловался на своих бывших студентов, обещал взять деньги в долг, твердил, что честный человек, недаром много лет работал в зарубежье, а потом вдруг прислал письмо, что денег у него нет ввиду форс-мажорных обстоятельств и расплатиться он не может, разве что облигациями ВЭБа. Что это за облигации, Игорь не знал. Догадался только, что замороженные на время.

Все же Игорь уговорил его встретиться. Усов долго отнекивался и согласился только в центре, якобы, где-то рядом находилась его работа. Так получилось, что рядом с МВД на Октябрьской, там же, где обосновался «Башкирский бензин».

Игорь решил идти не один. От профессора можно было ожидать всякого. Тем более, что второй из этой парочки, Антонов, когда Игорь ему позвонил, вовсе не захотел разговаривать. Через Людмилу Игорь пригласил двух ее знакомых ребят из «Баярда». Те, по характеристике, были сорвиголовы, занимались выбиванием долгов.

Итак, они встретились. Усов был один. Ребята стояли позади Игоря. Усов протянул письмо. Это была копия того, что он несколькими днями раньше прислал по почте.

Игорь почувствовал, что у него от ярости дрожат руки. Усов – негодяй и пьяница, ему нельзя отступить. Если он не справится с этим профессором, с этим бывшим шпионом, то – все рухнет. Не стоило и браться.

- Это что за облигации? Они заморожены?

- Да, - сознался профессор. Он вдруг стал меньше, голова ушла в плечи.

- До какого года?

- До тысяча девятьсот девяносто седьмого.

В этот момент Игорь потерял голову.

154

155

- Негодяй. Подлец, - он услышал, что голос его дрожит. Где-то рядом оборачивались люди, но он их не видел, не слышал. Он два раза ударил Усова по лицу, увидел, как дернулась у того голова, и почти бегом заспешил к метро. Ребята верно шли рядом.

- Да вы не волнуйтесь, - говорили они. – Не надо было здесь. Лучше б мы, - сворачивая на Ленинский проспект, Игорь обернулся. Усов все еще стоял на прежнем месте и держался рукой за лицо.

Вот тогда Игорь и обратился к Луцкову, Кария к тому времени исчез с горизонта. Луцков гонялся за профессором месяца полтора, пугал его то Евсеем, то обещал подвесить за ноги – впрочем, все это мог быть блеф, Луцков набивал себе цену и его тоже пугал Евсеем, - только блеф лишь отчасти, потому что Луцков рассказывал про Антонова, будто тот пришел в ярость. Между тем, Игорь ничего не рассказывал Луцкову про Антонова. Словом, что-то все-таки было, потому что за несколько дней до Нового года Усов позвонил и пообещал привезти деньги.

- Приезжайте в «Контору», - велел Игорь. Профессор приехал и отдал деньги. Игорь написал ему расписку. Только глаза Евгений Петрович отводил.

- Не нужно было меня, как мальчика, - сказал Усов на прощание. – Сам знаю, скурвился. Но вы посмотрите кругом...

- Я думаю, вам пошло на пользу, - отвечал Игорь.

Словом, тридцать первого декабря Игорь сидел с семьей в состоянии некоторой депрессии; предстоящее выступление Ельцина вызывало у него раздражение: только что тот сдал Гайдара; не так давно Ельцин просил потерпеть полгода, но дела в стране шли все хуже и хуже; и эстрада тоже – с чего радоваться и изображать веселье, когда все летит в тартарары?

Он медленно наливался одиночеством и злостью, когда раздался телефонный звонок из Нью-Йорка. Максим Литвинов... Он был единственный...

Максим, в сущности, говорил банальные вещи: успехов, здоровья, денег, но сердце Игоря тотчас оттаяло...

- «Вернет кредит, - подумал Игорь. – Иначе зачем бы ему звонить?»

Игорь был уже готов, когда Максим в конце разговора, как бы между прочим, попросил еще один кредит: сорок тысяч долларов, как раз до ста. На них Максим тоже купит сигареты. Он скоро вернется и выплатит в срок. Все идет отлично.

- Да, хорошо, Максим!

- Тогда, Игорь Григорьевич, к вам подойдет мой бухгалтер подписать договор. У нее есть доверенность.

- Хорошо.

Бодров, как всегда, не возражал. Сгреб в лапы пачку денег и сунул в пиджак.

Их немало было, заемщиков. И все – разные. Мрина Куколева, например, - везла продукты в Магаданскую область. Северный завод к тому времени приказал долго жить: денег не было, суда не успели разгрузить, а те, что загрузили, стояли во льдах. На Севере было голодно и темно, тоскливо, цены взлетали до небес. Марина только лет как вырвалась с Севера, мать ее оставалась в Магадане и при связях в торговле – Марина знала все дороги и обещала быстро обернуть деньги. К тому же пышнотелая, красивая, и Бодров не возражал. Или – давняя торгашка с сыном; у этих имелся в собственности только-только приватизированный магазин «Хлеб» на Арбате.

Были и другие, Игорь всех не запомнил.

Глава 12

Игорь сильно затянул и вот – дождался. Они появились внезапно, словно из-под земли. По крайней мере, никто их не заметил: ни женщины, мирно курившие на лестнице, ни сотрудница на проходной. Та, впрочем, вообще ничего не хотела замечать, только гоняла чай.

Рэкетеры наверняка все разведали, потому что сразу направились к кабинету и время выбрали точно, когда Игорь оставался один. Длинноногая Леночка, украшение фирмы, тотчас испарилась, хотя, возможно, так совпало – все продолжалось лишь несколько минут и Игорь потом не мог вспомнить: ни как они появились, ни как исчезли. Помнил только, что их было двое качков: один высокий, атлетичный, в спортивном костюме и кроссовках, белокурый, другой приземистый, с короткими руками. Рослый почти вплотную приблизился к Игорю, так что Игорю стало дискомфортно и он ощутил тяжелый, душный запах табака; в это время маленький оставался в дверях. Стал так, чтобы ни зайти, ни выйти, уперся в дверную коробку короткими мускулистыми руками. Неясно, как мимо него проскользнула Лена и как тотчас узнали в других кабинетах. Но на помощь никто не пришел. Напротив, сидели тихо, как мыши. Паника началась только потом, когда рэкетеры исчезли. Вот тогда все сразу прибежали сочувствовать. По счастью, клиентов в это время не было на фирме.

Да, все произошло мгновенно, один в комнате, другой в дверях. Игорь в первое мгновение даже не понял.

- Крыша есть? – с угрозой спросил главный, высокий, с фиксой.

Игорь молчал, растерянно смотрел на него. Наверное, стоило соврать, но он не решился. Они, похоже, все знали. Хотя, откуда они могли знать? Возможно, свои...

- Что молчишь, крыша есть? – наливаясь злобой, грубо повторил рэкетир.

- А вы кто? Откуда?

- Я спрашиваю, нет крыши?

- Нет.

- Завтра мы придем, будем договариваться.

- Лучше через два дня. Завтра я занят, - Игорю нужна была отсрочка, чтобы лучше подготовиться к их новому визиту.

- Ну, смотри, - с угрозой сказал главный, в то время когда короткорукий продолжал стоять в дверях.

Исчезли они так же внезапно, как и появились. По крайней мере, Игорь ничего больше не мог вспомнить. Ни кто они, ни от кого, ни чего хотят, ни каковы их дальнейшие планы – ничего они толком не сказали. Ничего, кроме «крыши». Неясно даже было, зачем приходили. Предупредить? Напугать? Так положено у них?

Тут только, когда рэкетеры исчезли, началась паника. Все сразу собрались в кабинете. Длинноногая Леночка водрузилась на свое место, Людмила, Ольга Ивановна, Нина, Валентина, блеклый менеджер Алексей, Виктор – он как раз приехал со склада, - Максим. Максим последовал за Игорем еще с МИБа, он учился на финансиста и прирабатывал в «Коммерсанте», имел многочисленных знакомых, но вечно сидел на мели; Наталья Ивановна пристроила его помощником вместе с Ниной Ивановной. Максим был интеллигентного вида очкарик.

И вот они сидели все – ясно было, что спокойная жизнь кончилась, что рэкетеры придут сова и не минёт их чаша сия, как никого не миновала, и что нужно срочно решать, что делать – и каждый предлагал свои услуги. Неожиданно оказалось, что у каждого из них, кроме Игоря, есть знакомые бандиты, которые при случае вполне могут служить крышей. У Нины Ивановны – те самые, немосковские придурки, которые уже приходили от какого-то ее знакомого, те самые пошляки, что грозились изнасиловать Лену, и какие-то еще, вроде бы измайловские, но не те, что под Антоном, а какая-то другая банда. У Людмилы – ребята с их бывшего завода: там все куда-нибудь подались – одни в «Баярд»: те же бандиты, только лицензией (а ведь раньше говорила иначе), другие – в рэкет, третьи – в бизнесмены. Впрочем, были у Людмилы и еще – у мужа Амирана. Этот Амиран, умелец, мастер на все руки – в прошлой жизни он сидел за

нечаянное убийство и знаком был со многими ворами; он же был токарем высшего разряда, висел на доске почета, пел когда-то в певческой капелле, писал стихи, был танцор, но обо всем этом Игорь узнал позже, когда ненадолго сблизился с Людмилой; да, так вот, Амиран, который время от времени возил Игоря с деньгами на «Тойоте», ныне изготавливал для бандитов оружие, мастерил из газовых пистолетов настоящие, впрочем, не только бандитам, и милиционерам тоже – так вот, он много кого знал и мог замолвить словечко. Или найти надежную крышу. И у Виктора тоже, бывшие одноклассники и те же ребята с завода. Даже у блеклого Алексея имелись соседи бандиты. Максим же предложил экзотических дагестанцев, то ли лезгин, то ли аварцев.

- В Москве их знаете сколько, - Максима хлебом не корми, только позволь показать особую осведомленность; она, эта осведомленность, словно увеличивала его вес, приподнимала в собственных глазах и в глазах окружающих, - Чечня, Дагестан, азики¹⁵⁶, хачики¹⁵⁷, казанские, солнцевские, ореховские, люберецкие, очень разные ребята там есть, Михеев¹⁵⁸, Авера¹⁵⁹, Антон¹⁶⁰, Япончик¹⁶¹, Тайванчик¹⁶², Сильвестр¹⁶³, еще Кикалишвили¹⁶⁴, Анзори с Кобзоном¹⁶⁵, Отари¹⁶⁶, и все крышуют. Надежнее ментов. Менты трусят, а эти – авторитеты, эти всегда могут договориться между собой. У них пакт, - утверждал Максим. – Только к ним подход нужен. С улицы не подойдешь. Надо знать к кому, через кого. По их понятиям. Иначе – хана. – Максим стал хвастаться, что изучал бандитский мир с группой журналистов из «Коммерсанта», о, экзотические ребята, головорезы, у них, у солнцевских, например, сухой закон и дисциплина, субординация, живут по понятиям.

Он, Максим, встречался нос к носу, готовили материал, но все закончилось швахом. Одного из журналистов, Пырьева, внедрившегося, забили до полусмерти – чем дальше Максим рассказывал, тем больше путался, и его нетерпеливо перебил Виктор.

- Их по Москве до двадцати тысяч штыков. Целая армия. Разные. Есть ничего, а есть отпетые. Это еще в Москве, здесь хоть Кремль охраняют. А в маленьких городках, там они хозяева.

- Охранные фирмы тоже, - подключилась Людмила, - днем они охраняют, а ночью грабят. Те же самые ребята...

- Вы, наверное, не ходите в рестораны, - продолжал Виктор. - По ночам-то уж точно спите. А вот зашли бы из любопытства в Измайловский комплекс. Одни бандиты ночью...

У каждой группировки свои точки. Они, как грибы после дождя...

У меня один знакомый, из нашей школы, только младше, устроился официантом. Ресторан «Мцыри» на Пролетарке. Проработал ровно трое суток. Что ни вечер, там стрельба. То русские с чеченцами, то грузины, то еще какие-то. Менты туда носа не кажут, боятся...

- Вы все это к чему? Что и нам не обойтись без бандитов? Что куда ни кинь, везде клин?

- Да нет, ничего я не хочу сказать, - смутился Виктор. - Бандиты, они и есть бандиты. Вам как раз с ними не сладить.

- Это почему? – насторожился Игорь.

¹⁵⁶ Азики – азербайджанцы (жаргон).

¹⁵⁷ Хачики – армяне (жаргон).

¹⁵⁸

¹⁵⁹

¹⁶⁰

¹⁶¹

¹⁶²

¹⁶³

¹⁶⁴

¹⁶⁵

¹⁶⁶

- Вы человек интеллигентный, вы с ними е сможете.

- Да, пожалуй.

Но и охранные фирмы не подходили. Одна, вторая, третья – тот же «Баярд», или охранный фирма с «Дизеля», где складом заведовала жена Виктора и где сам он хранил товар. Уж Виктор знал всю их подноготную. Там учредители те же бандиты. Только вместе с ментами. А главный – тот самый Акуп, что держит ярмарку в Сокольниках. Но, наверное, можно договориться...

- это не самый крайний случай, - поморщился Игорь.

- Бандиты, авторитеты, вся эта уголовная шваль, это быдло со своими понятиями, вызывали у него отторжение. Ему чудился семнадцатый год, только вывернутый наизнанку, но нутро – то же. Те же...

В Тольятти, в Набережных Челнах бандитские посты на дорогах, соловьи-разбойники в засадах, тысячи заводов, платящих дань, директора под бандитами, бездействующая милиция, парализованное государство... безысходность, тьма... Россия, снова захваченная чернью, грязью... Депутаты – часть этой тьмы...

В девяносто первом сто тысяч людей вышли к Белому дому за свободу. Игорь не вспоминал тогда про бандитов. Но оказалось, что и они тоже. Бейлин рассказывал про своих чеченцев. Чеченские бандиты против красных...

Игорь, пожалуй, обратился бы к Бейлину, но того сейчас не было в Москве.

Об Акупе Мирзояне, о котором напомнил сейчас Виктор, Игорь много раз слышал. Крутой, жестокий. Сидел – за разбой, и еще – за изнасилование но давно приспособился. Нынче связи – друзья в мэрии. Бизнесмен, добропорядочный – снаружи. Но внутри – прежний. Добродушный малый с газами убийцы. Пальцы в наколках. В девяносто первом отличился при защите Белого дома. Солдатиков кормил. Офицерам совал деньги.

Говорили, что теперь к Мирзояну не пробиться; он - высоко, полубог, обращаться следовало к подручным – к обезьяноподобному, волосатому Рантину, или к полугреку-полуармянину Лазо...

А платить нужно Мирзояну за крышу немало. Идти под него – разорение, головы не сносишь...

Забраковали еще несколько фирм. Репутация у них была не слишком хорошая. Не то, чтобы Максим знал что-то определенное, хотя, бывало, и знал, но больше помнил всякие анекдоты из незавершенного журналистского списка, из-за которого, считали, и избили Пырьева.

Вот тогда уже, в конце, и всплыла эта фирма: «Защита». Максим там некоторое время назад брал интервью. К интервью он относился цинически: ему заплатили – он написал, но замгендиректора Максиму понравился. Деловой. И со связями. Это точно.

Тут просто-напросто совпало. Игорь вспомнил. Совсем недавно «Защита» охраняла комбинат «Известия» от рейдеров. А рейдеры – служба охраны Верховного Совета. Игорь не помнил уже детали, из-за чего разгорелся сыр-бор, «Известия», на тот момент первую газету страны, хотели выселить из собственного здания или наказать за позицию, это был один из заметных эпизодов в противостоянии Верховного Совета с президентом, как позже станут чемоданы с компроматом¹⁶⁷ МВК¹⁶⁸ или экономическое совещание¹⁶⁹, - для него сейчас важно было другое: «Известия» доверились «Защите», значит, ей можно доверять.

Замгендиректора «Защита», которому Игорь позвонил, казалось, только и ждал звонка.

- Наезд? – спросил он, не дослушав Игоря до конца. – Обычная картина. Мы по десятку в день отбиваем такие наезды. Рэкетеры в последнее время совсем обнаглели, почувствовали,

167

168

169

что государству не до них, бизнесмены их боятся. Вы, я так понимаю, хотите заключить договор?

- Да, - подтвердил Игорь. – Они обещали прийти завтра или послезавтра.

- Пусть только сунутся, - успокоил замгендиректора. – Они трусливые, как зайцы. Если придут без нас, спросите от кого. Скажите, что у вас есть крыша.

- Ваша фирма?

- Наша. Они нас боятся как волки огня.

После разговора с замгендиректора Игорю стало спокойнее. Тот, как с маленьким, с ним разговаривал, а сам – взрослый. Взрослые знают, что делать. И слово старинное: «наезд». Вспомнился «Пан Тадеуш» Мицкевича. Все показалось не так страшно.

На следующий день Игорь отправился на охранную фирму. «Защита» располагалась на Соколе, в одном из домов бывшего дачного кооператива художников. Невысокий забор, калитка, ухоженные дорожки. Игорь ожидал увидеть вооруженных людей, но вместо этого в прихожей их встретила длинноногая, похожая на Леночку, секретарша, в соседней комнате на диване сидели два штатских человека. Тот самый красноречивый замгендиректора и сам генеральный, бывший полковник с седой шевелюрой и в очках, молчаливый и больше похожий на пенсионера-профессора, чем на мента.

- А где ваша охрана? – невольно спросил Игорь.

- К нам не сунутся, - заверил замгендиректора.

Игорь хотел спросить «почему», но не решился. Лишь несколько месяцев спустя Сергей проболтался, что у «Защиты» - негласный пакт о ненападении с местным авторитетом и даже что сама «Защита» находится под крышей.

- Договоров они не подписывали, но пьют вместе, какие-то свояки, - рассказал Сергей; но это – позже, тогда еще Игорь и Сергея не знал. Того прислали только на следующий день, вместо вооруженной охраны, потому что оказалось, что у «Защиты» нет лицензии на применение оружия, да и вообще такие лицензии охранным фирмам не выдают. Так что, если охранник носят оружие – это их полная самостоятельность.

- Но вы не беспокойтесь, нашему охраннику и дубинки хватит, - рассыпался замгендиректора. – А если что, наезд, например, или похищение, не дай бог, мы тотчас приедем на помощь. Мы своих не бросаем. И не сами приедем, а с ОМОНОм. У нас очень хорошие связи с милицией. С любыми бандитами забьем стрелку. Если вы думаете, что бандиты – это нечто неуправляемое, внесистемное, вы – ошибаетесь. Бандиты на определенном уровне встроены в систему. С ними всегда можно договориться, - замгендиректора все говорил, а полковник в отставке сидел рядом и кивал.

- Этот авторитет местный, Таран, он у меня два раза сидел. Мы с ним почти как родные, - будто ляпнул полковник; на самом деле ничего такого тогда он говорил, это потом Игорю стало казаться – со слов Сергея. Это зимой уже, через несколько месяцев, Игорь стал догадываться, что – пузырь, а не охрана. Сергей не слишком был умный, его при случае можно было разговорить.

... Это было совсем не то, чего хотел и чего ожидал Игорь, но время поджимало, выбора не было и Игорь подписал договор.

Так на фирме на следующий день появился Сергей. Он был мастер спорта по лыжам, честный, но недалекий парень, ладить с ним было легко, но толку от Сергея не было никакого, разве что обычная психотерапия. Сергей, скорее, мешал: заходил в кабинет во время переговоров, трепался по телефону, мешая бухгалтерам работать, увивался вокруг секретарши Лены, - когда он ушел, Игорь обнаружил кучу рисунков с длинными ногами и упругими грудями, отдаленно похожих на Лену – или часами сидел за компьютером, бессмысленно переключая на экране карты; Сергей настолько не напрягал свою мысль, что как-то уселся на стуле в

нотариальной конторе, куда приехал с Игорем на сделку, прямо в середине узкого коридора, и заснул.

Несколько дней Сергей сопровождал Игоря в метро, но скоро ему надоело, и он стал уговаривать Игоря купить автомобиль. Между тем, это было действительно нужно. До того Игоря возил бывший Людмилин муж Юра, предшественник Амирана, на своей «Антилопе-гну», но вскоре надоел. Юра плохо знал Москву, плутал, едва съезжали с основного маршрута, вечно сворачивал в «Запчасти», заставляя Игоря ждать, к тому же постоянно опаздывал, а бывало и вовсе не приезжал – его допотопная «Лада» ежедневно требовала ремонта. Но, главное, он был трус и постоянно требовал повышения зарплаты.

- Вот стоим мы на светофоре, - заводил он свою песню, - а в любой момент могут подбежать амбалы. Возьмут вас под рученьки и уведут. И что мне тогда делать? Была бы хоть зарплата. А то, как у простого водилы.

- Чушь, - удивился Игорь, - зачем им на виду у всех? И при чем тут твоя зарплата, если меня захватят?

- Да вы не смейтесь, - обиделся Юра. – Время-то какое. Кругом стреляют. Вчера заснуть не мог, так шмеляли где-то рядом. И вы не заговоренный.

Вот был у меня один приятель. Задолжал сумму. Так его вот так, прямо как я вам рассказывал. На светофоре. И машину увели. А потом позвонили жене: забирай, мол, труп.

- «Дурак, - подумал Игорь – где только Людмила такого откопала?» - Игорь решил отказаться от Юры, но другого водителя не было, Юра же вскоре отказался от работы сам.

Сергей, едва Игорь дал согласие, тотчас уселся за телефон и через день нашел наиболее удобную, по его мнению, фирму.

- Жигули, девяносто девятка, - радостно сообщил он. – Продается по реэкспорту. От «Логоваза». Они по документам будто вывозят в Эстонию, а на самом деле, прямо в Москву.

- Ты-то откуда знаешь? – удивился Игорь. – Так тебе прямо и сказали?

- Прямо, не прямо, но сказали. Это все знают. «Автоваз» давно под бандитами, приезжают, снимают машины прямо с конвейера, а «Логоваз» крышуют чеченцы. Договорились авторитеты с авторитетами. И придумали реэкспорт, чтобы не платить налоги. – Ты, оказывается, много знаешь, - снова удивился Игорь. – У меня приятель один поехал в Тольятти, купил девятку у бандитов. Так на выезде его опять остановили. Чуть ли не двойную цену заплатил.

Фирмочка оказалась небольшая, на складе было всего несколько «Жигулей», но красная девяносто девятка приглянулась Игорю сразу и он, не долго думая, согласился. – Оформляй. «Какая разница на чем ездить?»

Водителем по просьбе Людмилы Игорь взял ее сына Толю Свистуна – тот и раньше не раз отвозил его до дома на родительской «Тойоте», которую Людмиле задешево отдали на заводе, пока тот еще работал. Отдали потому, что Людмила была любовницей председателя завкома¹⁷⁰. Но это – позже рассказала Людмила. Сексапильная стерва. А в то время Игорь еще не подозревал.

Толя был странный юноша, болезненный с виду, совсем не в цветущую Людмилу. Девушками он не интересовался – природа на нем словно отдыхала после многолюбимой, многомужней Людмилы; не пил, не курил, не учился и не работал, страсть у него была одна: автомобили. Вероятно, в сбежавшего от Людмилы отца. Но про старшего Свистуна Игорь еще ничего не знал тогда.

Приезжая за Игорем, Толя тотчас бежал за угол: отлить. Иногда по этой же причине он останавливался посреди дороги, ставил машину к бордюру и бежал к ближайшему дереву, а бывало и на середине. Казалось, многолюдье не смущало, даже наоборот. Словом, эксгибиционист.

¹⁷⁰ Завком – заводской профсоюзный комитет.

- Слушай, Толя, это же некрасиво. Тебе нужно обратиться к врачу, - но пытался вразумить его Игорь.

- Зато мне приятно, Игорь Григорьевич, - возразил Толя. – Кому какое дело? Это я с детства.

- Ну, ну. - Только и смог сказать Игорь.

- Игорь Григорьевич, - сказал вдруг Толя, - я, как наш президент. Не слышали, в Америке Ельцин при всем народе _____ под самолетом?

- Нет, не слышал, - оборвал его Игорь. – «Правду», что ли читаешь? Или «Советскую Россию»?

- Не верите, что ли? – обиделся Толя. – Он и с моста прыгал пьяный¹⁷¹.

- Ладно, хватит, - одернул его Игорь. Он мог бы уволить Толю, но не хотелось обижать Людмилу – от нее зависели деньги, - к тому же водил машину Толя как бог.

Претендовал водить «Жигули» и Сергей. В первый же день после покупки он уговорил посадить его за руль - машина дернулась посреди дороги и встала. Он завел снова: «Жигули» сделали несколько рывков, едва не врезались в троллейбус, Сергей так резко затормозил, что едва не попал под «КАМаз», потом проспал красный свет на светофоре, водители, кто были рядом, стали крутить пальцем у виска – Игорь велел Сергею рулить и запретил впредь садиться за руль.

- Я научусь, - пообещал Сергей, - я просто долго не садился за руль.

- Пусть тебя Толя научит, без меня, только где-нибудь в тихом месте, - разрешил Игорь. – Только не в рабочее время.

Сразу же Игорь купил место в гаражном кооперативе – гараж располагался недалеко от дома, но был недостроенный, вместо пола – глубокая яма; у автовладельцев текла там своя жизнь: бесконечный ремонт, посиделки с пивом, анекдоты, там смачно ругали Гайдара и обсуждали в лицах депутатов; разговоры показались Игорю глупыми, мелкими, да и времени у него не было – ни достроить гараж, ни даже ходить за машиной, и Толе неудобно было добираться – вышло, что он купил гараж, не подумав, он оказался не приспособлен к гаражной жизни, пришлось отдать «Жигули» Толе, тот держал их в своем гараже, или бог знает, где еще. Машина всегда выглядела ухоженной, Толя с нее пылинки сдувал, сам, если нужно ездил в ремонт, вот только на спидометре каждый день накручивалось много больше сотни километров. но приходилось терпеть. Тем более что Толя давал уроки Сергею.

Рэкетеры, между тем, долго не появлялись, так что Игорь вполне успокоился и начал думать, что дело, в самом деле, в Сергее. Правда, непонятно было, отчего они должны бояться добродушного и бестолкового Сергея, или – разнюхали про «Защиту»? – но факт есть факт: они долго не приходили.

Появились они уже вскоре после Нового года. Сергей в этот момент самозабвенно выкладывал на компьютере карты, он никому не мешал – и слава богу; Игорь вышел в коридор, чтобы пройти в бухгалтерию – вот тут и появились те же двое. Они выросли словно из-под земли, в одно мгновение отрезав путь к отступлению.

- Я говорил, что мы придем. На хрен ты взял этого недотепу? Он тебя не спасет, - это главный, высокий, второй стоял рядом.

- Вы обещали придти на следующий день.

- Наше дело. Т от нас никуда.

А вы – кто? От кого? – Игорь повторил все, чему его учили.

- Конь в пальто. Пять миллионов в месяц и путь тебя пасет этот жмурик.

- Вы должны сказать от кого. Так дела не делаются.

- Ну ты, ничего мы не должны. Мы тебя предупредили? – разговор явно шел по непредусмотренному сценарию.

Пока Игорь соображал, что он должен ответить и не позвать ли Сергея на помощь, рэкетеры исчезли. Снова, как в прошлый раз, будто провалились сквозь землю. Игорь бегом бросился в кабинет. Сергей мирно дремал за компьютером.

- Сергей! Они пришли! – Сергей тотчас бросился их догонять, выяснить – от кого? (Или только делал вид?); он выскочил на улицу и добежал до остановки, потом кружил по улицам, но рэкетиров и след простыл. Потом рассказывали, будто их видели спокойно закусывающими в буфете.

После второго визита рэкетиров Игорь велел поставить стол для Сергея перед своим кабинетом и отделить решеткой свою часть коридора, но это было неудобно и решетку так и не сделали. Сергей же оказался непоседой. Несколько раз Игорь ловил его на том, что Сергей исчезал с рабочего места. Игорь решил позвонить в «Защиту» и попросить другого охранника, но там попросили подождать.

- Мы как раз сортируем охранников, - сообщил разговорчивый замгендиректора. – Через недельку-другую, пожалуйста. У нас тут небольшие проблемы...

Что за проблемы, Игорь тотчас узнал от Сергея. По простоте душевной тот и не думал скрывать. Оказалось, что на объект, охраняемой «Защитой», наехал рэкет и охранники, вместо того, чтобы дать отпор, не просто смылись, но еще вроде обворовали склад. То есть, кто обворовал склад точно неизвестно: «Защита» валит на рэкет, а бизнесмены – на «Защиту».

Игорь понял, что с ним будет также. Что Сергей – это всего лишь вывеска, они только делают вид, что охраняют. До сих пор ему просто везло, рэкетеры попадались какие-то дурные.

Впрочем, тут и еще одно. Игоря сильно раздражала пунктуальность, с которой за деньгами раз в месяц приезжал главный менеджер «Защиты». Этот солдафон вечно торопился. Он и не думал скрывать, что за день ему предстоит объехать еще несколько фирм. Обеспечена ли безопасность, его не интересовало.

- Лохотронщики, - сказал как-то бизнесмен, приехавший за обналичкой. – Ему (он имел в виду Сергея) только ворон ловить, а не рэкетиров. Хотя... Судя по его туподобродушному лицу, этот хоть сам не ограбит.

- Да, пожалуй, - вынужден был согласиться Игорь.

- У меня есть одни бравые ребята, - предложил бизнесмен. Но Игорь отказался. Он видел уже бравых ребят.

Между тем, что Сергею только ворон ловить, вскоре подтвердилось. Он исчез в очередной раз из-за своего стола и в это время рэкетеры – те самые двое – зашли в кабинет. Как и в первый раз, высокий прошел в середину комнаты, а тот, что поменьше, стал в дверях.

- Теперь видишь? Х... у тебя, а не охрана, - высокий сплюнул себе под ноги. – Ты чего ерепенишься? Все равно будешь платить. Я тебе сказал: пять миллионов в месяц. Ты у нас, как под рентгеном, понял? Ты, шавло!

- Вы – кто? От кого? – повторил, как учили, Игорь. Если назовут имя авторитета, «Защита» обещала договориться.

Но они не назвали опять.

- Смотри, не тяни, - предупредил высокий. – Доиграешься, - и они снова исчезли. В этот раз, однако, они оставили по себе память: проколи все четыре колеса на «Жигулях». Толи, как назло, не оказалось на месте, он вместе с Сергеем отошел в буфет. Эти ли самые двое прокололи, или у них имелись сообщники, а может Толя с Сергеем отошли нарочно – все могло быть – этого знать Игорь не мог. Вероятно, наводил кто-то из своих. Но кто? Игорь хотел обратиться в милицию, но его дружно отговорили: толку от милиции не будет никакого, одни пустые хлопоты, а бандиты могут обозлиться.

Что же, нужно было думать. Некоторое время назад Наталья Ивановна сообщила, что кто-то из сотрудников обещал его раскрутить. «Денег у него много, надо бы поделиться», но кто это мог сказать: Людмила? Нина? Или Ольга Ивановна? Как ни пытал Игорь Наталью Ивановну, даже предложил взятку, она не захотела делиться. – Я не шоха, – только и сказала. – Я по-пионерски воспитана.

– Вот, вот. Как раз Павлик Морозов...

– Нет, я совсем не Павлик Морозов...

Он так и не смог дознаться. Поменять их всех? Но разве новые будут лучше? Все – Шариковы! И ведь тут же наведут. Бандитов или налоговую инспекцию... Стоило, пожалуй, отказаться от «Защиты» и создать собственную службу безопасности. Но где найти людей?

Пока Игорь размышлял, Виктор привел майора милиции. Тот только уволился из органов. С виду это был приятный человек, спокойный и вежливый, и люди у него были – майор согласился создать службу безопасности, но вскоре планы у него переменялись. Майор ушел в «МММ». Игорь не стал его удерживать. Рыба выбирает где глубже, человек – где лучше. Майор был не первый. Незадолго до майора в тот же «МММ» ушел менеджер Николай, тот был предприимчивый и умный, интересовался ценными бумагами, собирался на курсы Минфина. С «МММ» «Кредитная контора Полтавский» конкурировать не могла. В «МММ» деньги складывали в мешки, в «МММ» деньги не считали. «МММ» еще не гремел, но был уже широко известен...

... На память от майора остался газовый пистолет – майор в первый же день продал его Игорю...

... Вот тогда и подвернулись люди Луцкого. Вернее, они были сами по себе, ландскнехты, как определил их Игорь, смелые ребята, перебивавшиеся случайными заработками. Обоих, Геннадия и Сашу, бывших афганцев, – еще недавно они служили в скандальной охране Верховного Совета, из-за которой недавно разгорелся сыр-бор¹⁷², но оба уволились якобы из-за того, что командир потребовал с них взятки, впрочем, никаких документов они не предъявили – привел в свое время Луцков на сделку с цыганами. С тех пор, пока не появилась «Защита», Игорь иногда приглашал их на сделки. Это было спокойней и дешевле, чем звать Луцкого.

Так вот, начальником охраны стал Геннадий, седовласый, мужественного вида, со шрамом от пули на лице, с колодками на груди, которые он одевал по праздникам – Игорь, впрочем, ничего в колодках не понимал. Но ордена у Геннадия были – два ордена Красной Звезды и один – Красного Знамени. Он приносил их, показывал и – предлагал продать, Геннадию срочно требовались деньги, но Игорь отказался: ордена его не интересовали.

Заместителем Геннадия Игорь взял Сашу – тот был красив, мужественного вида и, говорили, храбр. В девяносто шестом, – но это уже в совсем другой жизни, – он был ранен на Котляковском кладбище¹⁷³. К тому времени Игорь давно не общался с обоими и узнал про Сашу совершенно случайно, встретив в метро Луцкого.

¹⁷² В 1992 году в условиях фактического двоевластия существовали два разных управления охраны: одно из них подчинялось президенту, другое, сохранившееся с советского времени, фактически подчинялось спикеру Верховного Совета, хотя формально имело двойное подчинение: Верховному Совету и МВД. Это положение, несмотря на попытки исполнительной власти ликвидировать управление охраны Верховного Совета, сохранялось вплоть до разгона Верховного Совета в октябре 1993 года. Управление охраны Верховного Совета «отметилось» несколькими громкими скандалами: в частности, освобождением задержанного милицией за угрозы применения оружия двоюродного брата Р.И.Хасбулатова и попыткой насильственного захвата комбината «Известий» на Пушкинской площади.

¹⁷³ Взрыв на Котляковском кладбище в Москве 10 ноября 1996 года, в результате которого 14 человек были убиты и около 30 получили ранения разной степени тяжести, явился результатом долгих междоусобных разборок в Фонде инвалидов войны в Афганистане, имевшем значительные коммерческие льготы. Убийство произошло, когда на кладбище собрались члены Фонда и их близкие, чтобы помянуть ровно два года назад убитого в результате теракта (взрыв в лифте) бывшего председателя Фонда Михаила Лиходея. Во взрыве обвинялся бывший (до Лиходея) председатель Фонда инвалидов войны в Афганистане Радчиков, который погиб в автокатастрофе в 2001 году.

Геннадия и Сашу Игорь взял в охрану уже в начале весны, сразу после майора. К весне созрела нужда не только охранять, но и выбивать долги...

Глава 13

Письмо от сестры Лены Игорь получил перед самым Новым годом. Это была давняя семейная традиция: писать длинные письма. Многие годы Игорю писала мама, потом, когда мама умерла, писать стала сестра. Телефонов в семье пользовались очень редко: идти на переговорный пункт и ждать соединения было очень долго. Домашний же телефон появился у Игоря не так давно, а в Ставрополе у сестры – только, когда Советская власть рухнула и неожиданно оказалось, что на телефонной станции есть резервные мощности. Разразился громкий скандал, потому что выяснилось, что раньше эти мощности скрывали – это помогало выбивать на телефонизацию деньги и брать за установку телефонов огромные взятки.

Сестра с мужем, Максом, долго стояли в очереди – когда пришло время ставить телефон, их вызвали на бюро горкома, хотя они оба не были партийными, но все же – врачи, а врачам положен был телефон. Сам секретарь горкома убеждал их подождать и сестре неудобно было возразить вежливому партийному начальнику. Потом она даже гордилась: вот ведь, сам секретарь горкома ее уговаривал, а ведь мог накричать или отказать без всяких объяснений. Хорошие же у нас, замечательные руководители...

Игорь иногда и другое вспоминал, похожее: начальник краевой торговли Гольдман оформил им, как соседям, хорошим знакомым и к тому же врачам, прикрепление к продуктовому магазину – как-то Лена с Максом купили там рыбу и очень гордились, чувствовали себя привилегированными, приближенными к власти, потому что достать такую рыбу нигде больше было невозможно, а на витрине выставлены были только рыбные хвостики.

Телефон сестре установили почти одновременно с отпуском цен и они так безумно взлетели, что звонить по межгороду сестра не решалась и по старой привычке продолжала писать очень длинные, подробные письма. А писать было о чем... Прежняя жизнь обрушилась, сломалась как-то сразу – накануне развала Союза у сестры от рака умер сын. За несколько недель до смерти Миша ездил с женой торговать в Польшу, а в Москву на обратном пути заехал совсем больной. Игорь с племянником ходил к знакомому научному сотруднику в Онкоцентр – тот раньше работал у Игоря в кооперативе, - в Онкоцентре сделали снимки и велели приезжать через несколько недель, но когда вскоре Игорь пришел за снимками, их требовалось переслать в Ставрополь, оказалось, что везде метастазы, рентгенолог все написал, но доктор снимки не удосужился посмотреть, они так и лежали в рентгенкабинете. Так вот, у сестры сломалось все сразу – сын умер, и жизнь пошла прахом.

С нового года, девяносто второго, когда Гайдар отпустил цены, сестра бравировала еще, писала, что теперь они не ходят в магазин, разве что за хлебом и молоком, едят закрутки, моченые яблоки, витамины из тертой смородины и варенье, что много лет хранились в подвале, на праздники пьют по рюмке вишневки, а с весны собираются засеять огород. Что все так делают, сосед, мол, даже завел козу. В войну ведь было несравненно хуже. Рассказывают, что ели лебеду...

Выходило, время поменялось, а Лена с мужем – нет. Они, сестра особенно, не были такими уж советскими, любили рассказывать анекдоты, подсмеивались над Брежневым и вообще недолюбливали власть, а тут, когда Игорь написал, что Советскому Союзу приходит конец – он и сам-то понял это слишком поздно, уже после Тбилиси¹⁷⁴, когда Литва первой из республик провозгласила независимость¹⁷⁵, а может после Баку¹⁷⁶; разговоры о распаде и о

174

175

конфедерации начались раньше, году в восемьдесят восьмом или девятом, но Игорь не хотел верить – так вот, когда он написал, сестра ответила, что Прибалтика может и уйдет, они всегда нас не любили, но все остальные сплотятся вокруг обновленной КПСС. Горбачев как раз метался, себя обманывал, и других тоже. Девятнадцатая партконференция, раскол партии, демонстративный выход Ельцина... Невооруженным глазом уже было видно тогда. Но события развивались слишком быстро, будто снежный обвал, люди не успевали осознавать. И сестра не видела тоже, словно страус прятала голову в песок – до самого ГКЧП. Игорь понял тогда: каждый остается в своем времени. Фильм крутится дальше, но человек не воспринимает...

Теперь с удивлением, в котором сквозили осуждение и зависть одновременно, сестра писала про тещу, то есть мать жены младшего сына, Виталика, - та работала бухгалтером в Крайздраве – что они с мужем ездят в Китай, везут оттуда всякие тряпки на продажу и – тут уж Лениному удивлению и вовсе не было предела – сами и торгуют всем этим на толкучке. Не бояться, что встретят кого-нибудь знакомого. Вроде это теперь не стыдно? Все вдруг стали другими. – «Нас семьдесят лет учили и мы – верили, и вдруг все в один день псу под хвост. Что же выходит, - изумлялась сестра, - что нам врал? Или, наоборот, нам сейчас врут?» И совсем уж изумлялась, что вместе с тещей торгуют жены бывшего и нынешнего замзавкрайздрави. – «Антипова, она такая раньше дама была, аристократка. Вот уж про кого никогда не подумала бы. В президиумах сидела, Маркса с Лениным цитировала, номенклатурная вся. Говорили в Париж ездила. А тут – бизнес.

Или раньше было стыдно, а сейчас нет? Ничего не стыдно? А мы вот с Максимом не можем. Макс говорит: «Как я буду смотреть в глаза больным? Чтобы доктор торговал на базаре? У меня старое пальто осталось и еще кое-что из вещей, но я даже представить не могу. Если бы кто-нибудь другой...

Сестра вроде не была совсем против рынка, но и не вписывалась никак. И мысли не допускала. И опять же, то ли возмущалась, то ли изумлялась, что все вокруг бросились в торговлю. «Вот Некрасов, ты его, Игорек, знаешь, бывший зав. Отделением. Совсем старик. Только недавно на пенсию ушел. Так вот, стоит, еле-еле, а стоит. Я его как-то встретила. Глаза отводит. – «Что же вы, Михаил Семенович, говорю, совсем обнищали? – «Обнищал, - говорит, - всю жизнь собирал и все сгорело. Все сбережения. А пенсия. Сами знаете. Кто виноват, разбираться не хочу, те или эти, но чтобы так, до ручки. Отец мой был дворянин, так у него тоже все отобрали». – Везде теперь старики. На Октябрьском проспекте, на Маркса. И в новом районе.словно вся старость вышла на паперть», - про паперть это, видно, не ее были слова, вероятно, повторяла за кем-то.

- «У нас теперь ругают и Горбачева, и Ельцина. Косуля, ты его, наверное, помнишь, враг у нас такой, курсом старше, чем ты, из Народного фронта – он говорит, что во всем виноваты коммунисты. Но при коммунистах так не было. Напиши, Игорь, как во всем разобраться? Что это вдруг случилось с нами и кто, по-твоему, виноват? А главное, что будет дальше? Мы уже не знаем, кому верить».

- «Да, забыла написать, - продолжала сестра, - профессора из мединститута у нас многие теперь уезжают. Марьясис, ты его хорошо знал, уехал с семьей в Израиль. И у Штилькинда племянница. А Поляк – в Америку. И еще, говорят, из пединститута. А Нагой сошел с ума. Будто третичный сифилис. А ведь был секретарем парткома.

И у нас на проезде, - продолжала Лена, - тоже непорядок. Братьям Барановым разрешили приватизировать дом. Помнишь, единственный дом был не частный, где магазин внизу. Мы не хотели, собирали письма, что других магазинов нет близко, но они обещали магазин не трогать, на собрании поклялись. Они теперь бизнесмены, торгуют машинами из Германии, прямо перед домом, говорят, связаны с бандитами. Ездят на «Мерседесах». Чванливые такие

ребята, наглые. Так вот, им все-таки разрешили. И как только приватизировали дом, так и закрыли магазин. Сначала уволили продавщицу, будто у нее недостача, а она лет двадцать работала. Прибыли магазин не приносил. Теперь там контора. Еще купили дом у Ивановых. Сначала подожгли, те продавать до пожара не хотели. Теперь строят там автомобильный салон. Люди возмущаются. Раньше у нас на проезде было тихо, машины почти не ездили, а сейчас каждые несколько минут. И публика еще та. Сплошь татуированные, с цепями, с девицами. С оружием, чуть что – стреляют...

И Хахولةвы продали свой дом. У них квартира где-то в новом районе. Купил у них дом какой-то топ-менеджер, как сейчас говорят, из «Гермеса»¹⁷⁷. Он старое жилье снес, хотя дом был совсем неплохой, и выстроил новый, огромный – не дом, но и не дворец, какую-то махину на тысячу двести квадратов, чуть ли не на весь участок и в несколько этажей. Все еще строят, никак не закончат. И это что-то, уродливое донельзя, несоразмерное, возвышается над всем проездом. Теперь еще у Смóлы хочет прикупить участок. Тот не хочет, но боится, скорее всего, продаст. К тому же две комнаты у Смолы стали темные из-за этой махины. Когда все начиналось только, он ходил жаловаться, так на следующее утро обнаружил канистру с бензином под дверью.

Да, Игорек, как ты посоветуешь, у нас тут продаются акции концерна «Гермес». Говорят, это надежно, вот только что они строят? Куда вкладывают деньги? У нас соседи купили их акции. Поговаривают, будто Валерий Неверов скоро займет место в правительстве. Будто «Гермес» купил «Уралмаш»¹⁷⁸ и будто они акционеры «Газпрома». Вот только этот местный начальник из «Гермеса» очень неприятный, всегда приезжает с большой охраной, ни с кем не здоровается, рассказывают, будто в советское время он работал в банке и сел за махинацию. И друзья у него какие-то авторитетные, а дочка вроде замужем за бывшим вором в законе. Только сейчас он не вор, а бывший крупный кооператор. Дружит с городским головой и монополизировал торговлю в Кавминводах.

Да, Игорек, что лучше купить: акции концерна «Гермес», или вложить деньги, что еще остались, в Русский Дом Селенга»¹⁷⁹? Говорят, это тоже очень выгодно. Вот только можно ли им верить? Посоветуй.

У нас тут есть такой дядя Саша. Ты его знал. У него отец всегда ходил в галифе, бывший энкавэдэшник, еще писал письма на Гулиева, тот тоже штучка, ну да бог с ним. Энкавэдэшник этот несколько лет назад повесился, вроде из-за рака, боялся делать операцию, или, может, старческий психоз. Говорили, мучился совестью, когда пьяный, и дядя Саша этот, Савченко – он тоже сильно выпивает – так вот он продал дом и живет где-то у дочки, рассказывают, будто она его в чулане держит, а деньги они вложили в «Русский Дом Селенга». Так вот, он недавно приходил, хвастался, то скоро получит большие деньги и они поедут в Москву. В Москве, мол, совсем другая жизнь, культурная. Он еще в советское время ездил, видел – в Москве были очереди за туалетной бумагой, когда здесь еще газетки рвали, по-темному. В Москве, мол, они развернутся.

- Так вот, Игорек, что это за Селенга? – спрашивала сестра. – Говорят, будто такая река в Сибири? Или что-то другое? Стоит ли нам здесь покупать акции? Или, может, к тебе вложить деньги? Мы в прошлом году купили акцию «Олби-Дипломата»¹⁸⁰, их у нас продавали на Главпочтамте. Там у нас и сейчас торгуют какими-то акциями, только оказалось, что дивиденды платят только в Москве во Дворце молодежи. Так вот, Игорек, - просила сестра – не мог бы ты

177

¹⁷⁸ Акции «Уралмаша» приобрел концерн «НИПЕК», а не «Гермес». Акции «Газпрома» концерн «Гермес» также не приобрел.

179

180

сезднить во Дворец молодежи и узнать, как можно получить эти самые дивиденды? А может, тебе прислать акцию, или передать с проводником?

От этой просьбы Игорь пришел в ярость. Да что они думают себе? Дивиденды составят рублей тридцать, как раз на полпачки сигарет или на несколько коробок спичек – и из-за этого он должен ехать на вокзал, ловить проводника, а потом толкаться в очереди во Дворце молодежи. Да у него минуты свободной нет. Это же надо – купить одну акцию. Бизнес по-русски. Пусть лучше прибудут эту акцию к стене в память о том, как все начиналось.

Однако что-то трогательное, провинциальное было в этом письме. Они, Лена и он, Игорь, словно жили в разных мирах. Она, как Пятница, на своем патриархальном острове, заброшенном в провинциальном океане А вокруг – рынок. Только не настоящий. Дикий, совдеповский рынок... со своим «Гермесом», с «Русским Домом Селенга», с банком «Чара»¹⁸¹, с «Властилиной»¹⁸² – из письма сестры следовало, что слухи про банк «Чара» и про «Властилину» докатились до Ставрополя и что самые активные, или самые дурные, как в свое время ходоки к Ленину, ехали в Москву. Везли свои денежки.

– «Я ничего не знаю ни про «Русский Дом Селенга», ни про «Гермес», ни про банк «Чара», ни про «НИПЕК», а уж «Властилина» – это полный бред, – написал он сестре. – Подозреваю только, что все это лопнет, что все – пена. А если и не лопнет, вы все равно ничего не получите, или мизер. Никто не станет таскать каштаны из огня для ротозеев и буратин. Люди сами должны создавать свое богатство, работать, а не надеяться на чудо». – Он потом сам поражался своей прозорливости. Игорь не помнил, чтобы он такое писал, будто сомнамбула, во сне, но почерк был его. – «Лучше вкладывайте деньги в мо «Кредитную контору «Полтавский». Даже если лопнет, вам я верну... Конечно, шансов немного...» – вот значит как, догадывался. Что-то сознательное, по Фрейду. Написал и забыл...

... Ленино письмо было интересное. Другая жизнь. Да, жизнь была другая, а люди – те же. Или – та же Россия? Во мраке перемен, в тьме девяносто второго года? вот Сергей Худяк поехал за машиной в Германию, и его убили. Не в Германии – он купил не новый «БМВ» и ехал домой. Где-то под Белгородом. А машина исчезла. Скорее всего, перебили номера – целая промышленность из бывших работяг возникла по замене деталей, разборке машин, перебивке номеров – те же братья Барановы этим почти в открытую занимались. Их, судя по всему, крышевали сразу и бандиты, и милиция. А вот Худяка с напарником убили. Полусоженные трупы нашли случайно через несколько месяцев. Разбираться по-серьезному никто не хотел, бандитов так и не поймали, а Худяка сестра случайно опознала по туфлям. Ездил искать и – ей повезло, если эти, конечно, повезло – туфли не сгорели. Туфли особенные были, с белым рантиком.

– «Мы голосовали за Ельцина, – писала сестра, – а тут такое говорят. Есть тут депутат Кузнецов, так он говорил на встрече, будто нашли документы, что Горбачев и Ельцин – оба – состояли в заговоре с американцами. Будто у Горбачева счета за границей и Ельцин ездил в Америку не просто так. Мы, конечно, не верим. Горбачев же был у нас. Хотя, кто знает?

Мы так и не поняли, что произошло? Как и почему вдруг развалился Советский Союз?

У нас на проезде раньше жили греки. Помнишь, может быть, семья милиционера? Так вот, они продали дом и уехали в Грецию. А дом купил какой-то чеченец. У нас в Ставрополе очень много стало чеченцев, и еще больше русских из Чечни. Там, рассказывают, жить стало невозможно. Грабежи, стреляют прямо посреди дня, русских девушек насилуют. Два района Чечне отдали при Хрущеве, теперь все – русские бегут массами, и из Грозного тоже. А ведь когда-то это была казачья крепость. Но и чеченцы тоже. У нас появилось много беженцев; и чеченцев много стало в крае, особенно на Кавминводах. И в соседней Карачаево-Черкессии

181

182

очень беспокойно. Как бы чего не началось. Не дай бог, где-то загорится, а мы, как всегда, окажемся виноваты. Хотя пока про нас забыли.

Недавно я была в командировке в Курской. Проверяли детей, в последнее время появилось много умственно отсталых. Это все из-за пьянства. Так что правильно Горбачев начал¹⁸³, только все не так пошло. Так там жалуются, жить стало совсем беспокойно, постоянные набеги из Чечни, угоняют скот, а как-то украли девушку. Все как в девятнадцатом веке. Раньше, говорят, про такое только в книжках читали. И будто в Чечне появились русские рабы. Как «Жилин и Костылин», только хуже.

Но и казаки тоже. Какое-то казацкое движение: атаманы, сборы, оружие. Маршировали недавно на площади перед Домом Советов. Митинговали, пьянствовали. Страшно было ходить в центре. Но собрались и поехали воевать в Абхазию.

А там, ты ведь в курсе, недавно взяли Гагру. Не знаю, правда ли, но вроде наши обманули грузин. Помогали абхазам. А там все вместе – и наши казаки, и горцы, какая-то конфедерация¹⁸⁴, которая выступает против России, а больше всего чеченцев, и командовал вроде чеченец¹⁸⁵ – они захватили Гагру и сотни грузин согнали на стадион. У Макса рассказывали на работе, что грузинам на этом стадионе отрезали головы и головами играли в футбол.

Разве в наше время такое зверство может быть? Мы с Максом не верим. А как ты думаешь, Игорек? И будто бы Верховный Совет России выступил против Грузии, а Ельцин молчал. Тут говорят, что замминистра обороны Колесников¹⁸⁶ лично планировал операцию. Хотя мы не понимаем: зачем?

А этот седьмой съезд. Такая злоба на лицах депутатов. Ты писал как-то: «революция». Разве революция такая? Все лица прежние, советские: Руцкой, Хасбулатов, Тулеев, Скоков. И Черномырдин, газпромовец. Да у нас и нет других.

А что сняли Гайдара, мы не знаем, хорошо это или плохо? С одной стороны, реформатор, а с другой – разве жить стало лучше? Мы окончательно запутались с Максом.

Вот выбрали (или назначили?) премьер-министром Черномырдина. Он, может, и неплохой человек, но какой он реформатор? Что он может понимать в экономике. И что же теперь? Коней, говорят, на переправе не меняют. Голова кругом идет. Было нехорошо при Советской власти. Но что же теперь – капитализм, как при царе? Но при царе тоже было плохо, отчего и произошли революция?

Пожалуйста, Игорек, ответь на наши вопросы».

Сестра Лена обычно писала длинные письма, Игорь – короткие. Писать подробно ему некогда было, особенно в девяносто втором – девяносто третьем. Да и – что писать? Они все равно думали по-своему. К тому же события накатывались лавиной, и он моментами тоже переставал понимать. В том, что происходило, было все меньше логики. Почему, например, Верховный совет против Грузии. И почему, если Дудаев против России, русские объединяются с чеченцами против грузин? А Конфедерация горских народов Кавказа¹⁸⁷? Хочешь отделить Кавказ от России, создать федеративное государство со столицей то ли в Сухуми, то ли в Грозном. И – казаки братаются с сепаратистами против грузин! Элементарная месть Шеварднадзе? «Ты разваливал Советский Союз, так пусть же теперь рушится твоя Грузия!»

Но разве это Шеварднадзе разваливал Советский Союз? Разве он разворовывал деньги, предназначенные для обустройства военных? Разваливали Ельцин и депутаты. Хотя, с другой стороны, как сказал Ленин: «стена, да гнилая, ткни и развалится». Советский Союз оказался

¹⁸³ Антиалкогольную кампанию .

¹⁸⁴

¹⁸⁵

¹⁸⁶

¹⁸⁷

гнилым. Действительно, колосс на глиняных ногах. Но при чем тут Шеварднадзе? Почему русские генералы ненавидят его? Горбачева они тоже не любят, но Шеварднадзе – особенно. Или – обыкновенные взятки? Писали, что генералы Кондратьев и Сунгуткин поддерживали военной силой абхазов. А что же Ельцин? Российское руководство явно лицемерило: призывало к переговорам, а в это время подчиненные им военные поддерживали абхазов. Такая вот странная геополитика.

Что же произошло на самом деле в Гагре? В «Известиях» писали неясно, читать нужно было между строк, об отрубленных головах – ни слова. Не знали, решили утаить? Или – слухи? Игорь не мог знать.

Он видел общую картину – за Ардзинбой¹⁸⁸ стояли имперцы и коммуно-патриоты, оттого его и поддерживал Верховный Совет, впрочем, и в Кремле существовала группа поддержки, – но детали Игорь знал плохо. Ясно было только, что российская политика направлена против Грузии. Но какой в этом смысл?

Игорь не стал ничего писать сестре. Он сам знал очень мало. Не писать же, что призрак, не успев умереть, ожил. Пока он хил и слаб, но уже становится опасен. И что призрак этот зовется «державность». Он, призрак этот, и в Верховный Совет залетел.

Нельзя было писать это сестре. Она могла обидеться. А если не она, так ее муж: Макс всегда недолюбливал Игоря. Игорь же в ответ считал его солдафоном.

И про седьмой съезд нардепов он написал очень скупое. Отставка Гайдара Игоря огорчила, но не слишком сильно: Гайдар не казался Игорю незаменимым. Это не был природный рыночник, напротив, неопит, а неопиты и дилетанты всегда бывают очень опасны. Впрочем, Игорь не чувствовал себя сильным в экономике. Однако все время испытывал ощущение, будто правительство постоянно что-то не доделывает: не разъясняет свою политику людям, не контролирует исполнение собственных решений, не заботится о пенсиях и зарплатах, что там, наверху, их интересует только макроэкономика, а что происходит «на земле» их интересует очень мало. Кто-то даже говорил про «эффект Черемушкинского рынка», на котором все было в советское время, только цены кусались. И – бесплатная приватизация в условиях «денежного навеса» не казалась Игорю ни справедливой, ни умной.

Черномырдин, однако, нравился Игорю еще меньше. Гайдар хоть интеллигент и отличник, а этот простой мужик, с хитрецей, с косноязычной, сбивчивой речью – да откуда этому бывшему советскому начальнику знать, что такое рыночная экономика? Но и другие претенденты – бывший секретарь Совбеза Скоков, Каданников или окулист Федоров, про которого знающие люди говорили, что он со своим хирургическим конвейером «большой мастер пускать пыль в глаза» – не нравились Игорю. Из всех, пожалуй, нравился один Явлинский, но его никто не предлагал.

Хорошо было только то, что после долгих споров и взаимных обвинений приняли соглашение «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации»¹⁸⁹ – это было лучше, чем Гражданская война. Появлялась хоть какая-то надежда, что все рассосется.

Игорь так и написал Лене, что ничего хорошего не приходится ждать, не было бы еще хуже. Старое, прошлое, совковое, оказалось слишком живучим, а к новому мы оказались трагически не готовы. Что «homo soveticus» – это недолго. Что «не революция», а «недореволюция». Номенклатура устояла.

¹⁸⁸

¹⁸⁹ Этот документ предусматривал ряд мер, направленных на избежание дальнейшей конфронтации между исполнительной и законодательной властью. Он предусматривал проведение 11 апреля 1993 года референдума по конституции, проект которой должен быть утвержден парламентом и согласован с президентом. Также согласно соглашению было решено не ограничивать указное право до референдума, а Верховный Совет отказывался от принятия поправок, изменяющих соотношение сил властей и обязался не вводить в действие поправки, ранее принятые VII съездом и не избирать до референдума новых судей Конституционного суда. Было также согласовано использовать мягкое рейтинговое голосование при выборах премьер-министра и отказаться от выборов глав областных администраций до разработки соответствующих законов.

Но – написать легко, значительно труднее понять. Особенно метаморфозы, которые происходили с депутатами... Ведь это были те же самые депутаты, которые в 1990-м году избрали Ельцина Председателем Верховного Совета.

Осенью 1992 года много шума наделал ФНС¹⁹⁰ – объединение красных и коричневых, левых и правых – на сцене Парламентского Центра, где проходил учредительный конгресс, скрещены были Государственный флаг СССР и черно-золото-белый флаг российских монархистов и прозвучало заявление о прекращении гражданской войны между «белыми» и «красными». В сущности, если вдуматься, ничего удивительного тут не было: сталинисты, сохранив левую фразеологию, давно стали правыми имперцами, на имперстве и великодержавии сейчас они и сошлись. Удивительно Игорю было другое: Илья Константинов и Михаил Астафьев, недавние демократы, которых он хорошо знал и с которыми, в некотором роде, даже до времени состоял в дружбе, стали вождями этого самого фронта.

Вот это и сбивало Игоря с толка. Хотя, как там у Ленина: «Поскребите любого большевика и вы получите великодержавного шовиниста¹⁹¹. А тут поскребите демократа?»

Игорь скреб, но простой отгадки не находилось. Илья Константинов: уволен из преподавателей за антисоветское содержание лекций, потом – грузчик, полотер, кочегар, оператор газовой котельной – профессии самые диссидентские на тот момент, один из организаторов дискуссионного клуба «Альтернатива», входил в редколлегия демократической газеты «Набат», избран депутатом от Ленинградского Народного Фронта, вместе с Салье и Пономаревым боролся за сопредседательство в Демпартии России, вместе с ними создавал Св.ДПР. На «патриотические» взгляды могла указывать лишь борода. Хотя, в девяностом году и нельзя было отличить демократа от националиста, особенно умеренного – все вместе боролись против КПСС.

Уж не честолюбие ли занесло Константинова в ФНС, ведь еще недавно был он твердым антикоммунистом, даже выступал против Травкина¹⁹², будто тот только и ждет, когда бывшие коммунисты стройными рядами перейдут к нему из КПСС. Тогда у Игоря и испортились с ним отношения – не из-за коммунистов, коммунистов он тоже не любил. Но Игорь не сомневался, что Константиновым движут амбиции, тому нужен был лишь предлог. Игорь помнил, как менялось, пока он говорил, лицо Ильи Константинова. Сначала благожелательное, потом – недоумевающее, потом – обиженное и, наконец, ненавидящее. С тех пор они не встречались. Константинов в Демпартии больше не появлялся, а через некоторое время ушел и Игорь.

С Михаилом Астафьевым Игорь был знаком ближе. Тот, как и Игорь, был москвич. В свое время они вместе ушли из партии конституционных демократов. Игорь не догадывался тогда, что вскоре Астафьев создает другую: КДП-ПНС¹⁹³. Теперь это казалось смешно: из-за дрызг и интриг кадетских партий вскоре стало целых три. И ни одной настоящей, все от нескольких человек до двух-трех десятков.

На партийных сблищах – да какие там партийные, так, самодеятельные посиделки, – Астафьев обычно молчал, слушал, только задавал вопросы. Правда, вопросы, нужно признаться, всегда были дельные. Он, Астафьев, умел себя поставить, всегда был на особом положении: координатор от Московского Народного Фронта. От Фронта он и стал депутатом Госдумы. Позднее уже Дима Глинский звонил, сообщил Игорю, будто они переметнулись – Астафьев и Константинов – высказывали имперские взгляды, великодержавные, даже якобы антисемитские. Но Дима был мальчик, восторженный и наивный, сын поэтессы Юнны Мориц – Игорь

190

¹⁹¹ Цитируется по памяти. Одно из любимых «словечек» Ленина, в свою очередь переиначившего знаменитую фразу Н.М.Карамзина: «Поскребите любого русского и получите татарина».

192

193

к тому времени далеко ушел от демтусовки, Астафьев с Константиновым интересовали его мало. Да и Дима, казалось, сильно преувеличивает.

Вообще многих сносило в имперство. Империя – это русская идея фикс. Пока существовал Союз, это незаметно было, а как распался – травматический шок. Особенно в России. Проснулось, что было глубоко запрятано...

Революции – время новых идей. Или хорошо забытых старых. Иногда до смешного. В девяностом году Астафьев, кажется, первым водрузил над депутатским креслом в Госдуме бело-сине-красный российский флаг. Не сам, конечно, додумался – подхватил у каких-то неформалов. За что и был изгнан с заседания председательствующим Ельциным. До того, наверное, еще не *д о в е л и*. Лишь потом... Новая Россия мучительно искала собственную символику.

Как-то Игорь встретился с Астафьевым в ДЭЗе на Крымском валу – у того был депутатский прием и Игорь зашел поговорить. В тот день – Игорь это точно запомнил – Михаил Астафьев стал рассуждать о главенстве российских законов над союзными и о том, что президент России должен быть выше президента Союза. Игорь слышал такое впервые; это показалось ему странно, но он растерялся и не нашелся, что ответить. Лишь выйдя от Астафьева, он пришел в себя, – «Так не может быть, – подумал он. – Это – распад. Они хотят выбить кресло из-под Горбачева, но рухнет не только Горбачев. Рухнет Советский Союз».

Но депутаты именно этого хотели, верховенства России. И Астафьев один из первых. Депутаты не давали клятву Гиппократу: «не навреди» и оттого приняли «Декларацию о суверенитете»¹⁹⁴.

– «Да, революции – это какое-то особенное воспаление мозга; особенная, политическая шизофрения, когда люди перестают понимать, что творят. Не Гамсахурдиа и Ландеберже, а Ельцин и депутаты. Вместе».

Они вместе разрушали Союз. Ельцин и депутаты. Ельцин, Бурбулис и Гайдар, кто там еще, готовили Беловежские соглашения – да, но ведь депутаты проголосовали за них почти единогласно. Растерялись – да, а потом дружно возненавидели Ельцина. То был, скорее всего, феномен психологической защиты: подельники старались свалить свою долю вины на других. Они даже попытались отыграть назад, но у истории нет заднего хода.

Игорь не понимал ни депутатов, ни Ельцина. Гамсахурдиа, Ландеберже, Кравчук – эти хотели свободы для себя, хотели бежать из Союза, который ненавидели, хотели быть президентами, их понять можно. Но Ельцин? Жажда власти была в нем так сильна, что о последствиях он не думал? Или, наоборот, хотел? Вот и весь «демократ» Ельцин.

За несколько месяцев до этого разговора Игоря пригласили выступить на митинге, организованном РНФ¹⁹⁵ против избрания Горбачева президентом СССР¹⁹⁶. Поднявшись на трибуну, внизу Игорь увидел толпу – их не очень было много, человек восемьдесят, может быть тысяча-полторы. Он тоже был против. – «Пусть сначала примут новую конституцию. Пусть разделят полномочия между республиками и Центром и только потом выборы. И не Верховный Совет пусть выбирает, а народ. Хватит за нашей спиной», – аргументы были логичные и правильные, но он знал: в нем говорило раздражение против Горбачева. Тот в последнее время стремительно терял популярность. Горбачев явно не знал куда вести страну. Это был не прежний, уверенный в себе лидер перестройки, но потерявшийся аппаратчик, господин «ни туда, ни сюда», вал событий перерастал его, Горбачев мельчал на глазах, его многословие начинало раздражать, неприятно было то, как этот человек цепляется за президентское кресло.

И толпа. Толпа настроена была против Горбачева. За Ельцина. Толпа одобряла его.

194

195

196

С возвышения Игорь плохо видел толпу. Не мог разглядеть лица. Но что-то маргинальное, злобное, казалось ему, будто они сошли с картин Босха или Брейгеля. Темные, злые лица.

В поддержку Горбачева выступил только Жириновский. Сын юриста не был еще записным оратором, как позже, толпу он не чувствовал, а вся его партия состояла из двух человек – из него самого и генсека Богачева, молчаливого человека с трубкой; такого молчаливого, что многие принимали его за немого; Жириновский с Богачевым обычно держали огромное полотнище: «ЛДПР», а когда Жириновский шел выступать, ручку полотнища приходилось передавать кому-нибудь случайному – в тот раз Жириновского освистали.

Главные лавры собрал тогда Валерий Фадеев, депутат Мосгордумы.

- «Мы – за Ельцина, - кричал он в микрофон. – Мы – против Горбачева. Если Горбачева изберут президентом, мы выберем Ельцина. Россия против Союза! У Горбачева ничего не получится. Ударим Ельциным по Горбачеву!» - Толпа отвечала одобрительным ревом.

- «Разве можно так? Как дети! – думал Игорь, стоя рядом. – Разве можно? Он ведь хочет все разрушить. Зачем? Ведь это безумие какое-то». – Но толпа неистовствовала.

Безумие это продолжалось. Они, депутаты, больше всех выигрывали от будущей приватизации, от реформ. Еще бы, большинство из них составляли красные директора, бенефицианты реформ, те, кто станет хозяевами фабрик и заводов. Но они сопротивлялись, хотели выгадать больше. Хотя, нужно признать, эта солидная публика вела себя потише; бесновались больше молодые, вроде Астафьева с Константиновым, или Челнокова. Это были выскочки, люди из значительного прошлого, кому нечего было терять. Близкий вкус власти пьянил их, как запах крови пьянит молодых тигров.

Этого Игорь не мог понять. Противостояние было не из-за идей, не из-за модели развития – европейской или американской, - как утверждал Хасбулатов; противостояние происходило из-за власти. Обе стороны ненавидели друг друга и не хотели отступать. Тот же Хасбулатов – он почувствовал свою силу, вышел из тени президента, но у него не было своей фракции. Да и программы тоже, он вынужден был опираться на противников реформ. Игорь не знал, что Хасбулатов с Ельциным поссорились в бане, спяну...

Тот же Руцкой, некомпетентный, но амбициозный генерал, солдафон. Это он угрожал разбомбить Тбилиси¹⁹⁷. Руцкой был непонятной, непростительной, глупой ошибкой Ельцина, как Шалаев при Горбачеве. Но тот до времени был тихий, смирный алкоголик, а этот крикун и смутьян.

В противостоянии парламента и президента, реформаторов и прежних, советских, вчерашних мэнэссов-либералов и выскочек без профессии – то была пена, взбитая революцией, - очень много было личного, человеческого. Новообразованная, неустоявшаяся элита разделилась на своих и чужих. А Россия? А что Россия? Паны дерутся, у холопов губы трещат...

... Не писать же об этом сестре. Что это буря в стакане, спор тупоконечников с остроко-
нечниками. Она не поймет. Не поверит, что люди могут быть так мелки. Что на самом вер-
ху, как в коммунальной кухне.

Но и сам Игорь. Он тоже все смутно понимал. Разве что в редкие мгновения мрачных откровений...

Глава 14

Чем больше в кредитную контору несли денег, тем сильнее Игорь испытывал беспокойство. Он не знал, что будет после Нового года, когда начнутся возвраты. Сомневался в надеж-

¹⁹⁷ В июне 1992 года, будучи вице-президентом РФ, А.В.Руцкой в отсутствие Б.Н.Ельцина, находившегося с визитом в США, отдал приказ о нанесении авиационных ударов по грузинской группировке, пытавшейся занять Цхинвали и позвонил Э.Шеварднадзе, угрожая бомбардировками Тбилиси.

ности заемщиков, страховой компании. Хватит ли у нее денег? Иногда его одолевали сомнения, но он тут же гнал их прочь – он должен был работать, не мог остановиться. Некогда было раздумывать, невозможно – комплексовать. Он всегда должен быть в форме. Он взвалил на себя неподъемную ношу и теперь должен был ее нести. Как добровольный Сизиф.

Планы были гигантские: открыть банк, создать торговую компанию, компанию по недвижимости, иногда он собирался купить акции «Акрихина» - Левченко как-то завел разговор, он собирался стать главным акционером, - заняться нефтью с Федоровым или Бейлиным, но – ни мудрых советников, ни настоящих помощников, он был один, остановиться и подумать было некогда. Приватизация уже началась, в ноябре и декабре состоялись первые чековые аукционы, но Игорь катастрофически не успевал.

Игорю позарез требовался помощник. Настоящий, толковый, верный. И даже не один. Нужна была команда. Но где ее взять? Профессора, и те оказались липовые. И Люди вокруг. Все были мелкие, недалекие, не его масштаба. Им только схитрить и урвать. Умных вокруг встречались единицы. Но эти были самодостаточны и скептичны. Ухмылялись, что, мол, «Рога и копыта». Тот же Могилевич, компьютерщик, ввозивший детали из Сингапура и Гонконга через Венгрию сквозь дыры в таможене – у Игоря он обналачивал деньги. Цинично улыбаясь, он сравнивал: «Вы как Гайдар. Посмотрите вокруг. Везде одно болото. С кем Гайдар собирался делать реформы?

Но и еще – с умным помощником нужно было делиться. Но станет ли он тащить такой же воз?

Пожалуй, лучшим из Игоревых сотрудников был Виктор. Но он же, Виктор, обозначил свой предел: в месяц он мог освоить не больше десяти миллионов. Виктор, как и Игорь, никому не доверял, да он и не нуждался в помощниках, он сам развозил товары на своем «ушастом»¹⁹⁸. Виктор крепко стоял на ногах: закупал на складе у жены компоты, соки, закрутки из Венгрии и Болгарии, ликер «Амаретто», спирт «Роял», чай или кофе и сдавал на реализацию приятелям-ларечникам. Все это были вчерашние инженеры, иногда – работяги, бывшие соседи по двору или знакомые по заводу, с иными из них Виктор когда-то гонял на мотоциклах или дрался из-за девочек на танцах, к большой торговле Виктор, как и все эти люди, отношения не имел. Виктор был вполне автономен. Игорь давал ему деньги, он приносил проценты. Виктора это устраивало. Он жил сегодняшним днем и вполне был доволен своим доходом. На большее он, похоже, не претендовал.

Нина Ивановна? Людмила? Алексей? Из них Нина была самая толковая. Но – не близкая. С Людмилой было проще. Нина была приветливая, улыбчивая, но – за стеной, близко к себе не подпускала, самостоятельная и скептическая. Бог весть, что она думала о нем. К тому же Игорь помнил, что она привела на фирму недоумков-рэкетиров, с тех пор он ее невольно опасался. Ей нельзя было стопроцентно доверять. Все же Игорь попробовал с ней поговорить, тем более – привлекательно. Игорь начал издали и тотчас выяснил, что тетя у нее работает в Торговой палате и что эта организация занимается внешней торговлей.

- А нам нельзя через них, допустим, закупить кофе? Мы могли бы как следует развернуться. «Стать одним из главных импортеров, вместо того, чтобы выдавать кредиты», - подумал Игорь про себя, но делиться с Ниной не стал. Наполеоновские планы следовало до времени скрывать.

- Почему же, - отвечала Нина, - я дам вам тетушкин телефон. Попробуйте. Я уже рассказывала тете про вас.

- Вы могли бы организовать сеть, - сказал Игорь - пока рано об этом думать, - скромно уклонилась Нина.

¹⁹⁸ Ушастый – прозвище «Запорожца».

Через пару дней Игорь встретился с Клавдией Петровной, которая вовсе не была похожа на Нину. Это была старушка лет под семьдесят в старой вязаной кофте и в сильно истоптанных туфлях. Клавдия Петровна была не одна, вокруг нее расселись человек пять сотрудниц, которые смотрели на Игоря как на диковинку. Похоже, они никогда еще не видели бизнесменов, и были немного моложе Клавдии Петровны.

Сама Торговая палата располагалась недалеко от станции метро Чеховская во внушительном здании с классическими колоннами, зато внутри – типичный совок: обшарпанные коридоры, старые шкафы, пожелтевшие от времени обои, а столы и стулья точно такие же, как те, что несколько лет назад приобрел Гутман.

- Это и есть Торгово-промышленная палата? – не смог скрыть удивление Игорь.

- Мы одна из подчиненных организаций, скромно сказала Клавдия Петровна.

- Раньше были отдельным управлением, - пояснила одна из сотрудниц.

- Но занимаетесь внешней торговлей? – с прежним сомнением спросил Игорь.

- Конечно. У нас замечательные специалисты. Очень опытные, - обиделась тетушка. – Вы ведь интересуетесь кофе?

- Главное, у нас государственное учреждение, - заметила прежняя сотрудница. – Не то, что эти частники.

- Да, меня интересует кофе, - не отвлекаясь на сторону, подтвердил Игорь. – Хотя, не обязательно. Главное, чтобы ликвидный товар. И чтобы прибыль.

- Ох уж нынешние коммерсанты, - засмеялась прежняя сотрудница, - хотят всего и сразу. Терпения никакого. А мы тут сидим лет по тридцать-сорок. На одном товаре.

- Кофе – это очень правильно, - сказала другая. – Мы как раз по кофе. Бывало годами ждали, пока там диктаторы. Горилла...

- Только нужно будет заключить договор, - строго кивнула Клавдия Петровна.

- На поставку? – спросил Игорь.

- Нет. Сначала нужно подготовить проект, чтобы вы были в курсе.

- Хорошо, - тотчас согласился Игорь. – Только мне бы адреса фирм. И цены, внутренние и внешние. С учетом вашего опыта.

- Конечно, - закивали они все сразу.

Недели через две проспект был готов.

- Только нужно сначала заплатить, - сказала по телефону сотрудница. – Все очень подробно. Наш специалист, если потребуется, окажет вам помощь.

- А сколько заплатить?

- Миллион рублей.

- Миллион? – удивился Игорь. – У вас что же, целая диссертация?

Не платить было неудобно. Игорь велел перевести деньги и сам приехал за проспектом. Клавдии Петровны в тот день не было, так что другая сотрудница такой же божий одуванчик, отдала Игорю две страницы машинописного текста. Из «проспекта» Игорь узнал, что в Бразилии выращивают два основных вида кофе: арабика и робуста, которые, в свою очередь, делятся на несколько сортов: Сантос, Виктория, Рио-де-Жанейро и Конилон, и что гватемальский кофе лучше бразильского. А также, что кофе выращивают в Африке: в Замбии и в Зимбабве, а самый лучший кофе – Арабиен Мокко – производится в Йемене, в Кении и в Колумбии. И все. Никаких адресов и цен. – «А это, если захотите, мы вам обеспечим. Это наши наработки».

- А по какой цене?

- Естественно, по рыночной. Какая в тот момент будет на рынке. Плюс наши услуги.

Игорь был взбешен. Миллион он отдал за то, что мог прочесть в любой энциклопедии. Он не знал, состояла ли в заговоре Нина, но, вполне вероятно, состояла, так пусть сидит себе в бухгалтерии. Тем более, Наталья Ивановна была его довольна.

Но и сама Наталья Ивановна...

Нет, у Игоря не было претензий к бухгалтерии. Да он и не смог бы их сформулировать – он ничего не понимал в бухгалтерии, главное, налогов выходило немного, хотя он точно не знал сколько, но – она все время паниковала, что все до первой проверки, а как придут... Она не хочет сидеть...

- Но разве у вас оформлено неправильно? Разве все не прикрыто бумагами? – спрашивал Игорь.

- Все прикрыто. Все правильно. Все так делают. Никто не платит налоги. Рыба гниет с головы. Но... мне страшно... раньше так не было, - она вся была в своем неврозе. Чуть ли не каждый день жаловалась, что их четверо в однокомнатной квартире. Мужа, бывшего военного, она ненавидела: кобель. Не стесняется, стонет, терзает ее всю ночь, а ей стыдно, утром глаз поднять не может, мать парализованная не спит ночью, все слышит, мучается, но бог не берет, видно грехи какие-то; и ведь мужу положена квартира, а он, взрослый мужик, не знает, кому дать и сколько. И дочка тоже – гуляет. Вся в него, сучка похотливая. Недавно сделала аборт. А как еще? Жить негде. А в бухгалтерии, да мало ли кто заложит. Та же Нина Ивановна. И ведь все – филькина грамота. Хоть наложить на себя руки.

Игорь пробовал ее уговаривать.

- Нам бы продержаться пару лет и я сделаю вам квартиру. Плюньте вы на это государство. Оно всегда против людей. А тут, вы видите, как нам несут деньги. – Но она не верила.

- Нет, что-нибудь обязательно случится. – Бог весть, из-за невроза, или страха, но в марте она ушла, легла в Клинику неврозов и бухгалтером стал Максим. Игорь думал: хороший бухгалтер. Все-таки работал в «Коммерсанте» и на бирже. Но, в сущности, он ничего не знал про Максима. Но это все – позже...

Помощника нужно было искать в другом месте. Игорь дал объявление в «Из рук в руки» - вот тогда и появился Михаил. Игорь выбрал его из целой когорты претендентов: в галстук, интеллигентный, закончил курсы по ценным бумагам, по выходным ходил на семинар по финансам. К тому же бывший научный сотрудник, нейрофизиолог.

- Ну как там сейчас в науке? Я ведь тоже из научных сотрудников, - разоткровенничался Игорь. Все-таки свой человек. – Только я раньше. Понял, что бесперспективно. Я по природе не экспериментатор. Руки не те.

- Я в третьем поколении в науке, - сознался Михаил, - дед был профессор и отец тоже. У Анохина работал. А сейчас – караул. Никому ничего не нужно. Ни зарплаты, ни приборов. Работа на голом энтузиазме. Люди потянулись на выход. Мой завлаб уехал в Америку, в Колумбийский университет.

- А ты?

- А мне интересно с финансами. Я так думаю, что деньги нужно делать в России. Самое время. Тут, если не убьют, есть шанс. Только сначала хочу подучиться.

Игорь Михаилу симпатизировал. Приятный человек. И, главное, свой. Но вдруг обнаружил, что не знает, зачем искал помощника. Михаил предназначен был не для работы с недвижимостью – там был Лохов – не для торговли и не для операций с метандростенолоном.

Одно время Игорь собирался вместе с Бейлиным собирать приватизационные чеки и внедряться в нефтянку, но Бардельников оказался против и вариант заглох. Игорь вообще не очень понимал, зачем ему акции приватизированных предприятий, предприятия сплошь и рядом убыточные, разворованные, и директора плюют на акционеров, тем более на миноритарных – он не сможет их контролировать или управлять производством, он в производстве ничего не понимает. И биржа его не привлекала, он по натуре не игрок. И знаний не было – ни у него, ни у Михаила. Выходило, оставалась обналичка, кредитование. Игорь не мог доверять никому. Но это раньше, он думал, что передает помощнику обналичку, а сам займется недвижимостью или внешней торговлей. Но сейчас он понял, что – нет. Не следует менять золотого гуся на пару неясных журавлей в небе.

Словом, вышло, что Михаилу пришлось работать обыкновенным менеджером, следить за очередью, как Алексей, или писать договоры, когда людей было много. Научиться ничему Михаил не мог. И скоро ему стало скучно.

Через месяц примерно Михаил ушел в «МММ». – Ты хоть знаешь, что это за фирма? Конечно, они на слуху¹⁹⁹, но, говорят, что-то не очень серьезное, – «МММ» тогда только начинал торговать своими акциями-билетами.

- Догадываюсь, – отвечал Михаил, – но хоть чему-нибудь научусь. И зарплата там повыше.

- Зарплату я могу прибавить. Подумай сам, чем бы ты хотел заниматься?

- Да нет, дело не в зарплате.

Игорь только потом сообразил, что Михаил, пожалуй, мог бы организовать филиал.

Года через два с лишним, в самый разгар событий вокруг «МММ», когда толпы обманутых вкладчиков штурмовали офис на Варшавке, по стране катились самоубийства²⁰⁰, а Мавроди угрожал провести референдум о доверии власти. Игорь позвонил Михаилу – у него тоже застряло несколько акций, но оказалось, что тот накануне уехал в США.

- Там такой сумасшедший дом, мешки с деньгами лежали, не знали куда девать. Когда пришла налоговая полиция (может милиция), все рухнуло, а потом Мавроди начал котировать акции по новой – Миша не выдержал и перестал ходить на работу. А тут как раз его бывший руководитель позвал. У Миши кандидатская диссертация была готова наполовину, – Мишина жена, похоже, повторяла это много раз. В голосе чувствовалась усталость.

«МММ», «Чара» - на фоне этих громких скандалов «Кредитная контора «Полтавский» приказала долго жить незаметно. Между тем пример «МММ» оказался заразительным. В последующие годы в стране возникло чуть ли не тысяча семьсот фирм-пирамид. А он, Игорь, был среди самых первых, еще до «МММ». Хотя он никогда не строил пирамиду, и в уме не держал. По своей организации «Кредитная контора «Полтавский» не была пирамидой. Но результат оказался тот же.

- В те годы, – думал он потом, – что ни строили, всегда получались пирамиды. Все рушилось. Иначе и быть не могло. Людей, не умеющих плавать, бросили в воду и сказали: «плывите». – Но я сам бросился, – возражал он себе. – И ведь раньше плыл, в кооперативе. – Там было совсем другое.

Когда Игорь начинал думать, он нередко вспоминал курсы под Читой, что-то вроде русского Давоса для предпринимателей средней руки. Все там было здорово: обкомовский пансионат, на удивление скромный, совсем не похожий на домины нынешних нуворишей, озеро, тайга, которую Игорь никогда раньше не видел – тайга была мелкая, смешанная, не настоящая – открытый класс для лекций над озером, множество сакральных ленточек на деревьях; устроители постарались: развлечения были на любой вкус – верховые поездки, йога, тхэквондо, баня, шахматы, экскурсии – неподалеку когда-то жили в ссылке декабристы, и сама Чита, полудеревянная, старая, словно застывшая в девятнадцатом веке, вся в угольных дымах; местное начальство из кожи лезло – привози китайский дефицит, время-то было голодное; у Игоря случился даже мимолетный роман. Он не знал, откуда она там появилась, кто была, только имя, вовсе не бурятское имя Ирина – шафрановая кожа и узкие, темные, монгольские глаза; Восток, благоухающий, жаркий, экзотический, неповторимы, загадочный – он унес ее образ, ее вкус, словно виртуальный цветок.

Со временем все истаяло: лекции, дискуссии – о, как все еще были наивны, спорили о частной собственности и об освобождении цен – Игорь мало что запомнил, разве что собственные свои речи. Он ведь тоже цены хотел отпускать постепенно. Только преподавателя из

199

²⁰⁰ По стране катились самоубийства – многие вкладчики «МММ», вложившие в пирамиду все свое состояние, оказались полностью или частично разорены, примерно 50 человек закончили жизнь самоубийствами.

Академии Внешней торговли. Тот казался сверхлибералом. «Какой ни строят в России дом, все получается изба. Социализм, капитализм, все выйдет у нас обязательно криво. Это наша судьба: нам Сталин снится, мы не уважаем законы и не любим людей. Мы – не европейцы, мы – азиаты, азиатский способ производства – это наше», - к тысяча девятьсот восемьдесят девятому году самобичевание вошло в моду.

Там же под Читой на курсах кооператива «Перспектива» Игорь впервые услышал о значимости неформалов. – «Если КПСС не перестроится, - говорила лекторша из Москвы, - нынешние неформалы лет через семь смогут взять власть».

Игорь часто вспоминал и смеялся. Когда по окончании курсов самолет приземлился в Домодедово на площади перед аэровокзалом по громкоговорителю передавали сообщение о начале массовой забастовки в Кузбассе, которая стала началом конца – и Советской власти, и Советского Союза. Игорь это сразу понял и на сей раз не ошибся.

Создать отдел недвижимости Игорь поручил Лохову. Тот, конечно, ничего не организовал – бывший ученый оказался никудышным организатором, да и вообще человеком мелким и трусливым, но сделку принес через несколько дней. В Бирюлеве, сообщил он, две посредницы очень выгодно продают квартиру, в которой живут алкаши.

- А те куда? – спросил Игорь.

- А те – в деревню. Да тебе-то какая разница?

- Мне никакой. Главное, чтобы все чисто.

- Чисто, - заверил Лохов. – Сами хотят.

На следующий день они встретились у знакомого нотариуса на Фрунзенской. Контора была та самая, с узким коридором и единственной машинисткой, так что просидели полдня. Договор отдали нотариусу только перед перерывом, а когда после перерыва Игорь с Лоховым к ней зашли, Вера Андреевна ошарашила:

- Вы давно знакомы с этими посредниками?

- Нет. Только несколько дней, - отвечал Лохов.

- Доверенность поддельная. Мне сразу показались сомнительными печать и подпись. Сидорова Елена Степановна – моя знакомая. Мы с ней вместе сдавали экзамен на нотариуса. Я весь перерыв дозванивалась, чтобы убедиться. В реестре этой доверенности нет.

- Значит? – разочарованно спросил Игорь.

- Значит – мошенница, - жестко сказала Вера Андреевна. – Сейчас на каждом углу сидят умельцы и делают поддельные печати. Может сдать их в милицию?

- Не стоит, только милицию кормить, - возразил Игорь. – Главное, для нас наука.

- Ну, как хотите, - тотчас согласилась Вера Андреевна. Ей, скорее всего, вовсе не улыбалась возиться с мошенницами. – Впредь будьте бдительнее.

- Да, спасибо. Вы нас спасли от крупных неприятностей. Мы ваши должники.

Вызвав посредниц во двор, Игорь с Лоховым вернули им документы и те тотчас ретировались.

- А ты добренький, - сказал Лохов, когда посредницы исчезли.

- Добренький? А ты хотел их посадить? Влип и спрятался за моей спиной. Это ты должен был поговорить с людьми.

- С алкашами, что ли? Так они были смертельно пьяные.

Увы, Лохов оказался бездарным учеником. Он не только через несколько месяцев влип снова, но и не нашел сам ни одной квартиры, хотя сделки приносил относительно регулярно. Все квартиры были от цыган, с которыми познакомил его Игорь. Потом цепочка от этих цыган потянулась к другим. Так что Лохов, по большому счету, был чем-то вроде пятого колеса. Но это только много позже сообразил Игорь, а тогда был цейтнот, некогда было остановиться и подумать, даже посчитать деньги. Много чего он делал не так. Те же квартиры постоянно росли в цене, и доллары тоже, казалось бы, купив, квартиры нужно было держать, но он их через

месяц-другой продавал, заработав десять-двадцать процентов, и покупал новые – глупо. Это только Лохову было выгодно, и тот молчал, математик. Игорь даже не запомнил эти квартиры, да он их почти никогда и не смотрел, они мелькали, как горячие пирожки.

Запомнил Игорь только одну квартиру, над ярмаркой в Коньково. Квартира была чистая, с паркетными полами вид из окна замечательный: квадраты зелени внизу, дорожки, люди, клумбы, машины, деревья, вид будто из самолета, когда тот идет на посадку, а по другую сторону облака. И птички внизу...

Продавал квартиру цыган Лёня. Он был ушлый и умный, не простой цыган – Игорь позже его узнал ближе – он и редкоземельными металлами торговал, и металлоломом – продавал за границу, и ездил на новеньком Саабе, недвижимостью Лёня занимался от случая к случаю, больше перепродавал от братьев. Лохов не знал даже, кто в этой квартире жил раньше, но и Лёня не знал – или врал? Соврать им не стоило ничего. Квартира была пуста, без признаков прошлой жизни, разве что, похоже, приличные люди. Какая-нибудь одинокая бабушка или старик? Впрочем, гадать, как на кофейной гуще.

Проверить, узнать, сходить в ЖЭК, поговорить с соседями не пришло Игорю в голову, он еще не понимал ничего. И Лохов, как пустое место. Но – необыкновенно теплая аура. Словом, Игорь купил.

Продавать эту квартиру не хотелось. Он собирался подарить квартиру _____, но все некогда было. Он и приходил-то всего один раз.

Странно, про Лену и Свету Игорь не вспомнил ни разу. Зато Хвоинский – Владимир Александрович умел втереться в доверие. Хотя нет, Игорь его не любил и не доверял – Игоря раздражали его занудство и жадность, - но Хвоинский умел быть исключительно полезным. Начать с того, что приводил на договора богатеньких клиентов. Про каждого историю можно писать, всех разводил, как малолеток. Не за просто так приводил, брал с Игоря свой процент. И с них тоже.

Как-то привел довольно крупного бизнесмена, Трутнева. Тот, совсем молодой еще человек, успел сколотить состояние – на чем, этого Игорь не мог угадать, в те годы больше делали деньги из воздуха – и собирался уезжать из страны. Он сразу предложил внести двадцать пять миллионов, только не на год, как все, а сразу на десять лет.

- «Значит, он верит, что через десять лет «Кредитная контора» будет существовать? Станный человек, - подумал Игорь. - Да мало ли что за десять лет может случиться». – Но бизнесмен объяснил, что в ближайшие десять лет он совершенно точно не вернется в Россию.

- Вы можете оставить доверенность, - предложил Игорь.

- Да, пожалуй, - кивнул Трутнев. Но, хотя бы, на пять.

На том и порешили. Бизнесмен вскоре ушел, а Владимир Александрович в ответ на недоуменный вопрос Игорь стал объяснять, что это его старый приятель, он еще в комсомоле развернулся («Вы слышали что-нибудь про центры НТТМ?²⁰¹») – и не просто развернулся, вез в бриллиантовый бизнес, на него наехал рэкет и он срочно ликвидирует дела и отбывает за границу. Все забрать с собой Трутнев не может, а потому по рекомендации Хвоинского некоторую часть решил оставить в конторе Игоря. Скорее всего, в будущем он оформит доверенность на него, Хвоинского. Хитроумный план этот, однако, не осуществился. Никогда больше необычный бизнесмен не появлялся и доверенность на Хвоинского не оформил, просто стремительно исчез. Лишь через несколько лет пи случайной встрече Владимир Александрович проговорился, что Трутнев бежал вовсе не от рэкета – при его-то связях и возможностях он бы легко отбил, выходы у него были самые высокие, - но от уголовного дела, что-то вроде Козленка²⁰². Там такие имена.

201

202

- Того самого Козленка, с «Голден АДА»?
- Того самого. Только Трутнев, пожалуй, покруче. И связи повыше.
- И где он сейчас?
- Уехал за границу и исчез. А может и не уехал. Там такое, что все могло быть.

В тот же день Владимир Александрович еще больше удивил Игоря, сообщив, что сам впредь положенные ему деньги получать не будет. Он работает на фирме, вот директор фирмы по фамилии Липатов и станет теперь приходить и расписываться сам. И он все будущие договоры тоже станет проводить через фирму.

- Но ведь фирма у нас нигде не значится в документах, - не понял Игорь.
- Игорь Григорьевич, так нужно, - настойчиво сказал Хвоинский.
- Ну, нужно, так нужно. Оформим.

Разгадка оказалась проста, да Владимир Александрович не очень-то и скрывал. Игорь давно просил и Владимир Александрович привел к нему Марченко – тот должен был исполнять функции администратора, писать бумаги и заодно ремонтировать компьютеры, которые постоянно зависали. Но Марченко продержался недолго. Недели через три он объявил, что уходит. Ему, мол, надоело прислуживать Хвоинскому. Тот мерзкий человек, и жадный донельзя.

- Ты же работаешь у меня, - удивился Игорь. – При чем тут Хвоинский?
- Он мне тоже платит. Правда, сущие копейки.
- За что?

- За то, что я приглядываю за вами и фирмой. Он всегда так. Знаете, мне это очень неприятно. Но я ему кое-что задолжал.

- Он что, связан с бандитами? – испугался Игорь.

- Вряд ли. Бандитов он боится. Скорее просто рассчитывал пожить. Он, знаете, из любого дерьма умеет делать деньги. Мерзейший тип.

- А Липатов? Владимир Александрович правда у него работает?

- Липатов? – рассмеялся Марченко. – Вы сами увидите. Я вам расскажу кое-что поинтереснее. Только по секрету. Не для передачи.

- Да?
- Вы, наверное, знаете, что Владимир Александрович работает с алкоголиками?
- Он со мной не делился.

- Так вот, у него целая есть. Это очень хорошие деньги. Но жадность фраера сгубила. Хотел продать квартиру у знакомого нотариуса по поддельной доверенности. Та вообще-то берет на лапу, он с ней был вась-вась, но стал крысятничать. Она, видно, сильно осерчала, вызвала милицию и его взяли. А он, вместо того, чтобы откупиться, стал торговаться и дело передали в прокурату. Теперь он под подпиской о невыезде. – Может потому и е хочет брать деньги сам? – Может и поэтому. Перебздел сильно. Теперь как миленький заплатит прокурору.

Директор фирмы Липатов, который через несколько дней после этого разговора пришел за деньгами, оказался придурковатого вида молодым человеком. На голове у него была вязанная шапочка с помпончиком – впрочем, почти такую же носил и сам Хвоинский, - глуповатый взгляд, неловкие, неуверенные движения. К тому же время от времени он шмыгал носом, и руки у Липатова все были в синяках и царапинах, с обломанными и грязными ногтями.

Игорь, хотя и ожидал чего-то такого, все же сильно удивился и прямо спросил у Липатова.

- Да какой я директор, - тотчас сознался тот, - Владимир Александрович меня привозит, а сам ждет этажом ниже. Или его жена.

Игорь продолжал расспрашивать и Липатов сознался, что является директором сразу нескольких фирм, а вся его работа состоит в том, что он подписывает документы, которые дает ему Владимир Александрович.

- Оффшоры тоже регистрирует Ваша фирма? – спросил Игорь. – Владимир Александрович недавно убеждал меня зарегистрировать оффшор.

- Да, - сознался Липатов.
- Регистрируете на самом деле, или здесь делаете документы?

- Не знаю, - промямлил Липатов.

Выяснилось, что все началось с того, что Липатов задолжал деньги каким-то ребятам. Вернее, если сказали, что им сильно задолжал. С год назад у Липатова от алкоголизма умерла мать, он нигде не мог найти работу. Да и не знал, где искать, ребята несколько месяцев его кормили и поили водкой, или каким-то Шмурдяком, а потом Владимир Александрович продал его квартиру и велел больше не пить, так что сейчас Липатов пьет редко, зато взял Липатова на работу, и сейчас Липатов живет в комнате. Владимир Александрович денег ему не дает, но зато велел ребятам давать ему иногда пить и сать. И что с в другой комнате те же самые ребята, которым задолжал Липатов. Держат какого-то алкоголика, вроде его зовут Миша – уже третьего при Липатове – ждут, когда он созреет, чтобы продать его квартиру. И еще, что бывший хозяин квартиры, в которой живет сейчас Липатов, свою квартиру переоформил на жену Владимира Александровича, после чего его увезли во Владимирскую область, в поселок возле Петушков и там их сейчас в какой-то развалюхе четыре человека. Бывший хозяин недавно прибегал обратно, но ребята его поймали и отвезли назад. И что ловить его ребятам помогала милиция.

Иллюзий относительно Хвоинского у Игоря больше не было, знал, что гаденыш - прозвище это прилипло к Хвоинскому в детстве, это от Марченко узнал, прямо Смердяков, в свое время живым товаром торговал, малолетками, сам не трогал, но друзьям и знакомым предлагал, потом что-то всплыло, ходили слухи, до Тяжельникова²⁰³ дошло – Хвоинский в то время подвизался в комсомольском ЦК, - но все с него, как с гуся вода. Игорь знал, но очень уж полезный человек был Владимир Александрович. При связях и знакомствах. Вот он-то Сергея и привел, заемщика на те самые двадцать пять тысяч долларов в марках, которые Игорь получил за квартиру на Вешняковской.

Сергей был приличного вида, коммерсант, но, главное, сразу на все согласился – к нотариусу привел тещу, квартиру тещину отдал в залог, да еще вексель, казалось бы двойная гарантия – кредит брал на товар, обещал обернуться за полтора-два месяца. В планах все выглядело замечательно, но это всегда так, вот только тещу не выписали из квартиры. Но это уже Игорь – не знал. Все еще думал, как в Европе.

Настроение сразу почти испортил звонок. Звонил партнер Сергея по бизнесу, судя по разговору, главный. – Какого хрена ты дал ему марки? Нам доллары были нужны. Доллары! – он кричал так, будто Игорь был ему что-то должен.

- Я мог не давать. Я никому ничего не обязан. Это меня просили. Сергей всем был доволен.

- Сергей, Сергей, дурак твой Сергей! Квартиру заложил! Какого хрена? И этот сукин сын Хвоинский. Бл...

Партнер этот был Игорю не знаком. И – теперь уже не стоило знакомиться. Но Игорь почувствовал: что-то не так. Сергей не вернет. Впрочем, переживать было рано, вексель оформлен был на два месяца.

Предчувствие, увы, Игоря не обмануло. Через два месяца денег у Сергея не было. Товар он так и не получил, какие-то люди его «кинули». На марки он, однако, не жаловался. Сергей приезжал, просил отсрочку, рассказывал, что обратился за помощью к местным «бандюкам» (он так и говорил: «к бандюкам») и те обещали помочь, с кем-то «забили стрелку»; он даже предложил в подарок гарнитур кожаной мебели: диван и два кресла.

- А этот, который звонил, он как себя ведет? Это с ним как-то связано? – спросил Игорь.

- А этот, - Сергей махнул рукой, - дурной человек.
- А теща как?
- А что теща? Если что, придется тещу забрать к себе.

Словом, выхода не было, вексель пришлось переписать, продлить кредит еще на два месяца.

Но и через два месяца Сергей кредит не вернул. Он просто исчез. К тому времени почти забылось, что привел его Хвоинский. И наверняка взял с Сергея свой процент.

Но это уже в самом конце марта, как раз накануне референдума²⁰⁴.

Глава 15

К тому времени, а шел уже декабрь, недолго до Нового года, хотя было слякотно и темно, фонари едва горели, Игорь много чего знал о Хвоинском – что гаденыш, скупердяй и при случае мать родную продаст – но все равно приходил и начинал говорить тихим своим, вкрадчивым голосом; умел быть полезным, незаменимым даже.

Вот и в этот раз, позвонил и сказал: есть замечательно выгодный вариант. И – сидит перед Игорем, как обычно, вещает:

- Есть у меня в мэрии знакомый чиновник. Очень близкий. Ну, вы понимаете, Игорь Григорьевич, близкий к самому. Реальный человек. Реально сидит в кабинете, а кабинет у него ровно этажом ниже, под Самим, реально управляет потоками. Реально.

В Москве, вы, наверное, знаете, приватизация будет не по Чубайсу. У Чубайса руки коротки. У Москвы свои интересы. Так вот он и есть один из тех, кто будет реально управлять приватизацией. Распределять среди своих. Очень большой человек. Опытный. Он еще при Сайкине²⁰⁵ сидел. И при Промысловом²⁰⁶ тоже. Это я, чтобы вы понимали.

Так вот, он хочет вложить к вам очень приличную сумму. Примерно сто тысяч зеленых из какого-то фонда. Знаете, фонды, это для умных людей, своих... только десять процентов откат сразу и половина процентов через год налом. Естественно, в зелени. – Владимир Александрович еще больше понизил голос, так что его почти не было слышно, хотя в кабинете, кроме их двоих, не было. – А можно не возвращать вовсе. Даже лучше. Пятьдесят процентов на пятьдесят сразу.

- А вам?

- Мне десять процентов, - еще тише сказал Владимир Александрович.

Игорь колебался. Хвоинскому просто, ему деньги в карман, а он, Игорь, все должен привести по бумагам, согласовать с Натальей Ивановной, а та и так, грозила уйти, да еще перевести в доллары. И ведь все выплывет при первой же проверке. Притом, опасно связываться со столь ответственным чиновником. Тот ведь – под честное слово, бумаг не подпишет.

Хвоинский, между тем, бубнил:

- У вас целый год впереди а ха год то ли шах сдохнет, то ли ишак... То ли сами сбежите, - подумал Игорь. – Сейчас самое время. никогда, может, такого не будет. Гайдара, думаете, просто так сняли? Сейчас не до вас. Наверху дерутся...

- Но ведь у вас самого с прокурором, - не выдержал Игорь.

- С прокурором я все решил, - обмахнулся Хвоинский.

- Дорого?

- Деньги лишними не бывают, - вздохнул Хвоинский. – Зато знаете, теперь свои люди.

- А если в конце эти десять процентов? – с надеждой спросил Игорь.

204

205

206

- Он на это не пойдет, - строго сказал Хвоинский. – Условия самые рыночные.

У меня есть ребята в «Кредо-банке». Я мог бы им отдать. Просто слегка заелись. Сами знаете: деньги КПСС. Это для них мизер. Зато, если все хорошо пройдет, они тоже переведут. Я вам много чем могу помочь.

Игорь решил: это его шанс. Этот неказистый, занудливый Хвоинский, он, конечно, негодяй, но, как говорится, «наш негодяй». Нужно брать, пока дают. Дареному коню в зубы не смотрят.

Игорю, конечно, было неприятно, что Владимир Александрович за просто так получит десять тысяч долларов и даже не распишется нигде, да и что было бы толку от его расписки? А все риски, как всегда, лягут на Игоря. Но, с другой стороны, он и не такие писал договоры. И – ничего. Что делать, если у него нет такого могущественного чиновника-казнокрада?

- Хорошо. А кто этот чиновник?

- Да мы завтра же и поедem к нему. Он хочет на вас посмотреть. У него, кстати, и жена – президент строительной компании. Но жена – подставное лицо. Он сам всем заправляет.

В тот день Игорь и Владимир Александрович Хвоинский долго обсуждали совместные планы. Хвоинский доказывал, что Лохов – лох («вот за то он Марченко деньги платил», - отметил про себя Игорь), вот пусть и дальше занимается своей мелочевкой. Он же, Владимир Александрович, организовал по-крупному расселение коммуналок – это сейчас очень выгодный бизнес – и приглашает Игоря присоединиться.

- У меня есть человек, который этим делом заправляет, - сообщил он.

- Вроде Липатова?

- Да вы что? – обиделся Хвоинский. – тут без головы дело не выгорит. Бывший комсомольский работник. Уболтает любого. Но он будет только заключать договора. Только, если что, вы ему денег не давайте, - попросил Владимир Александрович. Все дела через меня. Я знаю, как с ним общаться. Я его, можно сказать, из такого дерьма вытащил.

- Из какого? – нарочито наивно спросил Игорь.

- Ну, уголовное дело по дури, - Владимир Александрович явно не хотел распространяться. Он, то есть Владимир Александрович, продолжал Хвоинский, получает сведения о коммуналках через ДЭЗы или милицию, у него много чего схвачено, он, когда еще работал в ЦК, своих людей расставлял. Небольших, потому что сам невелик был, но нужных. На вырост. Связи заводил. Загодя готовил. Другие деньги вывозили, в швейцарские банки прятали, а он – готовился. Он за пару лет знал. С умными людьми советовался в свое время. Теперь он будет сам всем руководить. У него все есть наготове: нотариусы, милиция, крутые ребята, свои люди в регистрации.

- Да вы не смейтесь, - заметил он усмешку на лице Игоря. – Ну, попалась одна дурра. Ей же хуже.

Игорь может выкупать квартиры на себя, на фирму, или на кого захочет, продолжал Хвоинский, только прибыль будет пополам. Прибыль очень хорошая – до пятидесяти–ста процентов в валюте за несколько месяцев. Нужно ловить момент. Квартиры очень быстро дорожают. И доллары тоже. Из каждого доллара за год можно сделать три.

- В ближайшие годы это самое выгодное дело, - провозгласил Хвоинский. – В Москве двадцать процентов населения живет в коммуналках. Лучше разве что финансы.

- Наследие развитого социализма, - ехидно подсказал Игорь. – Вам, поди, не видно было из ЦК? Помните, к двухтысячному году «каждому советскому человеку по отдельной квартире». И где он, этот советский человек? Ни социализма, ни квартир.

- Сейчас главное делать деньги. Время такое. Никаких Павок Корчагиных, - Хвоинский проигнорировал замечание Игоря и стал объяснять, что Чичков – это тот самый чиновник, к которому они поедут завтра, - очень большой человек и за него нужно держаться, лакомые куски в Москве чужим не отдадут, только своим, вот «Мост-банк», например, или

«Группа Мост» - эти за копейки скупают недвижимость. Не за просто так, конечно, знают с кем делиться. – Каждый крупный чиновник, - продолжал Хвоинский с пафосом – это как планета. А вокруг – спутники. Чем ближе к телу, тем теплее. То есть денежнее. Вы только завтра, когда к нему поедет, не задавайте никаких вопросов, он это страшно не любит, только отвечайте, и не предлагайте ничего, все переговоры через меня. И не сразу – он очень осторожный. Он и при Сайкине²⁰⁷ работал, и при Промыслов²⁰⁸. Волк. В ГКЧП он правильно выбрал. У него и «Московская строительная компания» в руках. А где стройка, там и деньги. Но, пока вы не вернете ему сто тысяч баксов с процентами, он и разговаривать с вами не будет. Это как проверка. Тут, главное, не спугнуть, чтобы он не подумал: «пустомеля». Он, знаете, крутой по натуре. – Хорошо, - оборвал Хвоинского Игорь.

И вот они шли по широким коридорам, устланным коврами дорожками, - коридоры эти много кого повидали: и убитого Каляевым великого князя Сергея Александровича, анти-семита и гомосексуалиста²⁰⁹, и злосчастного Каменева²¹⁰, и тихо расстрелянных градоначальников Уханова²¹¹ и Сидорова²¹², - и многих, многих других. День был неприятный и людей почти не было – пусто и тихо. Лишь изредка навстречу попадались разного возраста мужчины с бумагами. Все они отчего-то были исключительно в сером.

- «Цвет власти», - вяло подумал Игорь. Женщины же, как одна, все были полные и некрасивые.

Наконец, Игорь с Хвоинским добрались до приемной Чичкова. За столом сонная, лет пятидесяти, с высокой, наподобие башни, вся в перстнях сидела секретарша. Хвоинский подбоянно подбежал к ней, что-то шепнул почти в самое ухо, незаметно сунул конвертик; она улыбнулась.

- Сейчас спрошу, - секретарша ловким, отработанным движением, так и не проснувшись до конца, сняла трубку. – Юрий Михайлович ждет вас, - торжественно, как показалось Игорю, сказала она.

Чичков плотный, крепкий, лысый, как две капли воды похожий на нового мэра – он был из тех редких людей, кто еще в молодости принимает свой внешний вид и больше уже не меняется, - в сером костюме без галстука, с расстегнутой верхней пуговицей на рубашке (демократические времена), энергично пожал обоим руки, усадил за стол и велел секретарше принести чай.

- Слышал, успешно работаете, - Чичков в упор посмотрел на Игоря. – Правильно, время такое. Без работы нельзя. Нужно формировать капитал. Вы, вот что, работайте, а мы поддержим, - Юрий Михайлович говорил медленно, но громко и весомо, словно перекачивал слова во рту, так что каждая фраза, а иногда и не фраза даже, а так, слово, или междометие, - обретали особенный, глубокий и значительный смысл.

- Стараюсь, - скромно сказал Игорь.

- Правильно, - одобрил Чичков. – Хочу из фонда соцподдержки направить вам деньги на год. Головой отвечаете. Деньги эти – не простые. От таких же, как вы, бизнесменов. Для поддержки инвалидов и малоимущих.

Все технические детали обсудите с Владимиром Александровичем. Он... знающий человек, - Чичков поднялся. Вслед за ним вскочили Игорь и Хвоинский. Чичков провел их до

207

208

209

210

211

212

двери. – Считайте, у вас испытательный срок. Выдержите, будете работать совместно. У нас в Москве много интересных проектов.

У двери Чичков задержал их на минуту, положил тяжелую руку на плечо Игоря.

- Собственность, которую создавали поколения, в наше время валяется под ногами, - неясно было, сожалел ли он об этом, констатировал факт, или делал неявное предложение.

- К Чубайсу вы как относитесь? – неожиданно спросил он.

Игорь растерялся. С одной стороны, он одобрял приватизацию, но, с другой, она казалась ему хаотичной и слишком поспешной, во многом непродуманной и несправедливой, так что он разделял всеобщий скепсис. Не верил, как и все, что за один чек можно будет купить две «Волги». Скорее приватизация похожа была на грандиозную аферу. К тому же требовалось угадать мнение Чичкова, а тот, чиновник старой формации, едва ли благоволил Чубайсу.

К счастью, Чичков не стал ожидать его ответ. – Прощелыга он, сукин сын, - зло сказал Юрий Михайлович. – Мы у себя в городе не станем плясать под его дудку. Тоже мне, крысковод с дудкой... Опомоили реформы...

В коридоре Владимир Александрович, все время молчавший при Чичкове, активно заговорил.

- Сильный мужик. Знает, куда ветер дует. Стратег. Знаете, как подчиненные его боятся? Бывает, идет по коридору, не смотрит по сторонам, а все разбегаются от страха. С кем не поздоровается, пройдет мимо, человек уже думает не писать ли заявление. Порядок очень любит.

Мороз пробежал у Игоря по коже. Не дай бог что случится с «Кредитной конторой «Полтавский». Как тогда он отчитывается перед Чичковым? Этот точно не простит.

- Откуда ты с ним знаком? – переходя на «ты», спросил он у Владимира Александровича. – Это он сейчас такой важный. А несколько лет назад ходил к нам просить деньги. Совсем другой человек. По начальству подарки носил, про детей расспрашивал.

- Куда это, к нам?

- В ЦК, - прошептал Владимир Александрович. – Когда-то он был директором обыкновенного НИИ.

Они зашли в кафе. Пока ждали официанта, Владимир Александрович объяснял:

- Он переведет деньги завтра или послезавтра, как только подпишем договор. Подписывать, естественно, не он будет, совсем другой человек.

Давайте, не будем откладывать. Прямо с завтрашнего дня займемся расселением. У меня есть хорошая квартира под выкуп.

- На договоре?

- Да.

- А директор Липатов? Он подписывал?

- Директор Липатов. Но работает с ними совсем другой человек. Толковый.

- Можно на него посмотреть?

- Да зачем вам? Все равно все дела со мной. – Хочется видеть с кем сотрудничаю. Мало ли что?

- Я его не скрываю, - недовольно сказал Владимир Александрович. – Это тот самый комсомольский работник, про которого я вам говорил. Марушак его фамилия.

- А нельзя ли мне его показать?

- Хорошо, - неожиданно легко согласился Хвоинский. – Завтра мы с ним заедем на несколько минут.

Пока ели, Владимир Александрович начал излагать новый проект. На сей раз, как избежать лишних налогов, хотя, по правде сказать, из всех проблем налоги меньше всего беспокоили Игоря: «Кредитная контора «Полтавский» платила сущие копейки. Но Владимир Александрович предлагал сократить их еще сильнее, зачислив на работу десятков инвалидов, которые

имелись у него в наличии, целая база. Возни с ними не будет никакой. Даже приходить за зарплатой не станут. Липатов разнесет по домам – сущий мизер – и принесет готовую ведомость.

- «И с них он возьмет свой процент. А может и вообще ничего им не даст», - подумал Игорь. Но нужно было расплачиваться за Чичкова. Да и афера не была направлена против него.

- Хорошо, - согласился он. – Я скажу Наталье Ивановне.

Владимир Александрович, как очень часто с ним бывало, слукавил. Марушак он так и не привез. Зато, как и обещал, уже через день предложил квартиру для поэтапного выкупа.

Квартира эта располагалась в старом доме рядом с Арбатом: обшарпанная лестница, убогий подъезд, довоенный лифт, который то и дело ломался, в самой квартире ремонт, похоже, не делали никогда, и уж точно с тех пор, когда прежних хозяев уплотнили, или выгнали вовсе, заселив квартиру новоявленными пролетариями – что-то вроде Вороньей слободки; ванная и туалет изъедены были грибом, перекрытия – деревянные, стены – покрыты вздувшейся местами, обсыпавшейся от времени, почерневшей от грязи штукатуркой, высотой, правда, метра в четыре, да сквозь рваный линолеум кое-где проглядывал добротный, с царского еще времени, паркет. Отдельная дверь вела на черный ход, но она давно была забита - по ту сторону периодически жили бомжи. Рядом с кухней находилась тесная, с низким потолком, комнатка для прислуги, ныне служившая кладовой. Эта комнатка и еще одна, большая, выведены были в нежилой фонд. Газовая колонка. Кухня с убогими шкафчиками и грязной, проржавевшей от старости газовой плитой, заваленные хламом коридоры, потолки в разводах старых протечек. В комнатах, правда, было чуть лучше. Две комнаты занимала семья из трех человек, довольно интеллигентная, еще три комнаты – разведенные муж и жена, которые много лет мечтали разъехаться, еще по комнате – бабушка под девяносто лет из бывших (в комнате чудом сохранились раритетная мебель и старинные картины) и тихий пенсионер-алкоголик.

Владимир Александрович здесь был свой. Игорь видел: ему здесь верили, считали не просто благодетелем, но чуть ли не Господом Богом. Всем, кроме старушки и алкоголика, до чертиков надоело существовать в этом перенаселенном – людьми, кошками и тараканами – общежитии.

Игорь вышел из этого странного жилища потерянный. Он и представить себе не мог, что кто-то станет покупать – он не знал, как это назвать – за несколько сот тысяч зеленых. Конюшню, которую просто нужно снести.

- Я вижу, что вы потрясены, - вкрадчиво сказал Владимир Александрович. – Но это только на первый взгляд дико, что так могут жить люди. На самом деле это очень проходно й вариант. Восемь комнат! Вы не только отобьете свои деньги, вы их спокойно удвоите. Это – Арбат! Здесь берут все. По ломовым ценам. И еще три квартиры ждут очереди.

Вы читали статистику Заславской²¹³ - продолжал Хвоинский. В России семь процентов богатых. И все стремятся в Москву, в центр. Уж так мы устроены – поближе к царю.

Окуджава, Цой, вот Рыбаков написал «Дети Арбата». Да что там – Пушкин. Это же чего-то стоит. Реклама! Деньги!!! Иностранцы! Кремль рядом! Чем больше здесь было убито, расстреляно, чем больше снесли церквей, тем сегодня дороже квадратные метры.

- Да вы романтик! - удивился Игорь.

- Прагматик, - поправил Владимир Александрович.

- Я люблю деньги. Сделаем легкий ремонт, чтобы глаза не кололо, бригада у меня есть - и пойдет! Схватят.

- Да этот дом сносить надо, или на капитальный ремонт, - возразил Игорь.

- Я тоже раньше так думал, - сознался Хвоинский. – Но новые русские могут здесь все, как горячие пирожки. Лет через десять тут все вокруг будет не узнать. Не останется ни одной коммуналки. Ни одного бедного. Тут не Гайдар или Чубайс, или там Черномырдин – они без-

дари, тут сам капитализм работает. А мы только санитары. Тут, после всего, останется на двоих тысяч сто пятьдесят долларов, плюс за три-четыре месяца процентов десять-двадцать рост цен. В рублях вообще бешеные проценты!

- Я подумаю, - решительно прервал Хвоинского Игорь. – Впрочем, нет, давайте что-нибудь другое.

- Вы мне не верите? – обиделся Хвоинский. И тут же предложил: - А если я на себя возьму бабушку и алкаша?

- Нет, - решительно сказал Игорь. Он хотел распрощаться и уйти, но Хвоинский потащил его в грузинское кафе. Они взяли по порции хинкали с кофе и, едва присели, Владимир Александрович заговорил снова.

- Вы все-таки подумайте. Очень хороший вариант, - и тут же перевел тему. – Ну, как вам Чиглов?

- Я, знаете, мало видел чиновников. Все больше ученых.

- А он, кстати, ученый. Бывший химик. Технар. Кандидат наук. Системно мыслит. Пока жена надзирает за строительством, он собирается приватизировать научно-промышленный комплекс. Он все предприятия знает, институты. Какие могут дать отдачу. Или просто на недвижимость. На днях он директоров собирал, беседовал.

В чем разница между ним и другими – другие хватают, что плохо лежит или что позволят, а он – знает, что ему нужно взять. Он умный мужик и мэр ему благоволит. Входит в Московский Совет по приватизации.

- Он там не один.

- Конечно. Но один из самых.

- И что он хочет?

- Я так думаю, что научно-технический комплекс хочет собрать под свое крыло Зеленоград. Они там сейчас бедствуют. А он об инновациях думает. Все – о нефти и газе, а он понимает: Москва сильна другим. Нужно его держаться.

В следующие несколько дней Хвоинский не появлялся, возможно, рассчитывал, что Игорь пойдет на попятный – Игорь действительно начинал колебаться. – «У страха глаза велики, - иной раз думал он, - Хвоинский на этом деле собаку съел. Как знать...» он бы, может быть, созрел, но тут позвонил Павел Марущак. Тот самый, которого Хвоинский тщательно скрывал, и напросился на встречу. Тут интереснейшим образом все сложилось: про «Кредитную контору «Полтавский» Павлу проболтался Липатов, а дальше и вовсе просто – Павел нашел объявление в газете с телефоном.

Павел Марущак начал совсем без вступления. – Игорь Григорьевич, у меня к вам важный разговор. Только совершенно конфиденциальный.

- Хорошо. Я ничего не скажу Владимиру Александровичу, - пообещал Игорь. – «Его будто Бог послал, как в свое время Васю».

Павел Марущак – тут Хвоинский действительно не врал – в самом деле ничем не был похож на Липатова. Наоборот, веселый златоуст. Он сразу понравился Игорю – интеллигентный, легкий, образованный, закончил институт и еще и еще ВКШ²¹⁴. Причем его комсомольское прошлое нисколько не вредило в глазах Игоря: Павел Марущак относился к комсомолу с веселой иронией и смешливым цинизмом. К тому же приехал на «Вольво» - не простой гусь, да еще и артист. После работы ездит на репетиции. Правда, не блещет разнообразием амплуа, играет почти исключительно любовников, что очень ему подходит: лет около тридцати, красив, смугл. Кудряв, с живыми глазами, по утверждению Павла среди предков его были крещенные французские евреи из Одессы. Похоже, на сцене он играл самого себя, любимого. Впрочем. Не только. Некоторое время спустя Марущак сознался, что всю жизнь мечтал сыграть Хлестакова

²¹⁴ ВКШ – Высшая комсомольская школа, кузница руководящих комсомольских кадров.

и типичного одессита Бендера, сына турецко-поданного. И что он очень любит Гоголя и Ильфа и Петрова. Словом, веселый человек, душа любой компании.

В подчинении у Павла имелось несколько секретарей на домашнем телефоне, пенсионеров, которым платили копейки – они принимали звонки по бесплатным объявлениям. В последнее время стали давать еще и платные объявления в рамках, выделенные жирным шрифтом, в ту газету «Из рук в руки», родившуюся вместе с рынком. С помощью объявлений Павел вылавливал желающих расселиться, а таких было множество – Москва, особенно центр, все еще оставалась городом коммуналок²¹⁵. Павел заключал с расселенцами договора от имени липовой фирмы Липатова и передавал их Хвоинскому. Впрочем, не всегда, и сам расселял, детально был в курсе.

- Их уболтать, этих совков, мне ничего не стоит, - со смешком рассказывал Павел. – Они по двадцать-двадцать пять лет ждали от государства, а тут от радости рты раззявили, не привыкли своими тупыми мозгами шевелить. Совки – они и есть совки. Бараны.

А дело-то очень выгодное, может быть, даже самое выгодное, на каждом расселении можно заработать от трети до половины, а то и все сто процентов от цены квартир. Этих совков тупых ничего не стоит облапошить, иные из комнаты идут в комнату, из центра на окраину ради маленькой доплаты, иные, особенно пьяницы, и вовсе едут в Тмутаракань. Десятки, а может и сотни фирм при деле и всем хватает работы. Лет на пять, не меньше. Систему Коркорана²¹⁶ я не воспроизведу, вот где асс, Хвоинскому до него далеко, Хвоинский просто конкистадор, жадный, а это – ого-го, у него система... Да нам и не нужна его система. Зачем? Зеленый так плывет в руки.

Вся проблема в том, объяснял Марущак, что Хвоинский просто использует его, крысятничает, утаскивает лучшие варианты. Обещал много, и – ничего. Причем скуп. Ему сам Гобсек позавидует.

- А ваш «Вольво»?

- Это – из другой жизни, - засмеялся Павел. – Остатки прежней роскоши. Я же родом из комсомола. А комсомол, вы,, наверное, знаете, в перестройку хорошо жил. Центры ИТТЪ, стройотряды, льготы, мы всякую всячину ввозили – от компьютеров до сигарет. И – обналичка. Комсомол начал раньше, чем кооператоры. Тоже ушлые были ребята.

А потом комсомол умер, вместе с партией-мамой. Центры преобразовались в кооперативы, или сразу в ТОО или ЗАО, а комсомольские вожаки, те, кто просто получал ренту, печать прикладывал, остались не у дел. Зато другие, кто порасторопней, пошли в гору.

- Интересно. Я плохо это знал, - признался Игорь.

- Лигачев, - подсказал Павел. – С его легкой руки...

- Начался капитализм? – спросил Игорь.

- Что-то вроде. Комсомольский капитализм. Все по Марксу. Прав был старик. Капитализм – это такой бандитский строй.

- У нас, да.

- Везде до поры, до времени. А уж у нас...

- Интересно, - повторил Игорь.

- Ну, я создал туристическую компанию. Вернее, приватизировал. Раз комсомола больше не стало. В Польшу возили, потом в Турцию, в Китай. Можно сказать, я был одним из зачинателей челночного движения. Все нормально было. Ну вот, я и поехал в Китай – тряпки побоку – отдохнуть на три недели. Пекин, Шанхай, Сиань. Остров Хайнань. А вернулся – ни денег, ни фирмы. Партнер сбежал.

- Зачем? – удивился Игорь. – Ведь был хорошо налаженный бизнес. Ведь так?

²¹⁵ К началу девяностых годов в коммуналах жили примерно двадцать процентов москвичей.

²¹⁶

- Я тоже удивился. Приехал, офис опечатан, сотрудников нет, только толпа обманутых челноков. Меня вызывают в ОБХСС²¹⁷, или как там сейчас, в ГУЭП – все просто, он был молдаван и, вроде бандиты ему угрожали, да еще уголовное дело, к нам это отношения не имело, но он решил податься то ли на родину, в Молдавии, то ли в Румынию. Бывший секретарь райкома. Мне на собственные деньги пришлось откупаться. Остался не у дел. А тут Владимир Александрович.

- Вы его раньше знали?

- Ну, как-то обналачивали. Он не простой гусь. Работал в ЦК. В хозяйственном, правда, управлении. Хотя, как-то хвастался, что у самого Щербины²¹⁸.

- Но это вроде управление делами.

- Да, тут, конечно, нестыковка. Но, главное, помог выпутаться. Хотя, конечно, не просто так. У него много чего схвачено.

- За процент?

- Вроде. Не знаю, передал или взял себе. И сколько. Он человек скользкий. Правду не скажет никогда. Даже пьяный.

- Мне казалось, он не бывает пьяным.

- Да, только один раз. Ездили с ним к веселым девчонкам. Он сидел, сидел, бубнил что-то, нудил. Они и напоили его. Как Кису Воробьянинова.

- Ну и как он?

- Да так себе. Пискнул, визгнул и завалился спать. Утром его разбудили. Сразу побежал к врачу проверяться.

- Ну хорошо, вернемся к нашим баранам.

- Понимаете, Игорь Григорьевич, он меня просто использует. Пользуется моим бедственным положением. Знает, что я хорошо с людьми. Я у него сижу на договорах. А как заключу, работают в основном другие люди. Соответственно, и все доходы ему. А людям копейки. Один покупателей водит, другой расселенцам подбирает квартиры. Ну и крутые ребята, тем он тоже что-то платит. А все, что касается денег, он сам, или жену посылает. Он торговаться умеет, не уступит ни копейки. Асс.

- И давно вы у него?

- Несколько месяцев. Я, знаете, не терял времени даром. Учился.

- И все через липатовскую фирму?

- Не знаю точно. Мне кажется, у него не одна. Бомжей много.

- Ну хорошо, сделки с алкоголиками, криминал, это он вешает на Липатова. Понимаю. Но для чистых договоров...

- Нет у него чистых договоров. Ну, почти нет. Кому-то квартиру после алкоголиков подсунет, кому-то после цыган. А алкашей сами знаете куда. Он у цыган квартиры скопом покупает. Но осторожно. Деньги отдает после продажи. Или под залог других квартир. Цыганам тоже удобно. Они не меньше Хвоинского не любят светиться. К тому же от него зависят. Он сам по ДЭЗам через ментов находит для них алкашей. И держит под контролем милицию.

- Итак, вы хотите организовать свою фирму? Хвоинский вам не подходит. Я вас правильно понял?

- Почти. Для раскрутки нужны финансы. И лучше выкупать самим, чем искать покупателей. Никакого смысла.

²¹⁷ ОБХСС – создан по приказу наркома внутренних дел СССР Н.И.Ежова в 1937 году в составе Главного Управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР. Название расшифровывалось как отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией, в феврале 1992 года переименован в ГУЭП (главное управление по экономическим преступлениям) МВД СССР.

²¹⁸

Цены-то растут. Пока расселяем, они становятся вдвое дороже. Опять же, свободных квартир на рынке мизер. И ремонт можно сделать. Люди у меня есть.

- А с алкоголиками вы работаете?

- Не моя специализация. Честно. Не из принципиальных соображений, просто так вышло. Хвоинский меня к ним и близко не подпускал. Лакомый кусок. Но тут, знаете, нужны специальные люди, умеющие. Хотя кое-какие концы у меня есть.

- Вас послушать, - сказал Игорь, - Хвоинский держал вас в ежовых рукавицах. Неужели он вас обманывал, а вы его нет?

- Долг платежом красен, - рассмеялся Марушак. – Сейчас все так. Все строится на интересе. И никто никому ничего не обязан. Никаких Павок Корчагиных.

- Да, я понимаю, - согласился Игорь. – Когда вы сможете найти расселение?

- Да квартира уже готова. На Тверском бульваре. Шесть комнат. Бланки договоров готовить от «Кредитной конторы» один день.

- Хорошо. Я согласен. Надо только все оговорить заранее, чтобы никаких конфликтов. А там режим. Только что мне сказать Хвоинскому?

- Да плюньте вы на него, - усмехнулся Павел. Утрется и вида не покажет. Ему ваши деньги нужны. Вы же с цыганами работаете без него, напрямую.

- Кто вам сказал про цыган? – удивился Игорь.

- Ваш же Лохов и сказал. Точная у него фамилия. Я его недавно на просмотре встретил. Кстати, он же первый вас и продаст.

- А именно? – Игорь напрягся.

- Предлагал продать вариант.

- Вам? Хвоинскому?

- Да ему все равно. Ему бы деньги. Мелкий человек. Да вы – не берите в голову. Хвоинский на такие вещи не смотрит. Он знает, что святых нет. Он человек без эмоций: механический человек. Делает деньги и все. Мечта у него: вилла на Кипре или на Канарах. И круглый счет в западной банке. А здесь можно гадить.

- Вы к нему слишком суровы, - недовольно сказал Игорь. Он все еще переживал из-за Лохова. – Он, конечно, сволочь. Но разве другие, большинство, намного лучше? У вас в комсомоле, что, другие люди были?

Павел усмехнулся.

- Комсомол – это отстойник. Карьеристы... А так, люди, как люди. Опять же сошлюсь на Маркса: «Бытие определяет сознание». В нынешних партиях контингент не лучше.

- О, вы очень интересный собеседник, - похвалил Игорь. – Знаете, очень мало вокруг интересных, умных, образованных людей.

Все куда-то исчезли.

Павел, а вы сами кто по образованию?

- Философ, - гордо сказал Марушак. – МГУ закончил. В аспирантуре учился – в ВКШ. Думал в политику идти. Как Жирик. Или к Жирику. Да время захлестнуло, жизнь...

- Еще не вечер, - прервал Игорь. – Кстати, кому вы сейчас симпатизируете?

Игорь слегка волновался. Он добровольно-вынужденно отошел от политики, но втайне все еще мечтал вернуться. Лучше всего в роли закулисного спонсора-кардинала, который поможет становлению демократии в России. Хотя – иногда его влекло на трибуну.

Наблюдая по телевизору выступления депутатов, их косноязычие, а часто и путанность их идей, их злобу, их непрофессионализм, того же самоуверенного и хамоватого Хасбулатова, он нередко думал: «А ведь я был бы лучше». С другой стороны, сейчас он всерьез увлекался своей работой, у него не оставалось ни времени, ни сил на другое, ему было интересно выстраивать свой бизнес. Это был процесс творческий, созидательный, не менее интересный, чем политика. Еще недавно он думал, что в бизнесе меньше, чем в политике, зависишь от дру-

гих. Что здесь у тебя больше свободы. До последнего времени он стремился подальше быть от государства, от чиновников – это отвечало свойствам его натуры: он не хотел и, главное, плохо умел подлаживаться, приспосабливаться, искать с чиновниками общий язык. Но в самое последнее время он все больше начинал понимать, что все не так, как он раньше думал, ведь бизнес состоял в том, чтобы договариваться с чиновниками. Брать от государства и делить. Отшельником можно было оставаться лишь до определенной грани. Теперь же он все яснее понимал, что эту грань предстоит перейти. Или... об этом «или» Игорь предпочитал не думать.

Павел Марущак очень нравился Игорю. Он не сомневался, что этот азартный, умный, циничный человек не только сможет организовать службу недвижимости, его еще моно будет использовать для установления контактов с чиновниками. Этот бывший комсомолец для них – свой. Конечно, предпочтительнее было, чтобы Павел придерживался тех же взглядов, что и Игорь. Но Марущак и тут остался верен себе.

- Главная проблема России сейчас в том, как отрезать хвост, то есть Советскую власть. Сразу или по частям. Хотя, сколько ее ни режут, а меньше не становится. Помните, как раньше говорили: «родимые пятна». Ну вот, Советская власть, это такое родимое пятно. С ней родились, с ней и умрем.

Хотя, клянусь богом, я этого никогда не понимал, что такое Советская власть. Это просто какой-то эвфемизм. То ли усеченный до карикатуры парламентаризм, с доярками и телятницами на сцене, то ли величайшая фикция. По сути, Советская власть только сейчас и проявилась, когда ее отменили. И вот они, именины сердца в Белом Доме. Хасбулатовщина.

Но самое интересное, президент, этот новоявленный демократ, по существу за Советскую власть, какой она была, то есть за парламент с кляпом во рту, а консервативный парламент, естественно, против. То есть за безответственную говорильню, которую они навязывают демократией. Пустые люди! Их завтра и не вспомнит никто, всех этих Астафьевых-Аксюичев-Константиновых...

Но у нас в России есть закон: кто бы ни сражался, побеждает бюрократия. У нее нет фамилий, зато есть интересы. Назад в социализм она не пойдет. Ей интересней за столом, где деньги лежат, чем в казарме. Так что я за себя. Нас в комсомоле приучали к здоровому прагматизму.

- А Россия? – спросил Игорь.

- А что Россия? Народ всегда в дураках, при всех режимах. Кто больше всех кричит о любви к Родине, тот, значит, больше всех тащит.

Марущак собрался уходить, когда Игорь решил проконсультироваться относительно варианта Хвоинского.

- Как вы оцените Ноев ковчег, который предложил мне для расселения Хвоинский?

- Видел я этот ковчег, - засмеялся Павел. – Вариант реальный, но мало выгодный для вас. Он же хитрец, каких мало. Под дождем пройдет между каплями. На ваши деньги расселит, а потом тихо вывезет алкоголика за город. И бабушка, она ведь долго не протянет, с ней он сделает договор ренты. Он умеет найти подход.

Глава 16

Неприятности начались вскоре после нового года. Поначалу мелкие – деньги по-прежнему несли, хотя – зачем? – при тысячепроцентной инфляции сто процентов годовых не спасали; обналичка приносила хороший доход и торговля метандростенолом процветала, недвижимость росла в цене и сделки – их, правда, все еще было немного, - приносили все больший доход, - но, увы, нарыв назревал: начинались невозвраты.

Это Игорь потом подсчитал: примерно половина заемщиков вернули деньги в срок и беспроблемно, а ведь могли не возвращать, он не смог бы их заставить, и никакие государствен-

ные механизмы не работали – милиция, прокуратура, суд, все было парализовано, - но из совка пришли честные люди, другого объяснения не было.

Да, самое честное время в конце совка, на излете застоя. Игорь еще помнил: в кооперативе при Горбачеве и в мыслях не было не платить налоги - сталинский страх еще висел над страной, а потом сразу все рухнуло. Оказалось, прогнило. Разложение началось везде и сразу. Рэкет, приватизация, откаты, бандиты. Совок стремительно превращался в крутого, в отпетого, в нового русского. Рыба, как всегда, гнила с головы. Прав оказался Маркс: «бытие определяло сознание».

Но что Игорь потом так думал, что пятьдесят процентов возвратов – это очень много, а тогда, наоборот. Еще напуганный был, еще наивный.

Первым не вернул кредит вовремя инвалид Трунов. Правда, до него еще – Петя Кораблев и Олег, и еще профессор, но с каждым из них случай особый. Про Кораблева Игорь не знал еще, что повесился. А может, повесили. Несчастный мальчишка. И Олег тоже: дурной. Что с него взять? К тому же за Олега обещал заплатить «Роспотребрезерв». А Трунов, тот взрослый мужчина, солидный, почти пенсионного возраста. Кредит он взял, чтобы закупить лук в Волгоградской области.

Трунов сразу не заплатил через месяц проценты. На звонок Игоря начал жаловаться, что знакомый директор совхоза – теперь это ТОО, но один черт, директор как был там царь и бог, так и остался – его подвел. Долго мурыжил, смеялся в глаза, прятался – ждал, видно, взятки, но он, Трунов, ни в какую, он е за то отдал родине руку, чтобы платить взятки. Наконец, пришлось объясниться и директор вроде уступил, но на станции долго не давали вагоны – то ли директор подговорил, то ли сами хотели, за хранение пришлось платить штраф, а лук за это время сильно погнил, перебирать было некому, на овощную базу, здесь уже, его не взяли, опять, видно, ждали отступных, продавать пришлось срочно и дешево, прямо с машин, за которые тоже нужно было платить. Опять же, взятки милиции, чтобы разрешили торговать с машин – в управе он не сумел договориться. То есть разрешение на торговлю дали, но в таком глухом месте, где покупателей днем с огнем не отыскать. Наконец, его опять оштрафовали – в итоге он не только ничего не заработал, но еще и оказался в убытке. Теперь же Трунов просил сократить проценты.

Игорь, естественно, отказался. Он не благотворитель, чтобы оплачивать чужие взятки.

- Вы взрослый человек, вы знали, на что шли.

- Знал-то знал, - отвечал Трунов, - но чтобы так, в каждом месте, от управы до директора совхоза, раньше такого не было, - Трунов повздыхал по телефону и начал прятаться. То по многу дней не брал трубку, то изредка к телефону подходила жена и сообщала, что он в отъезде или в больнице, лишь изредка подходил сам и слезно просил повременить и бога ради снизить проценты. В такие моменты он очень походил на профессионального попрошайку. Его было жалко – бедный человек, без руки, но уступить Игорь не мог, он не имел права быть добрым.

В конце концов пришлось послать Луцкого с командой. Но Луцкий тот еще фрукт. Он подолгу расписывал, как они разыскивают Трунова, а тот прячется, приходит только кочевать, а то и вообще не ночует дома, и что он специально отправил Евсея – у того такой бандитский вид, что жене Трунова стало плохо и к ней пришлось вызывать «скорую помощь» («его все пугаются, - хвастался Луцкий. – Вы бы посмотрели на него и вам бы тоже стало плохо»), и что в доме у Трунова полная нищета.

- Мы бы кожу с него сняли, - хорохорился Луцкий, - да с него взять нечего. Полнейшая нищета. Как только человек жил до сих пор? Один колченогий стул. Да еще кошка. И та облезлая. И жена ведьма.

Игорь подозревал, что Луцкий со товарищи никуда не ездили, а только выманивали деньги. И страшил Евсея, бывшего афганца в шрамах – к тому же тот специально стригся под блатного и носил цепь – Луцкий приводил не к Трунову, а к нему, Игорю. Евсей и вправду

вызывал страх: огромный, рыжий, с маленькими злыми глазками и огромными кулачищами, низким лбом и устрашающей, под ежика, шевелюрой.

В конце концов, Игорь сам застал Трунова врасплох и тот, скрипя и охая, назначил Игорю встречу. Они вместе пошли в Сбербанк, где, к огромному удивлению Игоря, Трунова хорошо знали и обращались с ним подчеркнуто уважительно. Похоже было, что Трунов у них давний клиент.

- «И ведь возвращает вовремя. Не плачется, как со мной», - с досадой подумал Игорь. – Обходится без всякой братвы».

В «Кредитную контору «Полтавский» Трунов перечислил, однако, только сумму кредита, на проценты денег у него не хватило, так что Игорю снова пришлось посылать Луцкого. Но тот опять врал.

- Мы были у него, привязали к стулу, два часа с ним беседовали. Евсей его пару раз стукнул, да что там стукнул, от одного его вида людей хватает кондрашка. Вы видели его кулачищи, все в ожогах, он ведь горел в Афгане и пуля возле уха вошла, с тех пор он просто зверь.

Никакого толка. Инвалид, голь перекатная, с этого горемыки разве что кожу снять, да абажур сделать.

Игорь снова позвонил Трунову. На сей раз тот оказался дома.

- Нет у меня денег. Вы к совести не взывайте. Сами все видели. Дайте хоть обернуть остаток средств. Если Сбербанк обложит, тогда мне хана.

Трунов обещал снова закупить лук, капусту, картошку – он понял, что лучше торговать разным товаром сразу. Вот расторгнется и расплатится сполна.

- Мои бандиты к вам приезжали? – спросил Игорь.

- Нет, - после паузы отвечал Трунов. – Что им тут делать?

После этого разговора Трунов уехал за товаром, потом торговал якобы в Подмоскovie. Игорь устал ему звонить. К тому же со временем и не до этого стало.

Совсем не было проблем у Игоря только с Ашотом Паникяном: тот держал свои сигареты на складе у Виктора. Выплатив кредит, Ашот взял новый и снова торговал сигаретами в Лужниках, а заодно и реализовывал товар, по поручению Игоря закупленный Виктором. Ашот был отменный работник, трудолюбивый донельзя – работал каждый день, без выходных и праздников, с раннего утра и до позднего вечера и все успевал – и закупать товар, и сам же торговал с машины. Через месяц Ашот сумел открыть вторую точку, там же в Лужниках, так что товар стал прокручиваться еще быстрее. Игорь с Виктором предложили Ашоту перейти к ним, он уже точно мог успешно возглавить торговлю в Лужниках, но Ашот уклонился от ответа. Как-то потом он сознался Виктору, что со временем собирается развернуться.

- Он сможет, - говорил Виктор, - если, конечно, рэкет не остановит.

- А как там с рэкетом, в Лужниках? – спросил Игорь.

- С рэкетом, как везде. Но вроде бы платят дань организованно.

Напротив, за Артуром, торговавшим водкой на ярмарке в Сокольниках – тот не сам торговал, он был барин, у него были продавцы и помощники. – Игорю пришлось немало побегать. Вроде бы и дела у Артура шли неплохо – в любое время дня, когда Игорь приезжал к нему в Сокольники, у его киосков толкалось немало людей, по большей части это были пьяницы, тут же, чуть в стороне, они распивали водку и валялись пьяные, и охранник с брезгливыми минами вытаскивали их за забор, клали в тень: все-таки клиенты, - увы, красавчик Артур был человек легкий, но непунктуальный, мог назначить встречу и укатить на своем «Ауди». Со дня на день он обещал расплатиться, приглашал посидеть в ресторане, улыбался и – волюнил. Точно также он водил Игоря за нос, обещая договориться с Мирзаяном, своим дальним родственником – их бабушки были родные сестры, у авторитета имелась масса точек для своих людей.

Мирзаян, с гордостью рассказывал Артур, был близким приятелем Чичкова. Впрочем, у авторитета вообще была масса сановных знакомств, в особенности же он коллекционировал

людей искусства: Зураб Церетели, Кобзон, Винокур, Лещенко, Шуфутинский, как и знаменитый Отари Квантришвили и Япончик – все были его друзья.

Увы, сам Артур в близкий круг авторитета не входил, просить следовало, мать или бабушку, а уж те, но те, как назло, были в отъезде. Да и сам авторитет не сидел безвыездно в Москве. Словом, подступиться к Мирзаяну так и не вышло, вместо него Артур вывел Игоря на представителя авторитета

Кубынина.

- Он смотрящий, - представил Артур, - все дела решает. Сам Акоп Левонович мелочевкой не занимается. Все больше в мэрии, или там с Тайванчиком, или с дедом Хасаном, недавно к Япончику летал в Америку. Тот самый главный, он еще в Совдепии рэкетирил цеховиков по всему Союзу.

- Цеховики ведь были только в Закавказье? – спросил Игорь.

- Нет, везде, - гордо сказал Артур. – Они по многим городам ездили. Собирали дань. Ночные короли. Даже при Сталине.

Смотрящий Кубынин оказался невысоким человеком с бычьей шеей, мрачным взглядом исподлобья и мощными короткими, покрытыми татуировками руками. Он долго подозрительно смотрел на Игоря, потом спросил:

- Крыша у тебя есть?

- Есть, - не очень смело соврал Игорь.

- Ну, пусть крыша твоя и договаривается, - буркнул Кубанин. – Это их дело.

Игорь промолчал и больше не пытался просить Артура, тем более, что кредит тот в конце концов вернул.

Зато Изотов, посоветовавший брать проценты ежемесячно, не вернул. И через месяц, и через два он приносил проценты, но когда пришло время возвращать основную сумму, его не оказалось на месте.

- Я не жена, я просто прописала его на время. Думала, порядочный, - говорила женщина на другом конце провода. – Он то у меня жил, то еще с кем-то. Он – сволочь... Что называется, поматросил и бросил...

- А где он сейчас? У вас есть его адрес и телефон?

- Есть телефон. Случайно. Только не говорите, что это я дала. А то убьет. Он, знаете, неуравновешенный. Псих.

Адрес для Игоря узнал Виктор через знакомого милиционера. Оказалось, что Изотов живет недалеко. Игорь решил поехать к нему с Сергеем, охранником. Сквозь щель в двери видно было, что в квартире горит свет, за дверью слышны были негромкие голоса, но на звонок в дверь никто не ответил.

- В глазок посмотрели. Не хотят открывать, - сделал вывод Сергей.

Игорь позвонил снова, настойчиво и долго. Вдруг щелкнул замок и дверь распахнулась, у порога стояла симпатичная, в одном халатике, молодая женщина.

- Я спала, - томно сказала она и даже зевнула для достоверности. – А вам кого?

- Сергея, - настойчиво и мрачно сказал Игорь.

- Тут нет никакого Сергея, - сказала она и снова зевнула. В это самое время из-за шкафа выскочил Изотов.

- А мы думали: муж, - искусственно и в то же время игриво засмеялся он. – Ну заходите, Игорь Григорьевич. От вас не спрячешься. – Он продолжал смеяться. – На днях деньги будут. Может, выпьете с нами, Игорь Григорьевич?

- Когда вернете кредит. Так и быть, отметим.

- И Олега Васильевича позовем с Аверьяновым, - Изотов продолжал куражиться.

- Если захотите, можно и Олега Васильевича с Аверьяновым. Они уже службу безопасности собирались посылать, - соврал Игорь.

- Хоп майли²¹⁹, - пропустив намек мимо ушей, Изотов по-прежнему веселился. – На днях организуем.

Вы уже извините, Игорь Григорьевич, - что так получилось, - он посерьезнел. Со дня на день жду дерево. Должна перевести из Костромы.

- А сейчас? – спросил Игорь. – Хотя бы часть. Я и вексель взял.

- Сейчас шаром покати. Перебиваемся на Валечкину зарплату. С хлеба на квас, - Изотов весело улыбался, словно бравировал своим безденежьем, или открыто насмешничал.

- Вы знаете, что такое вексель? Любой суд...

- Ну нужно в суд, - закричал Изотов. – Давайте без суда.

- Тогда распишитесь на векселе. Я жду ровно неделю. Или хотите переписать вексель?

- Посмотрим, - пообещал Изотов. – Я подумаю. А вы не хотите взять в залог Валечку?

- Нет, сказал Игорь.

- А зря, - это были последние слова Изотова.

- Ничего не вернет. Знаю я таких... придурков. Он просто смеялся, - сказал Сергей, когда они вышли.

- Послать Луцкого?» - подумал Игорь. – Я позвоню Олегу Васильевичу, - пообещал он. – Это его протеже.

- А вы уверены, что страховая компания заплатит? – спросил Сергей.

Игорь пожал плечами.

Ни через неделю, ни через десять дней Изотов не появился. Игорю пришлось звонить снова. К телефону подошла Валечка.

- «Интересно, сейчас она голая? – отчего-то подумал он, услышав ее голос. – Грудь, попка, все на месте. Прелесть».

- Он сбежал. Альфонс проклятый, - как старому знакомому сообщила она Игорю. – Прихватил мои деньги и сбежал. С меня теперь со всех сторон требуют. Не только вы. Он картежник оказался. Думаете, он торговлей занимался? В Кострому ездил? Он блядством занимался. - Она помолчала. – А вы, если хотите, приходите.

Игорь опешил от ее наглости. Пойти он не решился – мало ли что? Это вполне могла быть подстава.

Он передал этот разговор Бодрову, но тот сохранял спокойствие.

- Да не берите в голову. Мы его поймем и вправим мозги. Он нормальный парень. Я его давно знаю. Потерпите немного.

И Игорь терпел. Дел было невпроворот и невозвраты пока не критические. Да и не хотелось портить отношения со страховой компанией.

В январе, или в феврале уже, Игорь занят был другим. Годы спустя по памяти он пытался выстроить хронологию. Сначала «Тарасов, Борисов и К^о» и сразу же поездка в Пореченск. И тотчас вслед за этим Капоков. Или Капоков чуть позже? В сущности, хронология большого значения не имела.

Тарасова, Борисова и Витковского прислал за кредитом все тот же Олег Васильевич. Это были молодые, наверняка сразу после института, симпатичные ребята. Особенно запомнился с первого раза Витковский: интеллигентного вида, в очках, с очень тонкими и красивыми чертами лица, хрупкий, в длинном черном пальто и во много слоев, «по-французски» обкрученным вокруг шеи клетчатым шарфом. Впрочем, и Тарасов с Борисовым тоже выглядели модно, все – в высоких ботинках от фирмы «Рибок», которая только-только открыла магазин в Москве на пересечении Садовой-Кудринской и Поварской, все – выгодно отлича-

лись от других, довольно неряшливо одетых бизнесменов. И кредит – десять миллионов – эти бонвиваны брали, чтобы закупить модную обувь в «Рибке».

- У «Рибка» одно условие: все, что мы покупаем у них, нам нельзя продавать в Москве. Так прямо в контракте и написано, - рассказывал Тарасов. – Чтобы не было конкуренции. А нам и не нужно в Москве. У нас на Севере есть знакомые мне ребята. И в Сибири. Оторвут с руками.

Бизнес их показался Игорю странным. Покупать дорогущую обувь и накручивать сто пятьдесят процентов? Он никогда бы не дал деньги, если б не рекомендация и не аваль от «Гаранта». Но, к его удивлению, проценты ребята платили очень аккуратно – и через месяц, и через два. Так что со временем он в них поверил и даже стал их ставить в пример. Уж от кого кого, а от них Игорь не ожидал подвоха. Но это потом, перед самыми майскими праздниками.

А пока – история с Олегом. Кредит Олег, конечно, не вернул. Да Игорь от него и не ждал. Он давно понял: придурок. По своему неглупый, образованный, но – придурок. И с Олеговым брусом Игорь давно не знал, что делать. Этот брусок из неизвестного материала так и лежал в дальнем углу. В феврале за него обещал расплатиться «Роспотребрезерв» и Олега никто не тревожил, а потому, в отличие от других, Олег никуда не сбегал. Напротив, он прибил к «Кредитной конторе». Денег Олег больше не просил, да ему бы и не дали, разве что стрелял на сигареты. Зато старался быть полезным, а может рассчитывал заработать. Вот он и пришел с письмом к Игорю.

- У меня родственники в Пореченске, - сообщил он. – Там алюминиевый завод, небольшой, правда, но довольно новый. Уже при Хрущеве строили эки. Мой дядька двоюродный там главный инженер. Сейчас из-за завода драчка идет, но они держатся. Вам бы они свои акции продали. Не хотите?

- Хочу, - еще минуту назад Игорь не собирался покупать акции, он, как небо от земли, далек был от производства, ничего не знал ни про толлинг²²⁰, ни про Яфасова²²¹, ни про братьев Черилл²²², ни про измайловских²²³ и Олега Дерипаску²²⁴, ни про «Transcommodity»²²⁵, ни про Семена Липкина²²⁶ и братьев Рубенов²²⁷, ни про битву за «КРАЗ»²²⁸, ни про грядущие алюминиевые войны; он не подозревал даже, что алюминий входит в сферу интересов Спивака – ничего еще не знал, ближайшее будущее пока не стало настоящим, да и маленький заводик в Пореченске казался ему вдалеке от пересечения больших интересов. Этакая патриархальная картинка, моно сказать, пастораль. Маленький заводик, похожий на церковку и коровы на лугу.

В этот момент он вовсе не думал о прибыли и то он станет делать с акциями, он вообще не очень понимал, что сможет извлечь из убыточных, разбитых, разворованных предприятий, где рабочие по многу месяцев не получают зарплату – минуту назад он, как черт к ладану, относился к приватизации, знал – не для него, но тут вдруг почувствовал вкус к производству, подумал, что «не боги горшки обжигают», что – он будет неплохим для рабочих хозяином и что неплохо бы вложиться. Недаром же множество людей кинулось на аукционы, хотя – за свои чеки на этих аукционах они получают акций на сущие копейки.

Странно, но и его вдруг захватил всеобщий ажиотаж. А может, не ажиотаж, но просто преподнесли ему эти акции на блюде. То есть не преподнесли, показалось. Или просто

220

221

222

223

224

225

226

227

228

устал. Надоело сидеть в Москве и захотелось прошвырнуться. Посмотреть, чем живет провинция и как это, разгосударствление то есть, происходит. Потрогать приватизацию руками, сблизить. Поговорить с людьми, а может и правда купить акций. Он даже представил печи, в которых варится алюминий. Что-то такое он давно изучал в школе – доменные печи, марте-новские, еще какие-то электрические. Все виделось ему смутно: огонь и металлическая лава.

Игорь лишь мельком бывал на бирже. Он смутно представлял, как она работает. И – весь этот процесс. как тысячи гонцов разъезжают по стране, колесят по маленьким городкам, по глухим деревням – скупают чеки за водку и колбасу. Иные приезжают на машинах, другие тащатся с баулами; на иных заводах директора велят рабочим продавать чеки собственным компаниям, на других – скупщики сбиваются у проходной. И – мордобой, ругань, пьянство; скупщиков крышуют бандиты или милиция. И вот, поезда и самолеты везут людей с баулами, иных из них грабят или убивают бандиты, а скупщики спешат на биржи. И – разные прохиндеи сколачивают ЧИФы, от бывших космонавтов до вчерашних уголовников; и – сколько их исчезло, убежало вместе с чеками, и сколько украденных чеков перепродано на биржах? Страна, будто в чековой горячке. Чеки тысячами скупают красные директора, те самые, что в Верховном Совете клянут реформаторов. И – делят, рвут страну на части. Какие уж тут эффективные собственники, среди этого разора? Дележ, оргия приватизации, злоба – фантазмагорические картины...

Игорю вдруг захотелось принять участие. Как в некой мистерии...

Через два дня они с Олегом и с охранником Сергеем садились в поезд. Поезд был старый, грязный, как в Гражданскую войну, и страна за окном – темная, убогая, бесконечная, станции, полустанки, утонувшие в снегу деревушки. Игорю почему-то представлялся Беломорканал. Из тамбура несло воню, в купе тяжелый амбре исходил от двухнедельных невымытых Олеговых носков.

В Пореченск приехали утром. Никто их не встречал. Взяли такси, одиноко стоявшее у вокзала, чтобы добраться до единственной в городе гостиницы.

- Что тут у вас? – спросил Игорь у таксиста. – Грязно. Темно. После Москвы, будто на том свете, хотя и Москва сейчас – тоже...

Не слышали, как идет приватизация на алюминиевом заводе?

- Как же, охотно отвечал таксист, - я сам там раньше работал. Только город захватили бандиты. Везде они, у городского головы в кабинете сидят. Директор завода вчера застрелился. Застрелил Хромого – это главбандит был – и сам... Не выдержал. Беспредел полный...

Тут из Москвы прислали. Подколзин Геннадий Иванович. По радио выступал. Приглашал нести чеки. Машину поставили прямо у проходной. За каждый чек пятьсот рублей, или две бутылки водки, на выбор.

- И что брали?

- Водку, конечно... Похороны завтра, город весь пьяный, у бандитов сходяк, нового будут выбирать, прокуроры должны приехать из Москвы, милицию нагнали...

Представляете, две процессии сразу – на одном кладбище – директор и Хромой. Страх... Я велел жене сидеть дома и детей не пускать..

- А... «Московские приватизационные технологии». Бывшие офицеры спецслужб. Они теперь хозяева...

В маленькой и грязной гостинице, где обычно было пусто, царил необычайная суеда. Все перешептывались, о чем-то возбужденно рассказывали друг другу, махали руками, ссорились, прямо посреди холла стояло ведро с грязной водой, а администратор за стойкой так увлеклась разговором, что не обращала ни малейшего внимания на Игоря с Сергеем и Олегом.

- Представляешь, записка, - говорила администратор подруге. – «Полный беспредел. Сил больше нет терпеть. Все, что было святое, чему жизнь отдал. – Прошу милицию и прокуратуру... Дожили. – А ведь еще недавно на трибуне стоял. речи говорил. Горбачева он не любил. Кто бы мог подумать, что так пойдет? – отвечала подруга.

- И опять дерутся. И этот чеченец...

В этот момент администратор заметила приехавших.

- Вы к нам? – словно проснулась она. – Тут такое. Уезжали бы поскорее.

- Очень вы гостеприимная, - попытался разговорить ее Игорь. – Вам бы радоваться гостям.

- Да какое тут радоваться, - замахала руками администратор. – Я вам искренно советую. Уезжайте. Здесь, - она понизила голос до шепота, - здесь сходняк будет. И похороны. Сразу директора завода и... - она не знала, как сказать.

- И авторитета местного, - подсказала подруга.- А вы насчет приватизации, что ли?

- Что ли, - подтвердил Игорь.

- Ой, не ко времени, не дай бог что, - стояла на своем администратор.

Когда, наконец, разместились в номерах, Игорь распорядился: - Олег, сходи-ка ты к родственникам, узнай, что происходит, стоит ли нам здесь оставаться? А мы с Сергеем пока прогуляемся. Нас тут никто не знает. Это – самая надежная защита.

Через несколько часов Олег докладывал, что в городе только что закончилась война за завод. Партия бывшего директора сдалась. Приезжали гонцы и от братьев Черных, и от Спивака из Москвы. Подколзин – это его зам. Не простой человек, бывший полковник то ли ГРУ, то ли контрразведки – он сговорился с местными бандитами, а за теми – московские. Директор был не лыком шит и тоже искал покровителей, но не успел. Хромой грозился убить семью, ну вот он, директор то есть бывший, и не выдержал. Нервы... Гордость... Чеки у него из-под носа захватили бандиты. В девяносто первом во врем ГКЧП он телеграмму посылал поддержки. Ну вот, что его и подвело...

- Нам-то что теперь делать? – перебил его Игорь. – Что говорит родственник?

- Он говорит: уезжать. Сейчас не до того. Бандиты взяли верх. Подколзин их купил на корню это после него у директора случился срыв. Перед этим два аса кричали друг на друга. А потом вместо Подколзина пришел Хромой. Теперь все, кто был за директора, побежали к Подколзину – жопу лизать. А главбандитом будет Савкин. Этот еще хуже. Связываться с ним нельзя. Только недавно вышел из тюрьмы. Сидел за убийство.

Вечером того же дня, помыкавшись на заплыванном вокзале, Игорь с Сергеем садились в проходящий поезд. Олегу купейных билетов не досталось. Его отправили отдельно, в плацкартный.

Попутчики казались приличного вида. В огнях, с портфелями, в приличных костюмах, за ними следовал грузчик, который втащил два баула.

Едва поезд тронулся, один из них поставил на стол бутылку коньяка, а вслед за ней и водку «Смирнофф». Другой сидел, уткнувшись в газету. Игорь разглядел: он просматривал биржевые сводки.

- Коньячком побаловаться не хотите? – спросил первый.

- Нет, спасибо, отвечал Игорь. – Мы не пьем.

- А..., - обиженно хмыкнул мужчина. – Ну, как хотите, дело ваше. А мы выпьем. Коньячок, знаете, расширяет сосуды. Напиток богов.

- И снимает стресс, - подсказал второй, не отрываясь от газеты.

Они выпили по полстакана, закусили колбасой, снова налили и, очевидно, им захотелось поговорить.

- Акции решили прикупить? Поучаствовать в приватизации? – ласково спросил первый.

- С чего вы взяли? – удивился Игорь. – На нас вроде не написано?

- Пореченск – городок маленький, - рассмеялся мужчина. – Тут все на виду. Сразу видно, что не местные. К тому же останавливались в гостинице. Вы нас не заметили, вы – собой заняты, а вас тут сразу просекли.

И вот приехали, узнали, что директор застрелился и – назад. Да и зачем бы вам еще приезжать? Чай, не курорт. Это раньше, при царе, места тут были целебные. Маслом, да сыром славились. А теперь – грязь да нищета. Все кругом болеют алюминозом. Один заводик, да и тот на ладан дышит.

- Вот этого я не знал, что на ладан, - сознался Игорь.

- Сыр-бор из-за завода, а до производства никому нет дела. А ведь все устарело. Дымит-пыхтит-отравляет. Опять же толлинг.

- Как вы сказали? – не понял Игорь.

- Толлинг, пояснил мужчина. – Завод сырье перерабатывает. И только. А все денежки оседают за границей. Думаете, это просто так? Здесь такие интересы сошлись.

- А вы, нужно полагать, имеете прямое отношение к приватизации? – осторожно спросил Игорь.

- Мы? – чуть пьяно ухмыльнулся мужчина. – Мы – прорабы... Этой самой приватизации. Чеки возим. Ликвидный товар, - он кивнул на свои огромные баулы. – В Москве нас встретят. Не самим же таскать. Бизнес.

Они помолчали, допили коньяк и перешли к водке.

- Афера, - заговорил вдруг второй, молчаливый, как окрестил го Игорь, что сидел, уткнувшись в газету.

- Что афера? – не понял Игорь.

- Эта самая ваша приватизация. Обман. Вот посмотрите. Дед мой ни за что десять лет оттрубил по лагерям. Подозреваю, что дед был ни при чем, случайно влип, как говорится, ничего личного, тенденция такая, людоедам требовалась рабсила. А дед мой или кто другой... Главное, чтоб боялись. Так вот: Норильск строил. Горький, помню, что-то писал, детские письма собирал... Сукин сын пролетарский... Буревестник... Бля... Десятки тысяч угрожали. А достанется кому-то одному. Ну, нескольким... вот она, справедливость...

Или вот картинка. Городок вроде этого, такой же грязный, немытый, Россия, одним словом, человек купил акций двадцать пять процентов плюс одна, все как положено, приезжает, а там такой же заводик, дымит-пыхтит, только не алюминий, черный металл, хотя все равно, какая разница, дело-то не в этом. Приехал к директору, он же акционер, а его дальше ворот не пускают. Он в милицию, в прокуратуру, он же серьезный человек, при деньгах, цеховик бывший, такие теперь в почете, и что? Везде – футбол. Нет концов. Попытался в суд – реестродержатель выписку не дает. И что делать? Идти к бандитам? Так ведь городок небольшой, главбандит – двоюродный брат директора. Словом, Данилевский, может помните, макулатурная была книга. Вот, век прошел, революция, война, опять революция, или как это там, уж и не знаю, как назвать, а – в России все то же. Нет закона. В общем, продал он свои акции и рад радешенек. Вот вам и весь сказ. Беззаконные мы...

- И куда вы чеки свои везете? На биржу? – вернулся к прерванному разговору Игорь.

- Когда как, - отвечал первый. – У нас заказчики. Много. Те же «Московские приватизационные технологии». Гэбэшная-бандитская фирма. Но – платят. А мы – возим.

Они допили водку, и он снова заговорил:

- Тут такое, без коньяка не разберешься. В крайнем случае – водки. Война. «Люди гибнут за металл», - пропел он фальшиво. – За металл.

- Вот. Все хотят акции, чеки, - второй явно начинал хмелеть. – А для чего хотят? Зачем? Обман. Только для сильных. Для своих. Избранных... Взять власть и поделить государство.

- Тут, знаете, кланы, связи, тут такие силы сошлись, - снова вступил в разговор первый. – «Мало какая птица долетит до середины Днепра». – Мало кто приватизирует и не поперхнется. Вот, слышали небось, Бардельников, нефтяной генерал.

- Да, слышали, - кивнул Игорь.

- А как он свою Сибирскую нефтяную компанию приватизировал, слышали? Нет? Он загодя за два дня до собрания железную дорогу перекрыл. И аэропорт тоже. Чтоб ни один чужой, ни под каким видом. Вот она, новая элита.

А вы интеллигент-одиночка, по-западному мыслите, либерально. Водку не пьете...

Они улеглись и тут же уснули. Игорь же не мог уснуть, ворочался, думал. Ему казалось странно, что эти два человека, бывшие научные сотрудники из какого-то НИИ, могут так пить, почти не хмелея и, с таким скепсисом относясь к приватизации, не веря ни в какие реформы, в то же время торговать чеками. Вскоре Игорю стало казаться, что их не два человека было, а четыре и он заснул.

Утром чековики, как он их мысленно назвал, тяжело и долго просыпались, кряхтели, ругались и мечтали о рассоле или соленом огурчике. Игорю стало неприятно и он вышел с Сергеем в тамбур. А эти двое в самый последний момент выволокли свои баулы и, не попрощавшись, сошли с поезда. Игорь с Сергеем обогнали их. Игорь оглянулся: он отметил: у них были сильно измятые, невыспавшиеся лица. К ним уже спешили грузчики.

Позже Игорь часто вспоминал их слова: «интеллигент-одиночка, по-западному мыслите, либерально, а тут, знаете, кланы, связи, тут такие силы сошлись» - это звучало, как свидетельство его профнепригодности, как роковая метка. Не только знаний не хватило, но – характера, связей, крутизны. Из первых кооператоров, с кем Игорь начинал – это были медики, в основном интеллигентные люди – никто не преуспел. Одни уехали, другие со временем ушли из бизнеса, кто-то умер или исчез неизвестно куда, на сцену вышли другие, более приспособленные, но и эти... И они не удержались. Жестокий естественный (если это можно назвать «естественным») отбор. Побеждал мало кто из его круга: все бывшие и нынешние чиновники, директора, силовики, спекулянты. Бизнес требовал отнюдь не лучших человеческих качеств. Требовалось душу принести в жертву русскому бизнес-богу. Жестокому, лицемерному богу. Совесть и честных этот бог терпеть не мог. Но это все он понял потом, позже...

После Пореченска Игорь окончательно потерял интерес к приватизации, наблюдал со стороны – о приватизации регулярно писали, трещало телевидение: начавшиеся аукционы неизменно сопровождались скандалами. По отзывам, аукционы похожи были на прежние совковые очереди, только вместо тряпок и колбасы выдавали красивые бумажки, не имевшие никакой цены. Кто был ничем, тот ничем и оставался.

Идти следовало иным путем. Игорь давно мечтал создать банк. Но если раньше это были пустые мечты, ничем не обеспеченные, то теперь у него были деньги. Много денег. Быть может, недостаточно для банка, но стоило ему захотеть, денег могло стать в несколько раз больше. Центробанк запустил станок и денежная масса множилась, переливалась через край и, стоило только включить рекламу, повернуть кран и – потоки денег текли в «Кредитную контору».

Увы, Игорь не был готов. Он не знал ни банковское законодательство – да его и не было еще, - ни рутинную банковскую работу, не умел оценивать риски, не знал, как выйти на Межбанк, на валютную биржу, у него не было нужных людей, все, что он знал и умел – обналичка. Не он один, всюду множество появилось дилетантов. Фирмы, биржи, банки во множестве возникали и лопались, словно мыльные пузыри. Он был предприимчив и энергичен, но ему необходим был наставник. Он готов был учиться, хотел, но требовался человек, который научил бы его, который смог бы зарегистрировать банк и привести команду. Команду, – ведь вокруг были одни дилетанты. Через год или несколько лет, обрasta знаниями, связями, Игорь смог бы выстроить холдинг. Начать скупать активы. Но это – позже, требовалось подучиться – заработать побольше денег.

Но где взять такого человека? Все дельные, все умелые - все были пристроены, да и мало кому из них можно было доверять. Когда-то у Игоря был знакомый экономист Гуревич, тот в свое время интересовался Демпартией, но где он сейчас? Игорь попытался отыскать телефон, но нет, за несколько лет все перевернулось. Были в прошлом и еще люди, но Игорь плохо их

помнил и не знал, где найти, а главное, годятся ли они? Пойти в Плехановский университет или в Финансовую академию? Бедствующие профессора едва ли откажутся. Но – он вспоминал Антонов и Усова. Да и с улицы не совсем удобно. Словом, он пошел по линии наименьшего сопротивления: Максим. Сам Максим в учителя не годился, он даже институт не закончил, сидел в академе, вечный студент, но у Максима через «Коммерсант» имелись серьезные знакомые. Знакомые Максима учились в Финансовой академии, кто-то даже в аспирантуре. Вот они могли бы привести человека. Игорь к ним и обратился и через пару недель они действительно рекомендовали – Александра Канокова.

Александр Каноков оказался совсем молодым человеком лет двадцати шести – это было время исключительно молодых и ранних, иных не было – недавний выпускник Финакадемии, симпатичный, с легкой рыжиной, какая бывает у кавказцев, интеллигентный с виду, веселый, разбитной, в свои двадцать шесть Каноков уже заведывал департаментом в «Мосбанке». Разве это не рекомендация? И приехал на «Мерседесе». Он сразу понравился Игорю.

- «С молодым будет легче», - решил он.

Александр Каноков не собирался уходить из «Мосбанка»: там хорошая крыша из ФСБ и солидные деньги, и ребята все свои.

- «Я, когда зарегистрируемся, приведу своих ребят, все из академии, грамотные, надежные, - обещал Каноков. Это важно сейчас, что свои, мы ведь не всегда и не все делаем по правилам. Сейчас время такое, что главное – деньги. А свои ребята прикроют. И я их. У нас много где своя рука. Без своих людей, без связей наверху не пробьешься, - слова эти звучали для Игоря музыкой, Каноков казался билетом в иной мир, высший, куда раньше у Игоря пропуса не было. Правда, иногда, еще в бытность Игоря кооператором, приходили люди из этого мира, предлагали кредиты, выход на Терещенко, или доступ в Торговую палату, но это скорее по ошибке, они принимали Игоря за другого, за миллионера, за вертного-перевертного, или, наоборот, дурака, но он не был ни миллионером, ни вертким-перевертным. То было странное время – перестройка, - когда все перемешалось и перепуталось, и прежде наглухо закрытые двери приоткрылись. Сейчас же все это, кажется, было близко, очень близко. – «Да, именно такой мне и нужен. Деловой. У которого есть покровители, - думал Игорь. – Только бы не кинул. За таким нужен глаз да глаз».

Однако как он станет в будущем контролировать Канокова, Игорь пока не придумал. Вместо этого он стал излагать свои планы.

- Я бы хотел создать серьезный банк, немаленький, - мечтательно говорил он. – На первом этапе я бы взял на себя обналичку. Ну и заодно подучиться, как еще можно делать деньги. Кстати, не могли бы вы порекомендовать преподавателя – несколько лекций, бесед по основам экономики. Как все это работает?

- Деньги сейчас делаются из воздуха, - засмеялся Каноков. – Тот же Межбанк. Или просто уйти в доллары. Или в недвижимость. Сейчас любой бывший двоечник умеет больше, чем серьезный профессор. Купить дешевое, продать дороже, вот и вся наука.

- Нет, я хочу знать процесс. Не только эмпирику. Но и детали, базис.

- Хорошо, - согласился Каноков. – Если потребуется, мы подыщем вам профессора. Профессорам тоже нужны деньги.

Мы много чего можем, - продолжал Каноков. – Банк, страховую компанию, ПИФ, ЧИФ. Сколько вы готовы вложить зеленых?

- А сколько нужно? Сто тысяч, пятьсот? Зеленых немного, но я знаю, где их взять.

- Нуу-хау, - это хорошо, - одобрил Каноков.

- Да какое там нуу-хау, - усмехнулся Игорь. – За управление вы получаете двадцать пять процентов. Пойдет? - А давайте так, - тотчас сориентировался Каноков, - нам двадцать пять процентов, как вы сказали, в пределах ста процентов годовых, а что больше, будем делить пополам.

- Но ведь инфляция больше тысячи процентов годовых, - возразил Игорь.

- Хорошо, давайте после двухсот процентов, - предложил Каноков. – Мы крысятничать не будем. Все честно.

- Хорошо. Кто не рискует, тот не пьет шампанское, - согласился Игорь. – Только давайте не тянуть.

– Ладушки, - обрадовался Каноков. – Банк зарегистрировать пара пустяков. Сто тысяч баксов, вот вам и банк. Их знаете сколько налепили в последнее время? регистрируют – и крутят бабло. Те же кредиты от Центробанка. Три с половиной триллиона только за лето. Неплохо? Надо будет прикупить акций. Какой-нибудь заводик. А под заводик – кредит. Это – дело техники. Главное, чтоб свои люди. Сейчас многие так делают.

- Кредит ведь нужно возвращать? – хотел спросить Игорь, но Каноков опередил его: - И возвращать не обязательно. Или через полгода-год, когда эти деньги превратятся в копейки. Сейчас главное – связи. Или откаты. В мутной воде рыбка замечательно ловится. Весь бизнес у нас теперь – присосаться к государству.

- А как вы насчет реформ? Как вам видится перспектива?

- Пока они дерутся, - Каноков поднял глаза к потолку и засмеялся, - нам лучше всего. Вы видели последнее заседание правительства?

- Да, - кивнул Игорь.

- Люди, кто не в курсе, может и не поняли. Постановка исключительно для народа. Ельцин весь кипит от возмущения, щеки надувает. Втык Нечаеву²²⁹ за эмиссию, а деньги раздавал Геракл²³⁰. Раньше-то где был? Спал полгода? Или только надоумили? Это как: бей своих, чтобы чужие боялись? Или – дураком? Все невпопад делает? Экономика – это не Ипатьевский дом снести.

А Черномырдин? Этот с утра рыночник, монетарист не хуже Гайдара, зато по вечерам кредиты раздает. Больше всего родному и любимому ТЭКу²³¹.

А Верховный Совет? Тот же Хасбулатов, хоть и доктор экономических наук, но ему все равно. Он – калиф на час, ему – директорам угодить, они же там у него и заседают. Лебедь, рак и щука.

Понимаете, они монетаристы, наши реформаторы, макроэкономисты. Их конек процентные ставки, денежная масса, формулы; микроэкономика, то есть предприятия, их не интересует. В принципе. Выживут, хорошо, не выживут, ну бог с ними. Купим за границей. Никакой промышленной политики у них в головах нет. Да у них и сил на нее нет, и времени. Их всего-то несколько десятков на страну. Они думают, рынок все расставит по местам. Так у нас пока бардак, а не рынок.

По хорошему, нужно бы определиться, что банкротить, чем пожертвовать, что обязательно сохранить, куда привлекать иностранцев, что в первую очередь модернизировать. Реформы нужно было готовить годы, а так – случайный отбор. Приватизация позволит запустить биржи, создать финансовую систему, внедрить частную собственность, породит несколько тысяч миллионеров, но промышленность добьет.

Реформы – это баланс интересов и взглядов. А у нас баланс кривой.

- Так вы за Верховный Совет? Против Гайдара?

- Я? Нет. Но на съезде сидели директора. А перед ними человек, который на заводе никогда не был, кабинетный ученый. Верховный Совет не изменился. – Так кто же прав?

229

230

231

- У каждого своя правда. И своя неправда. Демократия – это большая драчка. Мы очень долго собирались делать реформы. А теперь – цейтнот, теперь все вкривь и вкось. Теперь спасайся кто может. Корабль идет по дну, а пьяная команда дерется.

Нам сказали: «обогащайтесь». «Хватайте». Ну вот мы и хватаем. Не мы, так другие. А они пусть дерутся. Я вам больше скажу. Эти реформы, либеральные, готовили под патронажем КГБ. Там понимали: система идет вразнос и готовы были ухватиться за соломинку. Вы думаете, про семинары, которые организовывали Чубайс и Гайдар, в КГБ не знали? Они же, может, и отчеты писали.

- «Он умный, очень даже умный, образованный и циничный», - отметил про себя Игорь. – И – кого-то слушает. Не все сам, в своем возрасте. Но наши интересы пока совпадают».

- Интересно, кто ваши родители? – спросил Игорь.

- Отец – директор завода. В Нальчике.

- Когда вы сможете зарегистрировать банк?

- Недели две у меня горячие, а потом займусь. Или поручу ребятам, - пообещал Каноков.

Увы, на этом все и закончилось. Ни через две недели, ни через три Каноков не объявился. И телефон его не отвечал. Пришлось снова обратиться к Максиму. Тот обещал узнать.

Наступил конец марта. Месяц минул драматичнейший, так что не до банка – противостояние между президентом и Верховным Советом грозило обернуться Гражданской войной. Игорь, как и все, проводил вечера перед телевизором: на кону казалась судьба реформ. В считанные дни промелькнули два съезда нардепов, восьмой²³² и девятый²³³ – обиженное, униженное лицо Ельцина и злые, торжествующие депутатов и Хасбулатова, - экспромт Ельцина «Об особом порядке управления страной»²³⁴, тотчас получивший название «ОПУС»; грандиознейший митинг демократов, последний на многие годы²³⁵, состоялся на Васильевском спуске и – в противовес, митинг «Трудовой России». Импичмент Ельцина²³⁶ не удался. Все кончилось референдумом²³⁷, но, как оказалось, это была лишь короткая отсрочка. Двоевластие не могло разрешиться мирно. Прошлые и будущие не могли не сойтись в кровавой схватке.

Среди этой кутерьмы Максим и принес известие: Канокова арестовали. Якобы за чеченские авизо²³⁸.

- Вы слышали про Гайтукаева? – спрашивал Максим. – Его в июне прошлого года задержали. По фальшивым авизо они вывезли в Чечню миллиарды рублей. Думали, что он нарко-

²³²

²³³

²³⁴

²³⁵ Митинг и демонстрация в поддержку Бориса Ельцина был организован 84 демократическими партиями и движениями 28 марта 1993 года и собрал более 100 тысяч человек. Первоначальным местом сбора демонстрантов была Триумфальная площадь, откуда демонстранты двинулись по Тверской на Манежную площадь, затем на Лубянку, на Новую и Старую площади и на набережной Москвы-реки прошествовали на Васильевский спуск. К демонстрантам обратился президент Ельцин. Среди выступавших были Гавриил Попов, Егор Гайдар, Елена Боннэр, Сергей Филатов, Лев Пономарев. Это был последний из серии «больших» демократических митингов. Следующий сотысячный митинг состоялся только в декабре 2011 года на Болотной площади.

²³⁶ Голосование по импичменту Б.Н.Ельцина состоялось на IX съезде Народных депутатов. За импичмент проголосовали 617 депутатов, против – 268; так как для отстранения президента от должности требовалось большинство в 2/3 голосов, для импичмента не хватило 72 голоса. Согласно более поздним откровениям генерала Коржакова, на случай вынесения импичмента Главное управление охраны по приказу Б.Н.Ельцина готовилось к разгону съезда.

²³⁷ IX съезд принял решение о проведении референдума 25 апреля 1993 года. Первоначальная идея референдума принадлежала президентской стороне, однако вопросы были сформулированы и утверждены съездом: о доверии к президенту, об одобрении его социально-экономической политике, о необходимости проведения досрочных выборов президента и о необходимости проведения досрочных выборов народных депутатов.

²³⁸ В 1992-1994 годах с помощью фальшивых авизо (документов на перечисление денег), поступавших по большей части, но не только, из девяти чеченских банков – всего, по данным МВД 489 авизо на сумму более 1 триллиона рублей, были перечислены и обналичены в различных банках и РКЦ (расчетно-кассовых центрах) сотни миллиардов рублей. Большая часть денег была в виде наличности вывезена в Чечню. Операции с «чеченскими авизо» могли осуществляться только при наличии соучастников в системе ЦБ РФ и в различных коммерческих банках.

торговец, а оказалось – авизовщик. Очень выгодный бизнес. Им многие занимаются. Центробанк на этом потерял триллионы. Гайтукаевцы деньги грузовиками вывозили. И еще поставили в каком-то московском дворе огромный мусорный контейнер для денег.

- И Каноков?

- Говорят, «Мосбанк» тоже оказался задействован. Там целая цепочка банков и РКЦ. Канокова заподозрили, будто он обналичивал. Хотя, адвокат говорит, что у следствия нет доказательств. Это в Центробанке прошляпили, или – нарочно. Рассказывают, будто эти деньги пошли на оружие, на киллеров, а больше всего на приватизацию. И будто кризис наличности из-за фальшивых авизо. А Канокова, скорее всего, должны выпустить.

Игорь уже ничему не удивлялся. Любого мог ли убить, или арестовать и любой мог оказаться связан с криминалом.

Глава 17

Время – страшное, темное. Семнадцатый год наоборот. Чуть ли не каждый день сообщали об убийствах или похищениях. Но Игорь не замечал. Это потом, задним умом, сны видел. Словно бежит по тонкому льду. Лед проваливается, трещит, чтобы спастись, требовалось бежать все быстрее, быстрее – впереди маячила надежда, сзади – полынья. Полынья все больше ширилась. Но это – потом, потом, когда все закончилось, когда он на время расслабился.

Неприятности сгущались постепенно, будто тучки на горизонте перед грозой.

Только в марте – уже больше полугода прошло с момента покупки квартиры, Игорь, наконец, уговорил

Ничего не подозревая, Игорь отправился в паспортный стол. И вот тут только выяснилось, у паспортистки, что Степная с Травкиным по-прежнему прописаны в квартире, а потому

- Ну так выпишите, - повелительно сказал Игорь. – В чем вопрос? Квартира моя и ни мне не нужны.

Паспортистка с сожалением и, показалось, даже с сочувствием, посмотрела на Игоря.

- Вы будто с луны свалились. Не положено. Пусть сами придут. Разве что только по суду.

- А право собственности? – запальчиво спросил Игорь. – В других странах вообще нет прописки. Это что-то от крепостного права.

- То в других странах, - насмешливо возразила паспортистка. – В цивилизованных. А у нас никто не отменял. Вы, бизнесмены, очень быстро все хотите. Вы, конечно, можете пойти к начальнику. Только зря.

Игорь, однако, пошел. К начальнику паспортного стола, мордастому подполковнику, пришлось выстоять длинную очередь. Наконец, измучившись от ожидания и духоты - он уже пропустил важную встречу – Игорь вошел в кабинет.

- Петр Иванович, - с ходу возбужденно начал Игорь, - тут какое-то недоразумение. Я купил квартиру, я даже не думал проверять, считал, что это автоматически происходит, а оказалось, бывшие продавцы по-прежнему прописаны. Мне нужно срочно прописать.

А паспортистка отказывается.

- Вы бизнесмен? – с интересом спросил Петр Иванович. – Не ожидали, что у нас такой домострой?

- Бизнесмен, - подтвердил Игорь. – Не ожидал, честно говоря. А почему вы подумали?

- По манерам вижу: не простой. Другие приходят, просят. Правы, не правы, а просят. Знают, что начальник всегда прав. А вы требуете. Или на равных. Будто в какой другой стране.

К сожалению, не могу ни прописать, ни выписать. Закон не позволяет.

- Петр Иванович, я готов заплатить пятьсот долларов, - предложил Игорь. – Закон этот, сами знаете, пережиток.

- Да? Вы, я вижу, нормальный мужик. С пониманием. Но я в самом деле не имею права. У меня есть знакомый судья, через нее я мог бы вам помочь.

- Это долго будет тянуться?

- Займет несколько месяцев. Но другого выхода нет.

- Я попытаюсь договориться с бывшей хозяйкой. У меня с ней неплохие отношения. Если не договорюсь, очень надеюсь на вашу помощь.

Чтобы Петр Иванович его не забыл, прощаясь, Игорь вручил ему стодолларовую купюру.

- Хорошо. Приходите. Постараюсь, - заулыбался Петр Иванович.

Со Степной у Игоря в самом деле были неплохие отношения, даже несмотря на то, что она отказалась ехать в опеку. Раз в три месяца Степная вместе с сыном приезжали из Тульской области в «Кредитную контору «Полтавский» получить проценты. Они явно были довольны: всякий раз заходили к Игорю в кабинет поблагодарить. В последний раз они приезжали всего несколько дней назад.

- Как дела, Надежда Сергеевна, фермерствуете? – поинтересовался Игорь. Он усадил их в кожаные кресла, подаренные недавно Сергеем с Октябрьского поля, и велел Лене принести чай с пирожными.

- Нет, не получается пока, - вздохнула Степная. – Родственников много, целая ООН наберется, всем подарки сделали. На хозяйство теперь не хватит.

- Хоть дом купили? – Степная собиралась это сделать. Продавая квартиру, рассказывала, что дом уже присмотрела рядом с родителями. И еще другой, дедов, в Диктатуре почти за бесценок.

- Живем пока у родителей. Заодно и смотрю за ними, - отвечала Надежда Сергеевна.

- А Сережа где работает? – продолжал расспрашивать Игорь. Он ощущал себя почти другом семьи.

- Пока не работает. Из-за армии, - пояснила Степная. – Хотим пристроить в милицию. Там и отец Сережин работал, и друзья отцова остались. И бронь будет.

Игорь подумал, что, может быть, стоило бы пристроить Сергея на фирму. Преданный человек не помешает. Но решил пока не спешить. К тому же и Степная с Травкиным ни о чем таком не просили.

- Фермерствовать не передумали? Как теперь в деревне? – Игорю было очень интересно.

- Не знаю, прямо, - отвечала Степная. – Брат у меня фермер свиней выращивает. Работа тяжелая. В четыре часа встает, а прибыли никакой. Одни перекупщики процветают. Азербайджанцы да цыгане. Подпольный цех открыли.

- А фермеры почему не организуются? Не создадут кооперацию? – недавно Игорь прочел в «Известиях» статью о Гаянове²³⁹, известном ученом-агрии, развивавшем идеи кооперации в сельском хозяйстве. – Почему не организуют совместную переработку? Магазины?

Степная посмотрела на него, как на лунатика. Какая переработка? Какие магазины? Какой Гаянов?

- Да вы что, Игорь Григорьевич? Вот если бы приехал кто. А так, убьют или пожгут.

- А выгодно это?

- А кто же знает? Не считали. Наверное, выгодно. Цыганам выгодно. Н рынок возят. Перерабатывают там же в деревне. Дом купили. Они вместе держатся, друг за дружку, а русские по одному. Наши же и перерабатывают, за водку или наркоту.

Лена принесла чай с пирожными и Игорь прекратил расспросы. Ясно стало, что ни в какие фермеры. Степная с сыном не годятся. Да кажется уже и не собираются. Хорошо еще, что деньги у Степной лежат под приличный процент в «Кредитной конторе». А что потом?

- Надежда Сергеевна, вы дом быстрее покупайте, не откладывайте. Пока есть деньги, - посоветовал Игорь.

Теперь, узнав, что Степная с сыном не выписались из квартиры и что это может иметь серьезные последствия – формально они имели даже право вернуться. – Игорь забеспокоился. Тем более, что не было разрешения на сделку из опеки. Он набрал номер родителей Степной и попросил ее к телефону.

- Здравствуйте, Надежда Сергеевна. Это Игорь Григорьевич.

- Здравствуйте, Игорь Григорьевич, - голос Степной звучал приветливо, но в то же время Игорю послышалось в нем беспокойство. – Что-нибудь случилось?

- Нет, все нормально, Надежда Сергеевна. Я звоню, - он слегка запнулся, - я хотел попросить вас с Сережей... побыстрее выписаться. Я не могу прописать.

- Игорь почувствовал, что волнуется и что голос его дрожит.

На том конце провода тоже заволновались.

- А куда же нам выписаться?

- К родителям.

- Сережу в армию заберут.

- Вы же хотели устроить его в милицию.

- Некуда нам сейчас выписываться, - голос Степной стал злым.

- Надежда Сергеевна, я же вам полностью заплатил, - не выдержал Игорь.

Но Степная была в панике, она, похоже, ничего не хотела слышать:

- Некуда нам, - твердила она.

- Надежда Сергеевна, купите дом, - Игорь начинал терять терпение.

Ответом ему было молчание.

- Надежда Сергеевна, это ваши проблемы, - не выдержал он. – Вы знали на что шли.

- Нет, это ваши проблемы, - взвизгнула она в своей Тульской области.

- Ах, так, - Игорь почувствовал, как бьется у него сердце. Он терял над собой контроль.

– Надежда Сергеевна, пока не выпишитесь, не получите проценты.

Испуг на другом конце провода: он почувствовал это кожей. И вдруг горячая волна ненависти:

- Будь ты проклят!

Игорь положил трубку. Теперь нужно было идти к Петру Ивановичу. Но дел на фирме было невпроворот, не оставалось ни одной свободной минуты. И – не хотелось судиться, а потому он не спешил начинать войну. Мало того, успокоившись, он попытался решить дело миром – послал Степной письмо с предложением прислать в Москву и обо всем договориться. Но ответ от Степной он так и не получил.

... Рулетка. Иной раз и угадать было нельзя, что тебя ждет завтра. Можно было выиграть миллионы и следующим ходом потерять жизнь, деньги, квартиру, свободу... Игра без правил. Русская рулетка...

Вадим Петренко. Игорь ничего не заподозрил. И не мог. И сам Вадим. Не мог знать, что предназначен на заклание. Лишь лет через пять с лишним, после дефолта уже, Игорь узнал от Светланы Кленской...

Да, Петренко, Спивак, Рохлин, приватизация...

Россию все время трясло. Почти без передышки...

Вадим Петренко позвонил в марте.

- Где ты теперь? Все также помощником у Спивака? – с ходу спросил Игорь.

- Нет, бери выше, - похвастался Вадим. – С одной стороны, помощник, по-прежнему. В Российских приватизационных технологиях. Там все о'кей. Скоро и банк открывают, один из крупнейших: Российский Кредитный Банк. А с другой, директор конторы вроде вашей.

- И много он тебе платит?

- Пятьсот долларов.

Игорь позавидовал. Он себе и близко такое позволить не мог, платить сотрудникам по пятьсот долларов.

- И чем ты сейчас занимаешься?

- Создаю филиальную сеть. Кредиты там, деньги физ.лиц, а больше всего чеки. Спивак скупает активы. Кстати, Игорь Григорьевич, я и вам хотел предложить работать с нами. Мы – это «Российская финансовая группа».

- Громко. А что вы мне можете предложить?

- Все, что вы имеете, обналичку там, или еще что, все остается у вас. А деньги размещаете у нас. И, главное, чеки. Естественно, с каждого чека вы что-то будете иметь. Плюс обеспечение безопасности. Сами понимаете, против комитета никакие бандиты не страшны.

- А размещать как, под векселя?

- Нет, у нас кредитные договоры. Мы кредиты проводим через целую цепочку фирм.

- А это еще зачем?

- Говорят, от налогов. Я еще не врубился. Мне, в сущности, все равно. Я далеко нос не сую.

- Я подумаю, - обещал Игорь. На самом деле это было вежливое «нет». – А вот чеки продавать – это можно. Я знаешь, привык работать с векселями.

- При случае я поговорю со Спиваком, когда вернется, - обещал Вадим. – Но не думала.

- А где он сейчас, твой Спивак?

- В Африке.

- Интересно. Вроде Африка сейчас – это последнее место, куда нужно ехать деловому человеку. Неужели на охоте?

- Нет, бизнес. Вы и представить себе не можете.

- А ты?

- И я. Знаю только, что дело связано с Западной группой. Без деталей. Перед выводом ее из Германии можно было купить все. Оружие в первую очередь. Сами понимаете, бизнес выгодный. Сотни процентов.

- А как там Подколзин, Геннадий Иванович?

- Вы и его знаете?

- Слышал.

- Он, по сути, всем и заправляет. Тоже контрразведчик.

На том разговор и закончился. Несколько раз потом Игорь продавал Вадиму приватизационные чеки, бизнес был не крупный, чеков в «Контору» приносили немного и через некоторое время Игорь потерял Петренко из вида. И только в девяносто восьмом узнал от Светланы Кленской, что Вадима подставили. Со слов Светланы виноват во всем был Подколзин: он брал у Вадима деньги и не вернул, наоборот, велел похитить документы, Спивак, мол, был ни при чем – верилось, однако, с трудом – так вот, следствие так повернуло, что виноват во всем был один Вадим, его и посадили. Словом, история темная, каких много было в то время.

- «А ведь и со мной могло произойти то же самое, но и повезло, - подумал Игорь. – Хорошо, что я тогда не послушался Вадима. «Грант» отмахнулся от меня, как от назойливой мухи. А ведь тоже могли. Менты...»

... Главное, продолжались невозвраты. В марте – «Внешторг». Валентина Валентиновича как ветром сдуло. Игорь звонил много раз, но фирма исчезла. На двери весел замок, потом появились другие. Эти, новые, будто бы ничего не слышали про «Внешторг».

- Съехали ребята. На них рэкет наехал, - объяснял Олег Васильевич. – Сами объявятся. А не то из-под земли разыщу. Вы же взяли в залог свитера? Потерпите недельки три-четыре, - Бодров знал, что сколько веревочке ни виться, все равно будет конец, но оттягивал, что есть сил: пачку-другую денег успеть сунуть в карманы. Игорь уже догадывался, что дело идет к концу, но – не готов к увяз, весь. Он тоже оттягивал, судорожно искал страховщика, другого, вместо «Гаранта», он, сколько мог, оттягивал ссору. Войну. Понимал уже, что его кинули. Но еще надеялся. Ждал чуда.

По закону непогашенный вексель требовалось протестировать у нотариуса. Но законы легко пишутся, а тут, кажется, поднят был старый, царский, для вида слегка переделанный, только, как всегда, не подготовились. Нотариусы повально не умели. И не хотели. Не хватало какой-то инструкции.

За некоторое время до того Игорь нанял юриста, то есть не совсем юриста – все знающие юристы, а таких мизер, требовали бешеных денег, - но студента с юрфака Гену. Гена мало что знал, зато беспрекословно выполнял поручения. К тому же мог проконсультироваться в институте. Гена обзвонил всю Москву: нужного нотариуса он так и не нашел, тогда Игорю пришлось обратиться на МИБ – там хитрые ребята из кредитного отдела, за деньги подсказали: есть в Москве один нотариус, Шурайц, которая работает с биржей. Сама разобралась, что к чему, без всяких инструкций. Вот у нее Игорь и опротестовал свой первый вексель – Изотова. Теперь же послал по прежнему следу Гену. Этот вексель еще успели опротестовать, но – последний. Дальше Шурайц отказалась.

Между тем неплатежи продолжались. Следующий - «Гринтаун». Едва минул срок возврата кредита, Кубасов перестал выходить на связь.

О, этот спорт девяносто третьего года – взять кредит, не вернуть и спрятаться. Тысячи людей находились в бегах, скрывались в глубинке, меняли жен, уезжали за границу, иные исчезали навсегда. За неплательщиками гонялись бандиты, но нередко все происходило наоборот – должники «заказывали» кредиторов. Статистика заказных убийств зашкаливала за сотни или тысячи.

Игорь поручил Луцкову разыскать Кубасова, а сам с Геной отправился к Шурайц.

- Опять вексель? Не могу, - встретила она Игоря. – Нам запретили опротестовывать векселя.

- Кто? Почему? Как же теперь работать векселями?

- Не знаю. Ничего не знаю и знать не хочу, - она начала сердиться. – Письмо из Первой нотариальной конторы. Они у нас считаются главными. Пишут, что опротестовывать векселя только они. Монополи. Другие, мол, не умеют. Во избежание ошибок.

- Но это же... нонсенс.

- У нас все нонсенс, - Шурайц продолжала сердиться.

- Как Наташеньке вздумалось, так и будет. Идите к ним.

В первой нотариальной конторе стояла длинная, будто из советского времени, очередь. Далеко не все, и даже, наверное, мало кто пришел опротестовать векселя, но к нотариусам было не пробиться. С огромным трудом Игорь разузнал, что векселями занимается только одна нотариус, Шиндина, та самая Наташенька. Игорь срочно послал Гену купить дорогие духи и проскочил к ней без очереди.

- Наталья Михайловна, это вам. У меня вексель, если можно, я оставлю в очереди студента-юриста, у него доверенность. Нам с вами еще много раз придется встречаться. У меня много векселей. Я буду вам очень благодарен.

- Хорошо, оставляйте своего студента, - Шиндина была красива. Она мило улыбнулась и взяла духи.

- Спасибо.

- Не за что, - она сверкнула ровными белыми зубами.

Гена вернулся на фирму только в самом конце дня.

- Ну что, опротестовал?

- Нет. Она отказалась. Сказала, что не будет.

- Почему?

- Сказала, что не хочет. Она не только мне отказала. Там и еще были люди с векселями.

- И?

- Они пошли к заведующей. И я за ними. Но та сказала: «Если Наташенька не хочет, я не могу ее заставить». Говорят, у нее любовник в мэрии. Высокий чин.

- «О господи, - подумал Игорь, - только этого мне не хватало».- Не слышал, какие она берет взятки?

- Она не берет. Я случайно заметил объявление на стене. Есть коммерческая структура, которая этим занимается. Я зашел, спросил. Они там же сидят. Берут сто тысяч за вексель. Шиндина работает через них.

- Вот сволочь, - не удержался Игорь. – Взятки не берет! Это вам не торт для Шурайца. И ведь не обойти.

Действительно, другого выхода не было.

Между тем от Кубасова на имя Игоря поступило письмо.

«Уважаемый Игорь Григорьевич!

Прошу вас отозвать ваших бандитов, которые своими угрозами унижают мое человеческое достоинство. Из-за них я не могу нормально продолжать свой бизнес.

С уважением, Валерий Кубасов».

- «Вот сукин сын. И ни слова о деньгах. Будто так и надо», - Игорь был взбешен, уж он-то задал бы этому наглецу. Какое может быть человеческое достоинство у негодяя, который взял деньги и не хочет отдавать? Да таких не то, что бить, таких убивать нужно.

С письмом и с векселем Игорь кинулся в «Гарант» к Бодрову. Каково же было его изумление, когда, открыв дверь кабинета, он нос к носу столкнулся с Кубасовым. Тот сидел за столом Олега Васильевича и что-то печатал на его компьютере одним пальцем.

- Что вы мне письмо пишете? – зло выпалил Игорь. – Вас не только бить, вас убить мало. Мало того, что вор, так еще и наглец. Кредит вы отдавать собираетесь?

- Собираюсь, - спокойно ответил Кубасов. – А вы хоть знаете, кто эти ваши?

- Кто?

- Они на себя работают. Не на вас.

- «Пусть хоть морду набьют», - подумал Игорь.

- Пришли к матери, - продолжал Кубасов, - стали ей угрожать. Она старая, испугалась.

- «А вы где прятались в это время?» - хотел спросить Игорь, но в этот момент в кабинет вошел Бодров и стал успокаивать Игоря.

- Не берите в голову, Игорь Григорьевич. Все под контролем. Не нужно вам так беспокоиться.

- Не нужно? Но ведь срок прошел. Это не мои деньги: дедушек и бабушек. Если у него нет, возвращайте вы. Для того и ставили аваль. И что он здесь делает?

- Да не волнуйтесь вы так, - по-прежнему спокойно сказал Бодров. – Будут деньги.

- Если он такой честный, пусть бы хоть приехал, подписал вексель, - чуть успокаиваясь, сказал Игорь. – А то сколько денег ухлопали на нотариуса. А он бегаёт.

- Я не бегаю, - возразил Кубасов.

- Ну да, ему и моча – божья роса, - не удержался Игорь.

Кубасов обещал выплатить кредит в течение двух недель, но – снова исчез. А вслед за ним не вернули кредиты Мурашко и Болдырев. Но это уже перед самым референдумом, когда

телевидение непрерывно твердило «да, да, нет, да»²⁴⁰, а Игорь, обессиленный вернувшись с работы домой – узлы все сильнее затягивались, все туже – тяжело валился в кресло перед телевизором. Он хотел передышки, но передышка не наступала. Страна шла вразнос, и его бизнес – тоже.

С Болдыревым получилось иначе. Тот тоже не вернул деньги вовремя, но обещал. И в самом деле, назначил через две недели встречу у памятника Пушкину. Зачем? Игорь долго не мог понять. Разве что по просьбе Бодрова старался выиграть время. Но вексель его Игорь все равно опротестовал. Он уже никому не доверял.

Они встретились, пожали друг другу руки, Болдырев пригласил Игоря к себе в «Фольксваген». Игорь чуть заколебался, мало ли что, но вида не подал. В автомобиле никого не было.

- Вот платежка, - Болдырев долго искал, наконец, передал бумажку с длинной колонной цифр. Игорь, почти не глядя, вроде действительно номер банковского счета, взял платежку, снова пожал руку и пошел искать собственные «Жигули», где его ждал Толя.

- А я думал, вас похитили, что-то долго, - с видимым облегчением сказал Толя. – Думал, к ментам идти, или лучше к мамкиному Таризелу? Он в этих делах дока.

- Тебе бандиты, наверное, снятся, - усмехнулся Игорь, однако – и сам почувствовал облегчение.

В полной уверенности Игорь передал платежку Нине Ивановне.

- Через день-два придут деньги.

- Игорь Григорьевич, вас обманули, - Нина едва взглянула на платежку. – В номере счета ошибка.

- То есть деньги вернутся к нему на счет?

- Скорее всего, не уйдут со счета.

Вот только после этой странной встречи Болдырев исчез. За несколько дней до того Игорь заезжал к нему на склад. Склад был полон. Китайские игрушки разгружали с машины. Между рядами стеллажей расхаживала сестра Болдырева, крупная, видная деваха с сигаретой в руке. Она внимательно, оценивающе посмотрела на Игоря. Впрочем, он, кажется, не слишком ей понравился. Словом, ничто, казалось, не предвещало.

Ишь много позже, задним умом Игорь догадался, что Болдырев специально выигрывал время, чтобы вывезти свой склад. Значит, боялся? Или – шутил?

Почти в то же время, с разницей в несколько дней, сбежал в Америку Максим Литвинов. В феврале он вернулся и заходил на фирму, подарил Игорю галстук и запонки. Все вроде было у него хорошо. Торговал ли он сигаретами, привез ли их вообще из Америки, Игорь не проверял – не его это дело. Возвращать кредит Максим должен был в конце апреля.

Дней за десять до его отъезда задержался Саша.

- Игорь Григорьевич, Максим собирается в Америку. Он не собирается возвращать кредит. У него билет на двадцатое число.

- Ты точно уверен?

- знал от общих знакомых. Он девочек любит. Ну... смеялся, рассказывал. Одну приглашал с собой. Предлагал визу сделать.

- А ты? То ты его приводишь, ругаешься за него, то, наоборот, выдаешь. Он тебе не заплатил, что ли? В чем твой резон?

- Да нет у меня никакого резона. Просто – гад, сволочь. Если хотите, я могу его заменить. Хоть отберете деньги. Если улетит, не вернется. Он там грин кард оформляет.

- Сигаретами он торгует?

- Насчет сигарет, правда, не знаю.

- «Завидует, - подумал Игорь. – Что-то не поделили, - однако, в самом деле, нехорошо было, что Максим собрался улетать чуть ли не накануне срока возврата кредита. Игорь стал звонить Максиму домой, но того не было. «Не знаю где», - сказала мать.

Игорь попытался предупредить Бодрова.

- Олег Васильевич, меня предупредили, что у Литвинова билет в Нью-Йорке на двадцатое число. Не может ваша служба безопасности узнать? Если да, его нужно задержать. Иначе кредит... того.

- Он же ваш человек? – недовольно спросил Бодров.

- Да какой он мой? Обыкновенный заемщик. Это вы должны были его проверить.

- Хорошо, пошлем, обязательно, у нас там все схвачено, в Шереметьево, - пообещал Бодров и, конечно, пальцем не пошевелил. Как потом уже выяснил Игорь, никакой службы безопасности у «Гаранта» не существовало. Никого, кроме двух охранников.

Накануне срока возврата кредита Игорь снова позвонил к Максиму домой. И снова к телефону подошла мать.

- Максим в Нью-Йорке, сообщила она.

- Надолго?

- Не знаю. На несколько месяцев, - она, очевидно, ничего не подозревала.

- Он должен мне сто тридцать пять тысяч долларов, - резко сказал Игорь. – Это основная сумма кредита и проценты.

- Сто тридцать пять тысяч? – не поверила она. – Я ничего такого не слышала. Я Максиму обязательно передам.

- Передайте, что мы объявили его в международный розыск.

- Зачем? Я Максиму все передам. Он приедет и все вернет.

- Он должен вернуть завтра.

- Я не знаю, правда, - она не знала, что сказать.

- Я его посажу, - повторил Игорь и положил трубку.

На следующий день Игорь предложил Олегу Васильевичу от имени «Гаранта» направить заявление в УБЭП, но тот, как всегда, настроен был благодушно.

- Не берите себе в голову. Никуда он не денется. Вернется. И все отдаст, - Бодров все же пообещал направить заявление в органы и использовать старые связи и – не тронулся с места.

- «Саботирует, - понял Игорь. – С ними пора заканчивать». Он сам отнес заявление.

- Мы обязательно рассмотрим, пообещал сотрудник, принявший заявление. – Приходите через две недели.

Через две недели, уже в мае, Игоря принял все тот же сотрудник. Он сидел за столом, заваленным бумагами, и старался на Игоря не смотреть.

- Мы решили пока не возбуждать уголовное дело, - сообщил он. – Я вызывал его маму. Очень хорошая женщина, работает в МГУ. Она сказала, что он скоро вернется и все выплатит, до последней копейки, если должен. Он вовсе не сбежал в Америку, как вы написали, просто на время уехал.

- Да причем тут вернется, не вернется, возмутился Игорь. – Он не вернул кредит. Украл больше ста тысяч долларов. Мы не в детском саду. При чем тут его мать? Она всегда будет его выгораживать.

- Мать обещала, что он все вернет, - повторил убэповец. – Пока, к сожалению, нет состава преступления.

- То есть как нет? – Игорь начал терять самообладание. - Он же ничего не выполнил: не купил товар, не ввез. Это что, не притворная сделка? Не мошенничество?

- Вы можете подать на него в суд, - возразил убэповец.

- Спасибо за ваш совет. Для чего, вообще нужна милиция, если вы не хотите бороться с преступностью? Оттого она и растет, что милиция покрывает.

- А вы? Зачем вы дали ему кредит? Да еще и без обеспечения? Вы сотнями тысяч долларов кидаетесь, бегаєте, прячетесь, а мы за свои копейки должны все это разгребать? Да при Советах, если хотите, все было в тысячу раз справедливей. А теперь хотите, чтобы мы вам служили, буржуйам, да еще и задаром? – убэповец даже покраснел от злости.

- То есть вы саботируете? – с возмущением спросил Игорь.

- Мы не саботируем. Мы рассмотрим в положенном процессуальном порядке и дадим ответ, - мент снова был спокоен.

В первое время Игорь позванивал родителям Максима, надеялся, что тот вернется, но трубку брали отец или мать. А потом Игорю стало не до того.

Да, все оказалось завязано. Деньги, которые не вернул Максим, это был особый транш, от Павла Ивановича Нередько из «Колорадо». Тот разместил свои тридцать миллионов еще в самом начале осени. И – не просто под вексель в «Кредитной конторе «Полтавский», как все, в договоре записали, что деньги пойдут конкретно Литвинову. К тому времени деньги благополучно обернулись, с процентами, и «Гарант» по второму разу поставил аваль. А Игорь только разместил деньги. То есть за них не отвечал. Этот хитроумный механизм придумал даже не Игорь, напротив, сам Павел Иванович. Он хотел перестраховаться, хотел знать, кому пошли его кровные, и – влип.

Нередко появился буквально на следующий же день, как только ясно стало, что денежки его уехали в Америку.

- Ну что, как мои денежки? – он был, как всегда, в старой спортивной шапочке, в джинсиках и в кроссовках, и спрашивал весело, явно ничего не подозревая, благодушно. Павел Иванович, похоже, и мысли не допустил, словно неба спустился. Он так светился от оптимизма, что Игорь подумал: «технарь; весь занят своими проектами. Не от мира сего».

Да, улыбался... Ничего не подозревал...

- Плохо, Павел Иванович Литвинов кредит не вернул. Сбежал с деньгами в Америку.

- Как так? – улыбка медленно сползла у Нередько с лица, он постарел на глазах. – Как так? А мне как раз. Я точно рассчитал. – Он не договорил. – И что же теперь? Теперь «Кредитная контора»? – он, наверное, давно забыл договор и теперь находился в полной растерянности.

- Нет, Павел Иванович, я только размещал, - резко сказал Игорь. – Вы же сами так хотели. теперь вы должны требовать с «Гаранта».

- Ну хорошо, давайте требовать с «Гаранта», - растерянно согласился Нередько. – Я уверен, что они отдадут. Все будет хорошо.

- Блажен, кто верует, - подумал Игорь, ему жалко стало Нередько. – Мне-то они давно тянут. Вот уже несколько недель. Давно нужно было решительно поговорить с Бодровым или с Аверьяновым», - но Олег Васильевич уже недели две как уклонялся от разговора. Стоило Игорю попытаться заговорить, он тут же отводил глаза, или делал вид, что не слышит. Или просил подождать, обещал, что они разберутся.

Разговор предстоял неприятный, трудный и Игорь тоже откладывал со дня на день, настраивался, хотя веры уже не было. – Ну что же, пора выяснить окончательно. Больше отступать некуда.

- Я хорошо знаю Бодрова. И Аверьянова тоже. Бывший подполковник. Нормальные мужики. У меня и мысли нет, что что-то может быть не так, - говорил Павел Иванович.

- «Самогипнозом занимается, - подумал Игорь. – Ну что же, пусть, если ему так легче».

На следующий день Олег Васильевич предстал перед ними во всегдашнем своем репертуаре.

- Не берите в голову. Все будет о'кей, - успокаивал он. – У нас и за океаном есть свои люди. Никуда он не денется. Никуда. Сукин сын! Все отдает до последней копейки.

- Через Япончика²⁴¹ будете? – спросил Павел Иванович. – Хороший человек.

- Да нет, у нас другие люди, - Олег Васильевич замялся. – Но тоже... авторитетные. Там много сейчас наших.

- «А ведь врёт, - Игорь только сейчас заметил бегающие глазки Бодрова и обратил внимание на его чуть дрожащие руки. – Пьёт, что ли? – Он вдруг обрел дар ясновидения. И сейчас только одно не мог понять: как он раньше верил Бодрову? Наверное, потому, что очень хотелось верить? Не Бодров его обманывал, а он – себя – сам. Но зачем Бодров сейчас врёт? Сколько веревочке ни виться, все равно скоро будет конец. Ну, выиграет еще две-три недели. И что? Сбегут?»

В этот день он с самого утра неожиданно прозрел – пора было – и видел их всех насквозь: и Бодрова, и Аверьянова. Антисемиты, жулье, кидалы. Игорь вспомнил, как при первой встрече Аверьянов читал газету «День» и смаковал фамилию Маргулис. «Маргулис-Шмаргулис, Маргулис-Шмаргулис» - и еще смотрел на Игоря. И сейчас наверняка смеется толсто-мордый. Прыщавый».

- «Если бы они могли, они бы задержали Литвинова здесь, в Шереметьево».

Павел Иванович, между тем, сидел успокоенный и с удовольствием пил чай с ватрушками.

- «Интересно, а он-то кто? Научный сотрудник или бывший мент? Откуда он знает Бодрова с Аверьяновым?

Бодров тихо потянул Игоря за рукав. Они вышли в коридор.

- Вы меня поддержите, с этим колорадским жуком, - шепотом стал говорить Бодров. – То же мне, «Колорадо», сукины дети. – Он, видно, рассматривал Игоря как подельника. Будто они вместе дурят клиентов.

- Зачем? – не выдержал Игорь. – Вы же и мне задолжали по нескольким векселям. Только стали прятаться. Вы платить-то будете? Зачем мне его обманывать?

- Значит, табачок врозь? – обиженно спросил Бодров.

- У нас с вами разные интересы, - решительно сказал Игорь.

- Нет, правда, у нас есть люди, - снова начал Олег Васильевич.

- Да нет у вас никаких людей, - возразил Игорь. – Настала пора платить.

- Я думал вы с нами, - Игорь обратил внимание на бегающие глазки Бодрова.

- Что значит с вами? Вы авалировали векселя и теперь должны платить. По закону. Тем более, заемщики ваши.

- Вот как, должны платить, - теперь в глазах Бодрова Игорь прочел ненависть. – Вот, значит, как.

- Теперь вы должны платить по векселям, - говорил Игорь. – А вы думали, мы с вами в бирюльки играем?

- Давайте по-хорошему, - прошипел Бодров. Он попытался сделать дружелюбную мину, но мимика и голос ему не подчинялись. – Хотя бы на несколько дней.

- Зачем? Что вам дадут несколько дней? Скажите, Олег Васильевич, только честно, по моим векселям вы собираетесь платить? Или мне подавать в суд?

- Подавайте в суд, - Бодров вдруг перестал солить. – Подавайте. Только пустое это, суд. Они вернулись в кабинет.

- Вот что, Павел Иванович, они не хотят платить, - сказал Игорь.

- Нет-нет, - засуетился Бодров. – это их клиент. От «Кредитной конторы». Подстава.

- Павел Иванович, возьмите хорошего адвоката и подавайте в суд, - повторил Игорь. – Они, я понял, не будут платить.

Итак, все сразу определилось: суды. С «Гарантом» предстояла война.

Уходя, Игорь решил зайти к Балбесникову, генеральному. У того из кабинета раздавался громкий стук. Игорь приоткрыл дверь Балбесников увлеченно сколачивал молотком полки.

- Вот, халтура кругом, - сказал Балбесников, отирая пот с лица, - все приходится самому. Одни разгильдяи... Пидоры...

- Игорь Юрьевич, - обратился к нему Игорь, - я к вам по поводу векселей.

- С векселями идите к Аверьянову, - махнул рукой Балбесников. – Я не понимаю в векселях.

Игорь вышел. В кабинете снова застучали.

Неприятности редко приходят по одной. Так и тут, почти в тот же день – Лохов. После несколько относительно успешных, но – ненужных, неразумных сделок: квартиры не следовало продавать, заработав пару тысяч зеленъ; цены росли, как на дрожжах – по десять процентов в месяц; квартиры следовало держать, тогда бы цены росли еще быстрее; так вот, после нескольких относительно спешных сделок Лохов влип по полной программе.

Он прибежал к Игорю и ударился в истерику.

- Слышишь, Игорь, беда! – Игорь никогда не видел его таким. Бывший отличник и без пяти минут доктор наук выглядел, как побитая собака – еще немного и заскулит. – Я бы повесился, если бы не дети.

- Что случилось? – сердце у Игоря упало.

- Квартира в Текстильщиках. Мы ее просрали. Почти.

- То есть?

- Мы ее купили дней десять назад.

- Да, я знаю, что купили, - разозлился Игорь. – Я дал тебе двадцать тысяч долларов и велел купить на .

- Да. Только... оказалось, что там люди прописаны.

- Какие люди?

- Ее кидала продавал. Настоящий кидала. Из Омска. Залетный. В кожаной куртке. С цепью. Типичный кидала. Я их уже научился распознавать.

- Тогда в чем дело, если научился?

- Я не пошел с ним в домоуправление. Не знал, что нужно идти. А он взял выписку и подтер, что там люди.

- И ты не заметил?

- И я не заметил. Он очень аккуратно подтер. А может, купил паспортистку. Я теперь не знаю. Не помню.

- А где эта выписка?

- В Мосжилрегистрации. И там не заметили. А может он и там заплатил. У него везде знакомые. Он их пачками покупает.

- Ну и что дальше?

- Вчера вечером я пошел показывать квартиру. Прихожу, а дверь заперта не снаружи, а изнутри. Стал стучать. Мне открывают алкаши. Мать с сыном. Еле на ногах держатся. Их хозяин выгнал, куда он их поселил. Этот кидала. Вот они и пришли. У них еще ключ остался.

- И что дальше?

- Я отвел их на съемную квартиру. Пришлось хозяину заплатить из своих. Я им еще еду купил, водку, они голодные сидели.

- И что ты теперь предлагаешь?

- Их убить надо. Искать никто не будет. У тебя же есть знакомые бандиты?

- У меня – нет. Ты что, спятил? Ты влип, а я должен рисковать головой?

- Нет, нельзя убить, - захныкал Лохов. Он словно не слышал Игоря. – Они же прописаны. Их нужно выписать сначала. Я сегодня утром бегал в ЖЭК. Заплатил паспортистке. Она подтвердила: прописаны сын с матерью. Алкаши. Та самая паспортистка, которая скорее всего...

- Так договорились с ней. Выпиши. Или продай с ними. Как тебе. Пока их нужно держать на съемной квартире, чтобы не вернулись.

- У меня денег нет, - захныкал Лохов.

- Денег? То есть ты влип, а я должен платить? Не слишком жирно?

Лохов молчал. И вдруг сообразил:

- А я знаю, кажется, где живет этот кидала. Вадим. Вадик. Если не съехал. В том же доме, где ДЭЗ. У бабы одной, пышная такая, смазливая. Я к ней заходил попить воды. Может, ты пошлешь Гену забрать деньги?

Игорь тотчас вызвал начальника службы безопасности Геннадия.

- Слышишь, Гена, нужно вернуть деньги у кидалы. Подъезжайте с Александром. Володя покажет вам дорогу. Не церемоньтесь. Вам десять процентов.

Геннадий вернулся часа через три.

- Ну?

- Его не было дома. Я через его блядь забил стрелку. Велел передать, чтобы ждал вечером.

- Ты что, Гена, он же убежит.

- Не убежит, - самодовольно заверил Гена. – Будет вечером.

- Вам нужно было засесть в квартире.

- Сашка там остался, с блядью. Он парень холостой, горячий.

Кидала, однако, так и не вернулся. Или – тут все могло быть. Они, эти афганцы, были такие же кидалы. Вроде Луцкова.

Через несколько дней Игорь поехал с Лоховым посмотреть квартиру. А еще больше – прописанных в ней алкоголиков. С ними нужно было что-то решать. Вариантов было два: вывезти из Москвы – тогда обращаться нужно было к цыганам, - или купить для них комнату.

Квартира оказалась как квартира, в меру ободранная и с грязноватой кухней, - но – жить можно. Мебели почти не было, только пустой, весь в трещинах, фанерный шкаф и кушетка с торчащими пружинами; на кухне – висящий шкафчик, опять-таки фанерный, измызганный столик и проржавевшая от времени плита. В углу в картонной коробке горой возвышались пустые бутылки.

- Триумф пролетариата, - усмехнулся Игорь. – ну ладно, пойдем посмотрим на самих пролетариев.

Комната, где обитали выселенцы, находилась в соседнем доме; бабушка, то есть мать, имела вид совершенно сумасшедшей – в непонятном тряпье, торчащем из-под грязного халата, такое же тряпье завязано было на голове, на одной ноге одет был сапог, на другой – валенок, изо рта торчал единственный сохранившийся зуб; она была в приличном подпитии и, выделявая странные па, похлопывала себя по срамным местам и распевала скабрзные частушки.

У милóго моего поговорочка на О

Он на О, да я на О

Значит оба ничего

Приоткрыла я билет

Весь от страсти мокрый,

Я хочу, а милый нет.

Что-то хрен твой дохлый.

- Тише ты, сука, перед приличными людьми не позорься, - тотчас заорал на нее сын, и она испуганно замолчала. Сын. Алексей, с виду был очень крупный и сильный мужчина – до недавних пор он работа грузчиком, - сейчас же скрючившись лежал на грязном, покрытом рваной простыней диване; от носков его шел резкий тошнотворный запах давно не мытых ног, рядом с диваном стояли грязные, стоптанные, с загнутыми задниками туфли.

Игорь присел на край чистой с виду табуретки.

- Вы знаете, что продали квартиру? – спросил он.
- Теперь знаем, -отвечал Алексей. – Вот, Володя объяснил. Да я – не хотел. Я скрючившись лежал, радикулит скрутил, который день, значит, ну, он водки дал выпить, от боли, значит, и велел подписать. А мать сами видите, дура.
- И что подписал?
- Да не знаю я, что.
- Нотариус сюда приезжал? – спроси Лохов.
- Нет, не помню. В квартиру вроде никто не приходил. Кроме этого, Вадима, что ли.
- И к нотариусу не ходили?
- Нет, ни к кому не ходили.
- А как же доверенность? Квартиру приватизировали?
- Да не знаю я. Не помню ничего. Только какую-то бумажку.
- А кому продали? Ты хоть покупателя видел? – спросил Игорь.
- Не знаю... Не помню... - простонал Алексей. – Мне бы того... Болит... бок... боюсь, белая горячка начнется...
- Значит, их можно найти? – спросил Игорь у Лохова. - Этих всех. Кидалу и прочих. Следы ведь остались?
- Искать их никто не станет. Гастролеры, - пояснил Лохов. – И зачем искать? Чтобы квартиру арестовали? Нам это нужно?
- так может продадим с ними? – Игорь показал на алкашей. – Ты же разговаривал с паспортисткой. Может даст чистую выписку? – Не даст. Боится, - сказал Лохов.
- Так подотри, как этот кидала.
- Я так не умею, - запротестовал Лохов. – Ты что, хочешь, чтобы меня посадили? Или эту твою,
- Выходит, что ты один такой лох. Только ты мог попасться, - разозлился Игорь. – Вернее, лох – это я. Деньги-то мои.
- Ну, Алексей, что будем делать с вами? – Игорь отвернулся от Лохова.
- Нам бы хоть комнату, - взмолился Алексей.
- Ладно. И еще пожрать? – спросил Игорь. Как бы не белая горячка.
- Ты их кормил? – Игорь повернулся к Лохову.
- Слегка, - сказал Лохов. – С деньгами туго. Ты бы дал на какое-то время.
- Врет он. Жадный, - пожаловался Алексей. – На один укус принес. И то – консервы для собак.
- Ну, Володя! Раньше ты не был такой... Гобсек, - возмутился Игорь. – Влип, а теперь кланчишь.
- У меня семья, - захныкал Лохов, - без денег я не смогу.
- Ладно, возьми, доктор наук, - Игорь протянул Лохову деньги. – Ищи для них комнату. Только подешевле.

Глава 18

Девяносто третий год – переломный. Революция, если то, что свершилось, можно назвать революцией, или – хаос, крушение, распад - оказалась у роковой черты. Распад – продолжался. Распадалась вся прежняя жизнь. Все конфликты, противоречия, ненависть, злоба, все, что раньше было скрыто – выходило наружу. Жизнь менялась, нор старое – не хотело умирать. Старое мимикрировало. Переплеталось с новым. Да и что – новое? Миллионы людей сидели у телевизоров, смотрели, пытались понять...

Но, чем больше смотрели, тем меньше понимали суть. Вот в семнадцатом году все, казалось, было ясно. Или – ясно из далека, из будущего, задним умом, потребовались три четверти

века и миллионы жертв, чтобы народ прозрел? Да и – прозрел ли? Прошрое оставалось неоднозначным. Оно по-прежнему разделяло. Но. По крайней мере, между красными и белыми проходила четкая линия. В девяностые она только начинала размываться, заживать.

В девяносто первом тоже все было понятно. В девяносто первом народ вышел против прошлого, против проржавевших, из утиля, сталинистов. В девяносто первом была правда. Но сейчас...

Сейчас определяли не разумом, но инстинктами: свой, чужой. Решали почти на ощупь...

Письмо от сестры пришло незадолго до референдума. Игорь был так закручен, что ответил не сразу. Да и – что отвечать? Он сам, кажется, потерялся, запутался в политике. С одной стороны, он плохо понимал, что после отпуска цен делает правительство реформаторов? Перешли от горбачевских глупых кооперативов к ООО и ОАО? Так это вроде бы еще при Горбачеве, и разве это реформа? И когда вместо Гайдара премьером стал Черномырдин, разве что-нибудь изменилось? Цены так же росли и рубль обесценивался точно так же. И так же стояли предприятия. И начиналась приватизация. Но с приватизацией было непонятно. В чем смысл: получить мизерный кусочек убыточного завода? И как эти миллионы собственников станут управлять? А с другой стороны, надоели крикливые, невыдержанные, вечно недовольные депутаты. С выражением явной совковости на лицах. Депутаты, казалось, были заняты вечной своей говорильней. Исполнительная власть хоть что-то делала.

- «Здравствуй, Игорек, - писала сестра. – Может быть ты разъяснишь, что происходит и как нам лучше голосовать? Ты ведь все-таки в Москве, ближе к власти, а мы тут ничего не понимаем. И никто не понимает. В чем расхождение между президентом и Верховным Советом? Почему депутаты так не любили Гайдара? В свое время они же, депутаты, выбрали Ельцина²⁴², так почему они теперь против него? И Хасбулатов тоже, его ведь Ельцин рекомендовал, так что такое произошло? И что это за вооруженная охрана из Верховного Совета²⁴³. Говорят, в Москве полно чеченцев, они, мол, охраняют Хасбулатова, будто их Дудаев послал²⁴⁴. Мы вообще ничего не понимаем с Дудаевым. Бывший советский генерал, летчик, член партии и вдруг хочет выйти из России. Получается, что все окончательно прогнило, особенно наверху, что все притворялись и ввали, начиная с Горбачева и Ельцина. Говорят, Дудаева Бурбулис поддерживает? И кто вообще такой Бурбулис? Понятно, что из Свердловска, земляк Ельцина, но откуда вдруг такой демократ? Он же раньше марксизм-ленинизм преподавал. Кстати, и Хасбулатов тоже? А вице-президент Руцкой? Откуда его только Ельцин выкопал? Два раза был в плену, вроде бы по ошибке залетел в Пакистан, за него будто бы заплатили миллион долларов, и вот: «мальчики в коротких штанишках» и «чемоданы с компроматом». У нас сосед говорит – ты догадался о ком речь? (Очевидно Гольдман, бывший глава краевой торговли; сестра все еще опасалась перлюстрации), - что «коммунисты за демократию, это все равно, что волки за вегетарианство». Сам сосед из партии вышел сразу после ГКЧП, говорит, хотел раньше, но боялся, но никогда не любил эту партию. Не он один вышел, все краевое начальство – все перепугались после ГКЧП.

Совсем непонятно зачем Ельцин выступил по телевидению и обещал распустить Верховный Совет, ввел какой-то ОПУС²⁴⁵, или не ввел? Как-то все очень несерьезно, а главное, все осталось, как есть. Только хуже. Получается, президент не подготовился, или ему подсунули бумажку?

Сосед говорит, что он сильно пьет. Будто бы еще в Свердловске любил выпить перед рабочими, бывало из двух бутылок сразу. Это у них там называлось «двухстволка».

242

243

244

245

Депутаты, конечно, не слишком приятные. Гайдара они просто ненавидели. А за что? И Хасбулатов тоже. Высокомерный, хамоватый, но говорят профессор. Экономист. Видно не глупый. Их всех послушать, они только и делают, что заботятся о народе. А народу все хуже.

Вот я врач. Когда ко мне приходят на прием, люди меня слушают. Потому что я специалист. А тут... Тот же Гайдар в газете «Правда» работал, в журнале «Коммунист». Врал, потому что не мог не врать. Они все обязаны были врать. И те, и эти. И вот теперь он главный специалист... Да откуда он может знать рынок? А тот же Черномырдин? Чем он лучше Гайдара? Он и говорить-то по-русски не умеет. А депутаты? В советское время выбирали все больше ткачих и доярок. Они молчали. А эти рвутся на трибуну. Голова кругом идет. Макс говорит: уж лучше поддерживать правительство. Лучше один дурак, чем много дураков, да еще буйных.

И вот теперь референдум. Это ведь насмешка. Как бы я заставляла больных самих ставить себе диагноз. Сами не могут разобраться, переругались, а теперь спихивают на народ. Да разве народ понимает? Знает, что такое монетаризм? Разбирается в экономике? Вот в девяносто первом году мы голосовали на референдуме²⁴⁶ и что, кто-то с этим посчитался? Это у них игры такие в демократию: обманывать народ.

Во: «Доверяете ли вы президенту Российской Федерации Б.Н.Ельцину?» И второй вопрос: «Одобряете ли вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации?» Главное, Президент и Правительство с большой буквы, а вы, то есть народ, с маленькой.

Да как мы можем одобрить, если цены выросли в сотни раз, если не в тысячи, жить стало невозможно, у нас пенсионерка, нестарая еще, на соседней улице, говорят, умерла от голода, ходили по домам, собирали на похороны деньги, и таких, рассказывал Ульянов, бывший летчик, очень много теперь. Да мы и сами видим – нищих очень много на улицах, никогда раньше такого не было, разве что после войны. Но то – война! Как мы можем быть еще хуже? Или коммунисты вернутся? Как Макс говорит: «лучше ужасный конец, чем ужас без конца».

И дальше: «считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации? Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?». Как-будто президент и народные депутаты растут на деревьях. Проголосовали – и сразу новая жизнь. И работать не надо. У нас, похоже, приличных людей не осталось, умных, вот чего я боюсь.

Мы думаем голосовать, как нам советуют: «да, да, нет, да», а ты как посоветуешь, Игорек? Не идти на референдум тоже не выход.

Да, у нас многие люди уезжают. Марьясис уехал с семьей в Израиль, и Мосин тоже, а Поляк, профессор, уехала в Америку, у нее там, оказывается, несколько лет живет дочка. На нашей улице жили греки, семья милиционера – они продали дом и уехали в Грецию. И даже армяне ухитрились как-то уехать в Америку. Будто сбежали от погромов.

Да, о депутатах. Один у нас директор завода, он, говорят, все давно приватизировал, еще до всякой приватизации, запустил на завод кооператив с родственниками. А другой депутат, ты, Игорек, его знаешь, Валерий Глушенков, с тобой учился на одном курсе. Ну, ты знаешь, наверное, всю его историю, он давно в Четвертом управлении работает, был в Кисловодске, а сейчас в Москве. Но выбирался у нас – он очень непорядочный человек. Приезжал недавно, выступал, рассказывал про Ельцина – и что алкоголик, и хам, и суицид совершил притворный²⁴⁷, и в реке купался пьяный из-за бабы, якобы к какой-то кладовщице поехал знакомой, а там его поколотили местные мужики. И в Америке будто бы писал на глазах у всех. Да ты сам, наверное, помнишь скандал с газетой «Правда» - люди в то время не хотели верить. Стране

246

247

нужен был герой, вот мы и придумали его сами. Никого другого не нашли. И он правда был герой, когда на танке. И это все один человек.

Так ты все-таки посоветуй, Игорек, как нам голосовать?»

И он, Игорь, посоветовал, хотя – сам много чего не понимал. Запутался. Некогда было разбираться. Не до того.

Догадывался: очередной пик противостояния, последний, *репетиция*, только никто не хотел сжигать мосты. Но: о чем спор? Ведь не об американской или европейской модели при пустой казне, не о кейнсианстве²⁴⁸, не о китайском или польском пути (китайскую модель проехали еще при Горбачеве с его полуреформами), едва ли вообще такие страсти из-за одной экономики. Неужели только из-за власти? Неужели антидемократический с виду, совковый, красно-коричневый, имперский парламент стоял за демократию больше, чем либеральная власть? Или власть вовсе не была либеральной, а Гайдар и Чубайс только по ошибке, по недомыслию объявляли себя либералами? А уж Ельцин – тот и вовсе не был либералом, перекрасившийся в демократа большевик. Нет, тогда он не думал так. Это все позже, много позже.

Игорь посоветовал голосовать, как призывают по телевизору: «да, да, нет, да». Он написал довольно подробный ответ – письмо это чудом сохранилось. Несколько лет спустя он нашел его в бумагах у сестры. Ее самой уже не было. В девяносто шестом Лена умерла от рака.

Он сохранил это письмо. В то время Игорь еще думал по-прежнему, то есть – поддерживал Ельцина. Не любил, но поддерживал. Время переоценки еще не настало. Он оказался умен задним умом. Да он ли один?

Получив письмо, он больше о другом думал. О Глушенкове...

С Валерой Глушенковым Игорь действительно учился на одном курсе. Пока Валера и еще несколько человек занимались групповым сексом на квартире у известного в городе сексопатолога. Тот по тому случаю пошел под суд, правда, сроком отделался словным. Но не о нем речь, о Валере.

Они, вроде бы, бегали голыми, устраивали пьяные оргии прямо перед открытым окном, в костюмах Адама и Евы выскакивали на балкон и все под громогласную забугровую музыку, словом, вели себя не по-советски, а потому соседи – скорее всего соседи – обратились в милицию и та ворвалась в квартиру. К тому времени почти все уже спали, но – нагими и тепленькими, и только неугомонный Валера, «герой большого секса», все еще занимался любовью. «Минет» - слово было новое, раньше неизвестное с легкой Валериной руки оно прочно вошло в обиход.

Игорь рассказал эту историю однокурсник, тому – еще кто-то, первоначальная утечка происходила, скорее всего, от самого Глушенкова. В другом случае, возможно, эта история скоро бы забылась – мало ли чего-то похожего происходило в институтских общежитиях, - но тут – особые обстоятельства. Через несколько дней собрали комсомольское бюро курса, а Игорь был членом бюро. Вот тогда, перед бюро, Валера, пряча глаза и запинаясь, и стал рассказывать Игорю. В изложении Валеры все выглядело очень даже пристойно. Он случайно зашел к знакомому и хотел уйти. Ничего *такого* и близко не было. Ну, может, было, но не с ним. Он вообще патриот и даже состоит в народной дружине. Сам борется с пережитками.

Словом, Валера Глушенков пустил слезу и просил защиты. Однако оказалось, что Валера каялся и плакался зря: наверху в последний момент решили, что случай слишком серьезный, а потому рассматривать Валерино «дело» нужно выше – на комсомольском бюро на курсе, а института. Вердикт оказался суровым. Глушенкова одновременно исключили и из института, и из комсомола.

С этого момента и начинается необыкновенная история Валериного возвращения. Глушенкова не на улицу выгнали, отправили на исправление в село – возглавить фельдшерско-аку-

шерский пункт. Пункт был заброшенный, фельдшера менялись по несколько раз за год. Но Глушенков, став начальником, расцвел. За неполные два года он сумел отремонтировать больницу, достать новое оборудование и инструмент, выбить автобус, организовать диспансеризацию, закрепить при пункте постоянно менявшиеся кадры и, главное, резко улучшить показатели. Секрет Валериных успехов был прост: он умел ладить с начальством и оно в нем души не чаяло настолько, что сам первый секретарь райкома выдал за него свою разведенную и, говорили, гулящую, но очень даже видную дочку. А дальше – Валеру не только восстановили в комсомоле, но и приняли вне очереди в партию. Словом, на белом коне вернулся Глушенков в институт, с орденом, да еще и получил в краевом центре квартиру.

Напрасно злые языки все Валерины успехи валили на тестя. Он и сам был парень не промах, что и доказала вся последующая Валерина карьера. Да, у Валеры были особенные способности...

...Как-то перед футбольным матчем, когда еще учились вместе, Игорь встретил у краевого стадиона Валеру в окружении нескольких ребят. – Болеешь за наших? – здороваясь, спросил Глушенков. – Хочешь, проведу тебя бесплатно? Все ребята со мной. Впрочем, жертвования не отвергаются – на баб.

- Работаешь здесь? – спросил Игорь.

- Да, работаю... Вольфом Мессингом, - рассмеялся Валера, - главное, ты иди смело, не оглядываясь.

- Хорошо, - согласился Игорь. Ему, в самом деле, было любопытно. Они направились к входным воротам. Глушенков решительно подошел к контролеру. – Ребята со мной, - повелительно сказал он. - Конечно, конечно, проходите, - подобострастно заулыбался контролер.

- Твой знакомый? – спросил Игорь, когда они отошли подальше от ворот.

- Первый раз вижу, - засмеялся Валера. – За босса меня принимают. Провинция, - и показал на значок «XXIV съезд КПСС», приколотый у него к куртке. – Магический эффект.

В другой раз, рассказывая, сдавая зачет, Валера сообщил преподавателю, что он «от Владимира Ильича». Спросить, что за Владимир Ильич преподаватель не решился и поставил Глушенкову «отлично», хотя Валера изрядно плавал в предмете. Он вообще говорил очень весомо, в нем действительно было что-то гипнотическое, так что преподаватели нередко пасовали перед ним. Впрочем, и однокурсники тоже, и пациенты, когда у Валеры появились пациенты, а практиковать он начал еще на пятом курсе. Не то, чтобы Глушенков очень много знал, отнюдь, но использовал все ту же силу внушения. О, со временем это был интереснейший тип, демагог, успешно соединивший в себе Вольфа Мессинга и Хлестакова, впрочем, в нем было значительно больше. Валера, однако, преуспевал – регулярно выступал на партсобраниях и на последнем курсе стал даже членом бюро. Не стоит и говорить, что женщины были от Глушенкова совершенно без ума, а райкомовская супруга безумно и скандально ревновала.

Окончив институт, коммунист и орденосец Валера направлен был в Четверное главное управление в Кисловодск и очень скоро стал главным врачом одного из лучших цеховских санаториев. Рассказывали, что со временем Валера мало изменился, разве что заматерел и приобрел особенный номенклатурный лоск – он все так же играл в Вольфа Мессинга, был строг с подчиненными, держал у себя в санатории идеальный порядок, умел услужить высоким начальником, а для молодых придумал особый набор развлечений – девочек привозили ему не из местных проституток, а высшего класса, из Москвы и из Питера, из специальных тайных барделей, из тех, что зарабатывали валюту для страны, а заодно выводили секреты у богатых иностранных туристов и дипломатов. Одним словом, блистательных русских агентесс. Глушенков, судя по всему, и сам был агентом – уже не райкомовский тесть, но всесильный КГБ прокладывал ему дорогу наверх. Тут и Мессингом быть не обязательно. Действительно, Глушенков быстро преуспел, обзавелся нужными связями и в перестройку переехал в Москву,

причем без райкомовской супруги, та, говорили, спилась – в Москве перед Валерой открывались новые светлые горизонты.

В этот момент Игорь, надо признаться, потерял Глушенкова из вида. Он не часто бывал в Ставрополе, мало кого видел, а в Москве далек был от Четвертого главного управления – и вот Валера Глушенков снова возник на горизонте: депутат, да еще не простой, а глава комитета. И, как оказалось, хозяин страховой компании, один из главных толкачей закона о страховой медицине. Но это чуть позже узнает Игорь: Валерий Глушенков все девяностые будет на виду: то в «Гражданском Союзе»²⁴⁹, то в «Нашем доме»²⁵⁰, то в «Отечестве»²⁵¹, пока, наконец, не получит место в только что возникшей Единой России». Но это уже в двухтысячные....

...Да, он, Игорь, сам не очень разобрался. События стремительно катились мимо него. Один из его знакомых депутатов – Константинов, Астафьев, Аксютин, Румянцев – состояли в парламентской партии. Иных из них, например, Константинова, называли в прессе красно-коричневыми. Но нет. Никто из них ни красным, ни коричневым не был. И антисемитом тоже. Игорь, по крайней мере, за ними такого не замечал. Правда, Дима Глинский что-то такое говорил, когда Игорь ушел из политики. Но Дима – мальчик.

Совсем недавно все эти депутаты считались демократами. Так что же такое произошло? Хотя, непонятно зачем они, – те же Константинов и Астафьев, столкнулись с коммунистами – неразборчивая, неумная дружба. Разве что «врач моего врача мой друг»? Да, Ельцина депутаты постепенно начинали ненавидеть. И еще больше Гайдара. Но тут, часто, личное. Игорь тоже недолюбливал Ельцина – еще с Елисеевского гастронома: мужик, популист. Игорь ему не верил. Не он ли снес Ипатьевский дом?

Другие депутаты, наоборот, выступали за Ельцина: Пономарев, Юшенков, Салье. А демократ-государственник Травкин был где-то посередине – за одновременные перевыборы президента и съезда. Вот уж кто не держался за свое депутатское кресло²⁵². Выходило, что недавние демократы не могут разобраться между собой. И что кто-то из них уже не демократ?

На съезде нардепов СССР все было просто: МДГ²⁵³ и агрессивно-послушное большинство. Но здесь? Это был тот самый съезд, который меньше двух лет назад избрал Ельцина Председателем Верховного Совета, тот самый съезд, который с подачи Ельцина избрал спикером Хасбулатова против «патриота» Бабурина, и тот самый Хасбулатов, который еще недавно считался демократом, ближайшим сподвижником Ельцина, тот самый, который еще Ельцина от бунта других заместителей²⁵⁴. Те самые депутаты и тот самый Хасбулатов, которые плечом к плечу стояли с Ельциным против ГКЧП. Те самые, которые решили избрать президента России²⁵⁵, тем самым открыв дорогу Ельцину и заложив мину под Союз. Еще недавно они были подельники, союзники – в разрушении. Так отчего же вдруг превратились в агрессивно-послушное большинство? Это было непонятно. Вопросов было множество и на многие не было ответов.

Он так и написал сестре: не ломайте себе головы. Тут такая смесь: государственные и личные интересы, амбиции, борьба за власть, эмоции, взгляды, предрассудки, обыкновенная дурость. Тут – не самые умные люди в зале. И в Кремле тоже. Здесь все субъективно. Страна с завязанными глазами ищет свой путь. Иначе и быть не могло. И еще коммунисты мутят воду. Здесь нет черного и белого. Здесь все – серое.

249

250

251

252

253

254

255

Я не очень люблю Ельцина и его команду, но если победит Верховный Совет, консервативно-совковое большинство, будет еще хуже. Они, не дай бог, начнут восстанавливать Советский Союз. А это – война. Или передерутся между собой. До действительного парламентаризма мы не доросли. У нас нет серьезных политических партий.

Коней на переправе не меняют. Видно, через это нужно пройти. В Моссовете еще хуже. У нас такая страна».

Референдум – это была отсрочка. Отсрочка в растерянной, изверившейся, полуголодной стране. Выбор между плохим и очень плохим. За несколько дней до референдума позвонил Игорю Павел Марущак.

- Игорь Григорьевич, - бойко начал он, - чувствуете, что происходит?

- Что? – с удивлением спросил Игорь.

- Ельцин скоро разгонит парламент. Будет заварушка. Из надежных источников. Он очень сильно обиделся за Гайдара. Он собирался реформировать страну за полгода, он же – ни в зуб ногой... Он ни одну программу никогда не читал, те же «Пятьсот дней»²⁵⁶... Гайдар обещал, а тут какие-то депутаты... Опять же, Руцкой ушел под крышу парламента, Хасбулатов отбил от рук. Раньше они ходили в баню, выпивали вместе, а теперь – враги... Да и Шахрай с Бурбулисом, он же внушаемый. Он царь по натуре, царь – дурак, не станет терпеть.

- И что? Мы-то тут причем? – вяло отвечал Игорь. Ему – не до того. Своих проблем выше головы.

- Дело в том, что мы хотим организовать партию. Пусть вас не смущает название. Партию любителей пива. Но это так, пиар ход. На самом деле все очень серьезно. Нужно успеть к следующим выборам. Организовать разные фракции. Например, любителей светлого и темного пива. Или славянофилов и западников. Это те, кто предпочитает имперское.

- Павел, - перебил Игорь, - у меня дела серьезные. А ты... С какой-то галиматьей.

- Напрасно, Игорь Григорьевич, - весело сказал Павел. – Это на самом деле очень серьезно. У нас же страна дураков. Все со всеми передрались. И – то ли еще будет! А мы – партия, мира, партия народного потребления. Наша цель – не пиво пить, а места в Думе. Не меньше, чем у Жириновского. У этого клоуна за душой же ничего нет. Артист среднего калибра...

- Каждой бабе по мужику, - расслабился Игорь. – Каждому мужику – по бутылке. А вы – по банке?

- Вы напрасно смеетесь, Игорь Григорьевич, - Павел и не думал обижаться. – Мы хотели предложить вам место в политсовете. Партия будет очень серьезная. Мы на самом деле не за пиво, мы – за социальную справедливость. Наш электорат – молодежь. В первую очередь. И не только.

- А мы, «наши – это кто? – Игорю стало любопытно. Очередной мыльный пузырь, только слегка запоздалый?

- Мы – комсомольцы бывшие, - гордо сказал Марущак. – Вы же знаете, наверное... Слышали про центры НТТМ²⁵⁷? Мы – не коммуняки. Совсем наоборот. С комсомола начинался новый русский капитализм. С комсомольцев начинался новый русский капитализм. С комсомольцев и кооператоров. Нас не так уж и мало, молодых предпринимателей. Тот же «МЕНАТЕП»²⁵⁸. Только мы решили зайти через заднюю дверь. Как Жирик. За нас по приколу станет голосовать молодежь. И пенсионеры тоже – у нас, по сути, социал-демократическая программа. Только с прикидом. Так ведь мы прикидываемся, шутим, а наверху пьют по-настоящему. Кто не пьет, тот у нашего крутого не работает. Ни один вопрос не решают по-сухому. Помните

256

257

258

ГКЧП? Как у Янаева с похмелья тряслись руки? А Павлов? А не успели победить, уже Коржак для нашего устроил застолье. Попова, мэра, рассказывают, вынесли. Не выдержал специальную дозу.

- Ты говоришь: социал-демократическая программа, - прервал Игорь болтовню Павла.

- Да, социальная справедливость, именные ваучеры, независимый суд, - снова затарабанил. – Прикиньте, этот жмурик Чубайс продал контрольный пакет ЗИЛа за четыре с половиной миллиона зеленых. Хорошо, правда! Главный автозавод страны.

- Я думаю, он миллиард стоит, не меньше. Там же тысяч семьдесят пять рабочих. Лимитные общежития по всему югу.

- Берите выше, все сто, - засмеялся Павел. – За такие деньги и вы могли бы купить.

- Я? Нет. В девяносто втором у меня их и близко не было. И то бы я стал делать с этим заводом? Я ведь ничего не понимаю в производстве.

- А Ефанов²⁵⁹, думаете, понимает? Да у нас никто ничего не понимает. Урбулис, Шахрай, Шумейко, Руцкой – одни дилетанты.

- Там же сто тысяч рабочих, на ЗИЛе.

- Да что вам до этих рабочих? Там одной земли на миллиард с хвостиком. Плюс какая-никакая недвижимость.

- Нет, это несерьезно.

- Вот и я говорю, что несерьезно. Будто один ЗИЛ. Уж если страна дураков, так во главе должна стать Партия любителей пива. У нас, Игорь Григорьевич, в самом деле есть очень серьезные люди. И программу мы напишем. Программы писать, не камни ворочать.

- Нет, - перебил его Игорь, - я вам не подхожу. Я не пью ни водку, ни пиво.

- Вот и у нас самая большая фракция намечается: трезвенников, - настаивал Павел.

- «Им спонсоры, что ли, нужны? – догадался Игорь. – Так мне, дай Бог, со своими делами разобратся. Не до них».

Павел словно отгадал его мысли.

- Нас и бизнесмены поддерживают, - сообщил он. – Все на самом деле очень серьезно.

- Да с чего ты взял, что Ельцин распустит съезд? У него разве есть такие полномочия?

- Мы же в России, - засмеялся Павел. - ОПУС²⁶⁰? вам ни о чем не говорит? Он не просто так выступил. То у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Вы догадываетесь, наверное, что наши люди есть в администрации президента. Из комсомола. Так вот: Ельцин никакой не демократ, он - царек. Царь – дурак из русских сказок. Ему съезд этот, как костюю в горле. Хасика он не переспорит, ума не хватит. Зато: сила есть, ума не надо. Он по натуре разрушитель. И депутаты, действительно, не подарок. И собственные шавки подталкивают...

- Армия его поддержит?

- Если б он был уверен, он бы давно разогнал. Генералы в свое время влипли с ГКЧП. Те же Грач, Лебедь. Это потом они стали героями, задним числом. Опять же, Вильнюс, Тбилиси, Баку. Горбачев их подставлял сильно. Теперь они стали осторожными.

- Я вот что хотел у тебя спросить. Вроде Ельцин и Хасбулатов были близкие, сподвижники. Из-за чего они поссорились?

- Из-за бани, - засмеялся Павел. – Из-за бани. Выпили как следует и Крутой наш толкнул Хасина в бок. А тот обиделся. Да нашего Ельца, если честно, мало кто стерпит. Са-мо-дур. А Хасик гордый и хитрый. Сам хочет рулить. Хасик Ельца спасал два раза. В ГКЧП же Боря хотел сбежать в американское посольство, в штаны наклал, а Хасик его образумил. Сообразил, что провокация, что тем только того и нужно, чтобы Ельцин сбежал, да еще к американцам. Теперь

они и ненавидят друг друга. Все по Фрейду, точно, подсознательные комплексы, зависть. Хасик и сам не прочь стать президентом.

- Он же чеченец.

- Ну и что? А Сталин – грузин. Чего только не бывает. Да и хотеть не запретишь.

- Нет, Павел, ты что-то не то говоришь, – возразил Игорь. – Тут же Россия, масштаб личности, а ты – баня, Фрейд. Подсознательные комплексы. Скажи еще: пол-литра науки в банке.

- Вот такой у нас президент, – хихикнул Марущак. – помните, «Правда» перепечатала то ли из «Ла Стампа», то ли из «Республики» статью про Ельцина. После поездки в Америку²⁶¹. Что, мол, пил по-черному. И что было? Не хотели верить. Нам герой нужен был, чистый и непорочный, Илья Муромец. А тут бывший секретарь обкома, да еще и выпивоха. Сами сотворили миф.

- Ну ладно, – остановил его Игорь. – Мне некогда сейчас. Да и... другого президента у нас нет. Посмотри на депутатов. Тот же Исаков²⁶²...

- Бегал за Ельциным, подлизывался, – нехорошо засмеялся Павел. – Елец же его и выдвинул, не устоял перед лестью.

- Ты, Павел, все опешляешь, – рассердился Игорь. Тебя послушать, ... жить не захочешь. Везде у тебя одна шваль... одни Хвоинские...

- Это вы идеалист, – весело возразил Марущак.

- Ладно. Хватит об этом. Скажи лучше, как ты собираешься голосовать на референдуме?

- Вы верите в референдум? – в который раз засмеялся Марущак на другом конце провода. – Да им всем наплевать на мнение россиян. Будто россияне что-то понимают в реформах. Референдум – это пустое...

- Так вы подумайте насчет партии, – Игорь Григорьевич, – вместо прощания настойчиво повторил Марущак. – Проект у нас, что надо. Мы – чистые прагматики.

Глава 19

Павел Иванович Нерадько долго не хотел осознавать, что за восемь месяцев деньги его фирмы «Колорады» не только сильно обесценились, но – что их не будет вообще. Целые две недели он ходил в «Гарант»: пытался разговаривать с Бодровым, с Аверьяновым и с самим Балбесниковым. Бодров вначале что-то мямлил в ответ, отводил глаза, просил подождать, или придти через несколько дней, потом начал уклоняться от встреч и не брать телефон, с Аверьяновым было еще хуже: дюжий охранник просто не пустил Нерадько в кабинет. А Балбесников элементарно запил и перестал ходить на работу. Павел Иванович упорно ждал, должен же тот в конце концов пропиться, но нет...

Странно, но все это время Нерадько сохранял оптимизм. То есть Игорь, конечно, не мог знать, что тот думает на самом деле, но повторяя Павел Иванович все время одно и то же: «Никуда они не денутся. Отдадут», словно в этом заклинании заключалась некая магическая сила. Однако недели через две он неожиданно прозрел и тут же впал в черный пессимизм: запил. Едва ворочая языком, Нерадько в очередной раз позвонил Игорю. Но – это был уже другой человек...

- Где ты только их нашел, этих негодяев? – вопрошал он. Никогда раньше Павел Иванович не говорил Игорю «ты». – Разбежались, суки, как бляди от милиции. У одной глазки бегают, руки трясутся, ну точно шулер, вылитый, другой заперся, охрану поставил с перепугу,

261

262

у третьего, главного, вообще запой. Я понимаю, я сам тоже, тут как не запить, когда кругом одни подлецы? Ты, я понял, тоже негодай, ты все знал, только делал вид...

- Павел Иванович, это вы знали, - напомнил Игорь. – Вы сами так хотели.

- Знал, знал, старый дурак, - согласился Нерадько. – Думал: менты. Приличные люди. А оказалось те же бандиты, никакой разницы. Только что в офисе сидят. Я это так не оставлю. Да и партнеры, они не простые люди. Требуют вас. Поговорить хотят. По-хорошему.

- Пусть приезжают.

- Нет, ты приезжай. У нас офис на Ленинском проспекте. Не бойся, не убьют. Хотя надо бы.

Игорь знал: разговор будет нелегкий. Да и - только ли разговор? Кто знает, что у них за крыша? Но: Павел Иванович сам себя подставил. Подписал вексель напрямую с Литвиновым. Формально Игорь ничего им не должен и даже ни в чем не виноват. Он не мог знать про Литвинова. Тут – рулетка. Возвращать кредит должен Максим. Или «Гарант». Он, Игорь, только разместил кредит. Ни один суд не заставит его платить на векселе нет его подписи. Так уж лучше поехать к ним, чем они сюда. По крайней мере не распугают клиентов. И – он возьмет с собой охрану.

Игорь не очень даже волновался. Слегка опасался предстоящего разговора – что еще они придумают, но – слегка. Он чувствовал себя уверенно. Захватил с собой Гену с Сашей и еще человек пять, как они говорили: «солдат». Но оставил всех на улице. На всякий случай. Да и взял с собой скорей для психотерапии.

Офис оказался небольшой. Может, и не их вовсе. Игоря встретила секретарша, проводила то ли в кабинет, то ли в непонятного назначения комнату, в которой ничего кроме стульев и стола в углу не было. Нерадько и партнеры уже ждали его; сам Павел Иванович примостился позади всех и сбоку, он явно был сейчас не главный.

- Садитесь, - толстый мужчина придвинул Игорю стул так, что он оказался посреди комнаты напротив этих шести; все мужчины, кроме Павла Ивановича, были очень внушительных размеров, пузатые, все – мрачно и враждебно смотрели на Игоря.

- Вы сильно нас подвели, - начал первый, тот, что подвинул Игорю стул, доцент – доцентом он представился сам, фамилию Игорь не расслышал; на доцента этот тучный, мрачный человек похож был мало, скорее не уголовного, или отставного мента, на руке у него красовалась вытравленная татуировка, - очень сильно подвели. За такие дела знаете, что положено? Вы не ссылайтесь на «Гарант». Они – отбросы. Но вы – не могли не знать. Это называется: кинули.

Бессмысленно было им объяснять, что – не знал, не поверят. Действительно: обязан был знать.

- Я все делал по закону, - возразил Игорь. – Все оформлено правильно.

- Только денег нет. Вы как шулер, ловкость рук. Еще и смеетесь. Надо искать выход.

- Я не смеюсь. Я и приехал, чтобы искать выход.

- Чего уж проще, отдайте деньги «Кредитной конторы», потом возьмете с них по суду. Вам же каждый день несут новые.

- Нет. Кроме вас, у меня много других клиентов. Давайте по закону.

- Бойтесь, что «Гарант» не отдает кредит? – неожиданно спросил доцент. С его стороны это была явная ошибка. Сразу стало ясно, что они не так решительны и сильны, как хотели показать, что, напротив, они – боятся и не уверены в своих силах. Напротив, Игорь тотчас почувствовал себя уверенной.

- Не знаю, - отвечал Игорь. – Если бы они собирались оплатить кредит, они бы уже заплатили.

- Это ваша ошибка, - доцент снова заговорил уверенно. – Вы должны ее исправить.

Игорь выжидательно молчал.

- Я договорился с банком, - после паузы продолжал доцент. – Они дадут вам кредит. Под небольшой процент. Чтобы вы рассчитались с нами. Потом как-нибудь вернете.

- «Но этот все равно, что отдать свои деньги сразу, только еще проценты, - тотчас оценил Игорь. – А если не верну, меня убьют. Банк церемониться не станет. Какой-нибудь бандитский банк. У них – служба безопасности, киллеры».

- Нет, - сказал Игорь решительно. – Нет. Я знаю, что такое связаться с банком. Добровольно залезть в петлю. Почему бы вам самим не взять кредит?

Они все сразу загалдели, все вместе стали наезжать на него: «Мы как лучше хотим. Как лучше». – «Лгуны. Им на меня наплевать. Они готовы послать меня на смерть». Так продолжалось довольно долго. Игорь отбивался, потом, наконец, встал: «Нет, нет и еще раз нет. Вам нужно судиться с «Гарантом». Это ваши проблемы, не мои». Он встал и хотел выйти, но от волнения забыл, где дверь. Пока он искал выход и пытался открыть дверь, прошло довольно много времени, но они не попытались его задержать, они все вдруг замолчали. Они сидели, будто каменные изваяния на стульях. Игорь прошел мимо секретарши и открыл дверь в коридор, когда вдруг раздался выстрел. Стреляли не в него; он не понял, кто стреляет и зачем, в кого, только услышал крик: «Павел Иванович». Он стремительно сбежал на первый этаж, выскочил на улицу, долго, ему показалось, что долго – искал свою машину. Наконец, повалился на сиденье и скомандовал: «поехали».

- «А ведь меня могли убить, - с облегчением подумал Игорь. – Хорошо, что я не поддался. Иначе бы меня точно убили. Не сейчас, чуть позже».

Только сейчас он заметил рядом Геннадия и Сашу. Игорь оглянулся. За ними следом ехала машина с «солдатами».

Павла Ивановича Игорь больше никогда не видел. Он не знал, чем все закончилось и остался ли тот жив, он стрелял, или в него стреляли.

Расслабляться, увы, Игорю было некогда. Уже на следующий день вернуть кредит должны были Тарасов, Борисов и Витковский из одноименной ТОО. Ребята были хорошие, уважительные, он считал их образцовыми заемщиками, потому что до того они два раза день в день платили проценты. Игорь не ждал от них подвоха. И все же...

Он всегда тревожился, когда должны были вернуть кредит. Ведь, если не вернут, или задержат, необходимо срочно переписать вексель, или опротестовать его у нотариуса. Процедура исключительно муторная, но без этого нельзя. К тому же он был исключительно ответственный и педантичен.

Да, все устроено было так, словно цель законодателя состояла в том, чтобы затруднить жизнь кредитору и создать лазейки для жуликов.

Вобщем, он волновался. Еще накануне, едва вернувшись из «Колорадо», позвонил Тарасову. Тот обещал приехать и привезти деньги, но время шло, а их не было. Часа в три Игорь позвонил снова.

- Сейчас выезжаем, ребята только что приехали, - сообщил Тарасов, но прошел час, потом два они не появлялись. Пришлось звонить снова; Игорь уже догадывался: что-то не так. Действительно, теперь Тарасов ничего не обещал.

- Может быть, завтра, - Тарасов говорил уклончиво, даже с издевкой, показалось Игорю, но Игорь тут же отбросил эту мысль.

- Я сам к вам еду. Нужно сделать запись на векселе. Только обязательно дождитесь меня.

- Хорошо, приезжайте, - и снова что-то подозрительное мелькнуло в голосе Тарасова. Но это потом, потом, задним умом, когда Игорь прокручивал в памяти этот разговор. Тогда же – нет, он ничего не заподозрил.

Был уже седьмой час, когда Игорь приехал к ним в офис, в детский сад, стоявший на отшибе. Детский сад был пуст, уборщица провела его к «бизнесменам».

- Детей почти нет, совсем перестали рожать, - жаловалась по дороге добрая женщина. – Вот бизнесмены нас и спасают. Сняли целое крыло. Мы на них не намолимся.

- Чем они занимаются? Торговлей? Или еще чем? – Игорь решил воспользоваться случаем. «Рибок» - это ведь так, не бизнес.

- Да кто их знает? Молодые. Девчонок возят. Музыку крутят, - в простоте душевной стала рассказывать женщина. – Я тут как-то убираюсь у них, презервативов штук шесть вымела. Но платят исправно.

ООО «Тарасов», Борисов и Витковский» занимало огромный зал, частично разделенный невысокими перегородками – очевидно, раньше здесь расположено было в прошлом несколько отдельных блоков; в офисе стояли столы, явно не детсадовские, шкафы, диваны, стол для бильярда -

Игорь все же успел разглядеть; в дальней части зала на диване сидели какие-то люди.

Встретили Игоря Тарасов и Борисов. Игорь прошел к столу.

- Вы ведь обещали сегодня вернуть кредит. Олег Васильевич за вас поручался.

- Нас кинули, - промямлил Тарасов. – Сегодня должны были привезти деньги. Не вышло...

- Мы на днях вернем, - пообещал Борисов.

- Тогда подпишите вексель, что не вернули, - Игорь достал вексель из портфеля и положил на стол. За разговором он не заметил, как подошли люди, сидевшие в дальнем конце зала. Раньше разглядеть их Игорь не мог: там было полутемно. Теперь же он увидел: блатные. Хотя, в первое мгновение он не осознал, сознание не хотело включаться – это потом он все представлял очень ясно, вроде бы все видел и в то же время не смог бы поручиться, что все было именно так: электрошокер в руке у главного, татуировки на руках, толстые цепи на шеях. Одеты они были странно, расхристано, рубахи расстегнуты на груди. Игорь запомнил даже: у главного, первого, грудь была волосатая, на толстой золотой цепи болтался золотой крест. Все будто во сне.

- Это что за бумага? – спросил первый, главный, с электрошокером.

- Вексель, - автоматически ответил Игорь. – А вы, собственно, кто?

- Ну ты, я тебе поговорю, - с угрозой произнес главный. Он протянул руку и прежде, чем Игорь пришел в себя, вексель оказался у него в руках.

Игорь вопросительно посмотрел на Тарасова.

- Это что?

- так надо, - отвечал Тарасов. - Нас попросила страховая компания.

- «Война началась», - понял Игорь.

- Вмазать ему? – спросил главный. – А то, как первый раз видит.

- Нет, - сказал Тарасов, - не надо. Идемте, Игорь Григорьевич, - он вежливо, с явным смущением, проводил Игоря до двери. Бандиты, что шли рядом, особенно главный, все еще хотели ударить – все было на грани, так, по крайней мере, потом вспоминал Игорь.

- Ты смотри у меня, - это, когда дверь уже открылась и Игорь оказался в полутемном коридоре. – Смотри, не попадись в другой раз.

Игорь скорым шагом миновал пустой полутемный коридор – это была уже «детская» часть, - пару раз он едва не заплутал, оказавшись в тупике, и, наконец, охваченный яростью и страхом одновременно, оказался в узком переулке. «Лада» стояла на месте, Игорь не успел сесть в машину, как увидел идущего навстречу Витковского. Того не было в момент ограбления в детском саду и он, очевидно, ничего еще не знал. Он был тонкий, красивый, в длинном черном пальто, шарф «по-французски» намотан вокруг шеи – пижон. Игорь подозвал его к себе.

- Ты знаешь, что ваши сделали? – мрачно и зло спросил Игорь.

- Нет, - с испугом отвечал Витковский. Похоже, догадывался.

- Они меня ограбили. Забрали вексель. Там с ними бандиты.

- Не может быть, - Витковский запинался. Игорь заметил, что он дрожит и, показалось, едва стоит на ногах.

- «Взять его в заложники, - подумал Игорь, - затолкать в заднюю дверь, - он сейчас не думал, что станет делать потом, куда денет Витковского. Впрочем, у него была пустая квартира в Текстильщиках. - «А завтра взять Геннадия с его «солдатами», бывших афганцев, или Луцкова и - сюда, проучить этих, отобрать вексель». - Игорю почему-то казалось, что вексель они будут хранить в детском саду. Мысли пульсировали, Игорь ничего не мог решить, он стоял и смотрел, как дрожит Витковский. «Как осиновый лист».

В последний момент Игорь все же не решился.

- «Нужно ехать в милицию. - Но в милиции не захотят верить. Скажут: «А чем вы докажете, что у вас был вексель?» «Да, чем?» - и тут Игоря осенило. На работе в сейфе у него хранились ксерокопии векселей. Он всегда их хранил на всякий случай.

Он отпустил Витковского; тот, весь дрожа, скрылся за углом. Игорь велел Толе ехать на Кирпичную улицу. Но, лишь войдя в кабинет, он вспомнил, что ключ от сейфа находится у секретарши Леночки, Игорь стал дозваниваться, узнавать ее адрес и только в одиннадцатом часу прислал к ней домой.

Леночка вышла в прихожую, на ней был коротенький сарафанчик, в котором особенно привлекательно смотрелись ее длинные, стройные, призывные ноги, из-за ног Игорь и взял Леночку на работу, хотя отношения оставались чисто платоническими, - он не решался к ней подходить, но - визитная карточка фирмы; она наверняка уже много часов расслаблялась в объятиях мужа, по крайней мере, она выглядела чуть смущенно, будто только выпорхнула из постели. - «А ведь хороша», - подумал Игорь. Сарафанчик едва-едва прикрывал святилище и нижняя пуговица не была застегнута.

- Меня ограбили. Андиты захватили вексель. Мне нужны ключи от сейфа, - он был возбужден, но и смущен тоже. Лена странно, масляными глазами, с видимым сожалением посмотрела на него. «Все порядочные люди давно нежатся в постели, занимаются любовью, а вы... - в ее взгляде был то ли упрек, то ли усмешка, то ли тайный призыв. - «А ведь хороша, - подумал он снова, - ее бы положить, повезти в Италию... Эта дорого встанет».

Она вынесла ключи. Теперь снова на работу. Он тут же забыл про нее. Открыл сейф, взял копию векселя.

- Теперь в милицию, - приказал он Толе. - На улицу Ремизова. - Тот был беспрекословен.

В прошлой жизни, советской, когда Игорь работал врачом в хозрасчетной поликлинике, он нередко проходил мимо этого отделения. Неподалеку, на Нагорной улице, жила пациентка, астматичка, которая часто вызывала его. Сейчас она, наверное, умерла - уже несколько лет, как Игорь забросил врачебную практику.

Перед отделением в то время стоял стенд, там были фотографии и данные о разыскиваемых преступниках. Игорь иногда останавливался перед стендом: было любопытно. Одного он запомнил, вора в законе Меграбяна, тот разыскивался за убийство. Того самого, авторитета. Впрочем, Игорь не был уверен, память могла сыграть с ним злую шутку.

Да, всего несколько лет прошло, а как переменялась жизнь. Вот он здесь, бизнесмен - только бизнес у него очень опасный, - и уже несколько лет, как расстался с медициной. А другие... Алла Эдуардовна, зав.отделением, несколько лет, как в Америке, Магазаник - в Израиле, Маркарян уехал к сестре в Канаду, даже Ходоровская, бессменный парторг - уже она-то, казалось, горой была за эту власть - неожиданно оказалась на четверть еврейкой и устроилась в Германии. Поехала к пасынку во Францию, но по дороге вышла в Берлине. Еще при Горбачеве, еще когда Советский Союз...

... Да, другая жизнь... Лживая страна... Притворялись...

Время было около полуночи, но отделение светилось всеми огнями. Дежурный направил Игоря к капитану из угрозыска. Тот сидел в кабинете с еще двумя капитанами – один был толстый, красномордый, с лоснящейся от жира кожей, другой – седоватый, худощавый как жердь, с вытянутым, лошадиным лицом. На столе у них стояли бутылка с водкой «Смирнов», несколько кружек, на газете нарезаны были сало, колбаса и копченая рыба, соленые огурцы они брали прямо из банки. Капитаны, похоже, были пьяны, но в меру.

- Что случилось? – вполне приветливо спросил толстомордый. – Не смотрите, что мы тут. Дома жены-стервы, вот и приходится на работе. Как говорится, на ловца и зверь бежит.

- Меня ограбили. Отобрали вексель. Тут совсем рядом. В детском саду. Бандиты, - выпалил Игорь.

- «А, - сказал толстомордый, - бывает. Каждый день кого-нибудь грабят. Время такое. Они теперь везде, даже в детском саду. Вы на машине?

- Да, - подтвердил Игорь.

- Тогда знаете что, купите пару бутылок водки «Смирнов», тут киоск рядом с отделением, у Маши, ну и закусить тоже. И сразу поедем. Возьмем тепленькими.

Игорь все выполнил, как велели. Капитаны выслушали его еще раз, подроней.

- Выпьем на дорожку и по коням, - сказал толстомордый. Они разлили «Смирнов» по кружкам, налили и Игорю в не очень чистый стакан, снова нарезали колбасу - минут через сорок, допив «на посошок», так что Игорь ощутил тепло во всем теле и странную легкость – мысли слегка путались, но в то же время ясны и прозрачны («какие хорошие люди», почти с умилением думал он) – они поднялись.

- Первым делом проверим детский сад, - энергично сказал толстомордый. Говорил он все время один. Двое других почти не разговаривали. – Надо же, превратили в бордель. Я иду давеча, а там пьяные девки...

- Я думаю, в детском саду сейчас никого нет, - возразил Игорь. Ночь все-таки. У меня есть адрес их главного, Тарасова. – Первым делом в детский сад. На место преступления. Тепленькими возьмем, - настаивал толстомордый. - А там... и до Тарасова доберемся. Самое время, пока ночь. Никуда от нас не уйдет.

- Он с нами не поедет, - седоватый капитан указал на дежурного по угрозыску. – Сами разберемся. Так сказать, в порядке частной инициативы.

Через несколько минут оказались у детского сада. В саду было темно, горел лишь одинокий фонарь во дворе. Ворота были заперты.

- Спят, суки, - сказал толстомордый.

- Здесь калитка должна быть, - подсказал второй.

Стали обходить детский сад сразу с двух сторон. Калитку через некоторое время нашли, она оказалась нараспашку, в темноте пробрались к двери, толстомордый долго нажимал на звонок, внутри еле слышно что-то дребезжало, пока, наконец, не появилось взлохмаченное со сна, сонное лицо сторожа. Увидев милиционеров, он тотчас открыл дверь.

- Кто есть? – строго спросил толстомордый. – С бабой, небось?

- Никого нет. Какая баба? – с дрожью в голосе, подобострастно отвечал сторож.

- А был кто? Когда ушли? – стал допрашивать жердеподобный.

- Нет, у нас никого, - извиняющимся тоном отвечал сторож. - Я с шести часов тут. Никого не было.

- А у них, у бизнесменов ваших? – продолжал допрашивать худой. – Не ври только. У нас каждый день н вас жалобы.

- У них не знаю, - пожал плечами сторож. – Сегодня было тихо у них.

- Сбежали, значит. А в другие дни?

- В другие дни бывает, - осклабился сторож. – Девочек водят. Парни какие-то... странные. Музыка крутят. Да дело молодое.

- Притон, что ли? – спросил толстомордый.

- Притон, не притон, не касается меня. Я к ним не лезу, - отвечал сторож. – Деньги платят исправно. Би-изнес-мены, - протянул он.

- А ну-ка води нас, - приказали оба сразу капитана.

Только теперь, ночью, Игорь смог рассмотреть этот зал-офис, в котором всего было навалено. Рабочие столы, компьютеры, часть из них в коробках, шкаф, в котором висели костюмы, плащи и запасные рубашки, коробки с кроссовками Reebok, упаковки с презервативами, неизвестные Игорю таблетки, музыкальный центр, еще несколько магнитофонов, диваны с кое-как сложенными постелями; при офисе оказалась кухня – там навалена была грязная посуда, в холодильнике лежала тушенка в банках и колбаса, на полках рядом несколько бутылок водки.

- Это конфискуем, - капитаны дружно извлекли откуда-то дорожную сумку и сложили в нее бутылки все той же «Смирнов», банки с тушенкой и колбасу.

- Ладно, - сказал толстомордый, - прямых улик нет. То есть тут всё улика. Балбесы, а не бизнесмены. Но векселя нет. Теперь домой, к этому вашему Тарасову. Даст бог, тепленьким возьмем.

Москва была пуста и темна, лишь изредка встречались редкие автомобили. Ехать предстояло далеко, в Кунцево.

- Эх, что за жизнь, что за народ, - стал рассуждать толстомордый. – Вот раньше, при царе, купцы заключали сделки на слове. Обмануть – ни в жизнь. Позор. Честь превыше всего. А сейчас: одни бандиты и рэкетиры. И весь бизнес. Кто больше украдет. Всюду крыши, крыши.

Наконец, подъехали к темной машине спящей двенадцатиэтажки.

- Ну вот, кажись, приехали. Подождите нас здесь, - приказал толстомордый. – Сходим на разведку, посмотрим, что к чему.

Капитаны исчезли в темноте. Игорь с Толей долго сидели в машине, даже стали задремывать, - ночь, все-таки.

- Вы им верите? – спросил Толя. – Все под себя гребут. Может, лучше опросить ребят? У меня отчим знает всех авторитетов.

- Амиран, что ли?

- Ну он. Он быстрее решит.

- Не знаю. Посмотрим что ли.

Капитаны вернулись примерно через час и с шумом забрались в машину. Уходили они не трезвые, но – вполне ничего, сейчас же пьяны были вдрызг.

- Поехали назад, в отделение, - распорядился толстомордый, едва ворочая языком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.